

Аколла

ПОНЕДЕЛЬНИК
НАЧИНАЕТСЯ
В СУББОТУ



по ПОВЕСТИ
БРАТЬЕВ
СТРУГАЦКИХ

Что лучше - магия или наука?

Обращайтесь за ответом в НИИЧАВО

ИГРА
КОМПЬЮТЕРА

ROOTPIK
entertainment



XVIT ZONA



Настройка

М.бизнес

www.akella.com



© 2007-2008 ООО "Аколла"
Все авторские интеллектуальные права на территории России, СНГ и стран Балтии. Неполитическое копирование разрешается.
Телефон: (485) 363-4812, E-mail: akolla@akella.com Игры с доставкой через Интернет по:
Оптовому прайсу: Минск: (893363) 48-14, belady@solway.by; Санкт-Петербург: (812) 652-48-48, akella@magnum.ru
Ростов на Дону: (863290) 19-42, akellarostov@yandex.ru; Новосибирск: (383) 227-74-86, akella@yandex.com
Батуми: (593297) 34-42, akella@yandex.ru
Представитель на Украине - "Мультиранд" - www.multirand.com.ua
Финанс ООО "Делфи Навигатор" в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербургский район) по договору лицензирования "Аколла". Санкт-Петербург, ул. Маршала Говорова, д.37, телефон: (812) 387-48-48

СВЕТА

Борис
Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ
XXI
ВЕК



СКЛАДКА

декабрь
2008

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172784100-9



9 771727 841009

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК
2008 ДЕКАБРЬ



РАДИО РОССИИ

Государственная радиовещательная компания «Радио России» создана в 1990 г. Входит в холдинг ВГТРК. Единственное в стране радио, соответствующее европейской классификации «радиостанция общего формата».

«Радио России» обладает уникальной системой распространения сигнала:

"ПЕРВАЯ КНОПКА" проводного вещания

ДВ-1149 м | 261 кГц |

СВ-343,6 м | 873 кГц |

УКВ-66,44 МГц в Москве

УКВ-66,3 МГц в Санкт-Петербурге

WWW.RADIORUS.RU

- Аудитория - более 80 млн. человек ежедневно на всей территории Российской Федерации и сопредельных государств
- Вещание круглосуточное

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики



ПОЛДЕНЬ

XXI ВЕК

ДЕКАБРЬ
2008

СКЛАДКА



ПОЛДЕНЬ, XXI век СКЛАДКА

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы РА «Видео Интернешнл-пресс»:
просп. Вернадского, 53, тел.: (495) 785 55 06, 984 63 14, факс (495) 974 62 52.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Торговая компания»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, vs-d@vokrugsveta.ru.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продаж: sl@maat.ru
e-mail отдела подписки: podpiska@maat.ru

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51



Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 31.10.08. Формат 84 x 108 ¹/₃₂

Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 23 500

Заказ № 2968

ОАО «Типография «Новости»»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-220-3



9 785986 522203

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОН»)

Адрес редакции:

199053, Санкт-Петербург,

1-я линия В.О., д. 28

Тел./факс (812) 328 63 29

e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: polden@vokrugsveta.ru

Колонка дежурного по номеру

Нас снова пугают финансовым кризисом. Говорят, господа инвесторы опасаются за свои бабки и усиленно уводят их с фондового рынка, вкладывая в золото и драгоценности.

Конечно, когда цель жизни — лозунг «Обогащайтесь!», удивляться тут нечему. Деньги превыше всего! Раз нельзя их преумножить в получении сверхприбылей, то хотя бы стоит омертвить и сохранить в брюликах и слитках.

Нам довелось пережить за последние двадцать лет, как и всей стране, два крупных кризиса. И, как и всей стране, — выжить.

Но что теперь делать писателям, у которых, в большинстве своем, нет (а главное, никогда и не будет) ни брюликов, ни слитков? Если следовать законам рынка, то надо срочно переквалифицироваться, менять, так сказать, поле деятельности...

При советской власти среди людей творческих профессий существовала традиция работать дворниками или кочегарами в котельных. И может быть, нам стоит отправиться вперед, в прошлое? Снова пойти в дворники и кочегары... или как они там сейчас называются?.. операторы газовых котельных, что ли? Правда, тогда это делалось ради обретения свободного времени и возможности сочинять, не числясь тунеядцем. А сейчас будет — ради гарантированно-го заработка, если дворники и операторы котельных войдут, конечно, в список тех, кто пользуется государственной поддержкой...

Впрочем, вышеупомянутая традиция существовала до «Обогащайтесь!».

А писатели, опять же в большинстве своем, никогда не следовали этому лозунгу.

Почему-то теперь в душах пробующих свои силы в сочинительстве царит вера в то, что можно жить припеваючи исключительно на литературные гонорары. Каждый надеется стать Лукьяненко или Донцовой. Особенно, те, чьи опусы представляют собой перепевы произведений господина Толкиена или госпожи Роулинг. В жирные времена эти опусы печатаются вовсю — издателю надо, чтобы конвейер потребления книжной продукции работал бесперебойно, выбрасывая на рынок очередной товар. Но когда приходят кризисы, издатель становится крайне разборчив. В результате обманутые в своих ожиданиях клоны Толкиена и Роулинг начинают искать иные сферы применения своих сил.

А в литературе остаются не рвущиеся обогащаться, а лишь те, кто не писать не может. Они-то как раз, в массе своей, — бессребреники. И может, для литературы финансовый кризис — благо?

«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»

Генеральный директор Леонид Наумов

Директор по производству Евгений Колесов

Главный художник Юрий Токарев

PR-директор Анна Холодова

Директор по распространению Вадим Иваненко

Художники: Николай Панин, Александр Лебедев, Нина Кузьмина

Иллюстрация на обложке Николай Панин

Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков

Технологи: Сергей Соловьев, Сергей Цветков

Координатор Ольга Капустина

Редакция:

Александр Житинский, зам. главного редактора

AZhitinsky@vokrugsveta.ru

Николай Романецкий, отв. секретарь

NRomanetsky@vokrugsveta.ru

Самуил Лурье, редактор отдела прозы

SLurie@vokrugsveta.ru

Елена Минина, редактор отдела критики

EMinina@vokrugsveta.ru

Надежда Бельская, зав. редакцией

polden@vokrugsveta.ru

Общественный Совет при журнале:

Андрей Измайлов

www.mo-nast.tu

Святослав Логинов

www.rusf.ru/loginov

Евгений Лукин

www.rusf.ru/lukin

Сергей Лукьяненко

www.rusf.ru/lukian

Сергей Переслегин

okh.nm.ru

Вячеслав Рыбаков

www.rusf.ru/rybakov

Михаил Успенский

www.list.krasline.ru/writers/uspensk

Александр Щёголев

www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ДЕКАБРЬ (48) 2008

ИСТОРИИ

ОБРАЗЫ

ФАНТАЗИИ

ДМИТРИЙ СМОЛЕНСКИЙ

Складка

Повесть



1

1 Умберто чуть не погиб, когда до деревни было уже рукой подать.

Автобус ходил только до Сан-Себастьяно, и он выбрался из него на маленькой площади уже под вечер. Здесь у него была последняя возможность запастись продуктами — в первую очередь Умберто почему-то интересовал сахар, — но сегодняшних денег у него не было, а лавка комиссионера оказалась закрытой.

Ночь он провел под рыночным прилавком на разорванных картонных коробках, накрывшись газетами. Больше всего он опасался за свой тяжелый мешок, гремевший железом, поэтому пришлось положить его под голову и мучиться от неудобной позы все оставшиеся до рассвета часы.

В шесть утра от болезненной рваной дремоты его избавил полицейский, изгнав из убежища тычком сапога в подреберье и заставив прихватить с собой весь мусор. Газеты Умберто пожалел выбрасывать и неплохо скоротал время на ступеньках перед комиссионной лавкой за их чтением.

В восемь утра комиссионер, наконец, отпер свою лавку, и Умберто вступил в ее прохладный полумрак, сжимая в кулаке заранее приготовленную монету. Полчаса он спорил с одышливым толстяком о цене на динар-Султани, отекающий в Египте при Сулеймане Первом Великолепном¹. Да, монета немало походила

¹ Султан Османской империи в 1520—1566 годах.

но рукам, и ребро ее в одном месте несло явный след напильника, но арабская вязь с обеих сторон на ней по-прежнему читалась, и золота в динаре оставалось не менее трех граммов.

Толстяк все косился на мятый и давно вышедший из моды костюм Умберто, на его разбитые башмаки, на культяпку правого мизинца и почему-то шепотом предлагал за динар смешные деньги, прекрасно зная, что гринго, не задавая лишних вопросов, отваят за монету не меньше пятидесяти долларов.

Они ударили по рукам на двух сотнях новых крузейро². Не торопись так Умберто, он мог бы выбить из скушника на двадцатку больше, но времени как раз не было, а полученной суммы хватало и на сахар, и на две пары крепких башмаков.

Через час, с изрядно потяжелевшим мешком на плече, но испытывая прилив сил от выпитой кафезинь³ и съеденной на ходу теплой лепешки, он отсчитал двадцать крузейро водителю «форда» пятьдесят шестого года с ржавыми порогами и свежескрашенным капотом.

К несчастью, беспокойная ночь дала о себе знать, а на мягком диванчике машины оказалось так покойно, что он вздремнул. Спать да ехать — скверное сочетание, и расплата пришла немедленно. Казалось, лишь на несколько минут он прикрыл глаза, но за это время кончилось утро, прошло время сиесты, тени удлинились, и солнце лишь на ладонь вытянутой руки не дотянуло до горизонта.

Высадившись у магистрали, которой и в помине не было, когда он покидал деревню, Умберто не колебался. Ему стоило побыстрее уносить ноги, пока водитель удивленно крутил головой по сторонам, пытаясь понять, действительно ли он перенесся из угра в вечер или это ему только кажется.

До деревни можно было добраться старой дорогой — она начиналась совсем недалеко отсюда и петляла по лесу, огибая заболоченные низины, и шла сначала по правому берегу речушки, а после брода перебрасывалась на левый. Новое же шоссе строилось точно с востока на запад, и, как прикинул в уме Умберто во время разглядывания схемы в газете, если свернуть с него на двенадцатой миле и пойти напрямик через лес, он сможет добраться домой еще до полуночи. Потому он пристроил мешок поудобней и двинулся по гладкому асфальту, твердо ставя на него ноги в новых, неразношенных и поскрипывающих при каждом шаге башмаках.

² Введены после денежной реформы 1967 г., когда произошла девальвация: 1000 крузейро обменялись на 1 новый крузейро (cruzeiro novo). С 15 мая 1970 г. восстановлено прежнее название крузейро.

³ Питье очень крепкого черного кофе с сахаром.

Рассчитал Умберто все правильно — просто не повезло. До захода солнца его четырежды обгоняли грузовики, сначала старые, с длинными капотами, потом один новый, из тех, где водитель сидит прямо над двигателем. Четвертый самосвал был настоящей машиной, с колесами высотой в человеческий рост и стальным кузовом, полным щебенки. Никто из водителей не обратил внимания на поднятую руку старика, идущего по шоссе.

Вскоре с неба посыпался мелкий осенний дождь, и ему пришлось снять пиджак и накрыть им мешок сверху из опасения за положенные внутрь пакеты с сахаром. Он понятия не имел, зачем его купил, увеличив ношу на два килограмма, — в деревне, сколько он помнил, всегда делали свой, домашней выварки. Но, раз уж он это сделал, значит, так было нужно. Вернее, будет нужно.

Совсем стемнело, а дождь все не прекращался, как будто вместе с сегодняшним днем закончилось и лето. Идти, однако, было легко, потому что вода на асфальте не задерживалась. Капли, упав с темного неба, отскакивали от полотна водяной пылью, собирались в мелкие ручейки, скатывающиеся с дороги по глинистому склону насыпи в глубокий кювет и превращаясь в нем в мутный бурлящий поток.

Придорожные столбики закончились еще на восьмой миле, а вскоре Умберто сбился и со счета шагов. Войдя в согревающий ритм ходьбы, он прошел несколько дальше места, с которого нужно было свернуть в лес. Только когда мощно рывкнула за спиной нагнавшая его чудная, не касающаяся земли машина, Умберто понял, что оказался западнее деревни.

Транспорт просвистел мимо, мелькнув двумя этажами освещенных окон, но Умберто не успел разглядеть его, шарахнувшись в сторону и рухнув на склон насыпи. Скольжение по мокрой глине длилось секунду. Еще мгновением дольше — и он с головой ушел бы в бурный ручей у подножия насыпи, увлекаемый своей ношей. Однако Умберто сумел оттолкнуться, перелетев кювет и упав на другой стороне рва. Лязгнул металл в отброшенном мешке, и звонко хрустнуло в левой руке, окатив тело запоздавшей волной жара и боли. Умудрившись покалечиться совсем рядом с домом, он принялся облегчать душу безостановочной бранью на всех сохранившихся в памяти языках.

Исчерпав запас арамейских ругательств и перейдя к древнегреческим, Умберто почти успокоился. На «поедателе кала своего отца» он выдохся и принялся ошупывать удерживаемую на весу руку. Чуть повыше запястья в ней будто появился

дополнительный сустав, в котором кисть легко и почти безболезненно сгибалась к тылу, но отказывалась двигаться в обратном направлении. Пальцы на руке скрючило, они похолодели и онемели, а при попытке размять их вызывали боль в месте перелома. Расстегнув пуговицу на прилипшей к телу рубашке, Умберто как смог пристроил поврежденную руку к животу, вздрогнув от ее прикосновения, как от чужой.

Пытаться снова выбраться на шоссе он даже не думал. Лишь кое-как набросил на голову и плечи мокрый и грязный пиджак, подхватил здоровой рукой мешок и потащился в обратном направлении, с трудом угадывая в темноте ямы, оставшиеся после корчевки придорожной полосы.

Агата умирала в эту ночь у себя дома.

Перед уходом Лусинда оставила ей в кровати бутылку с теплым молоком, и Агата, неловко пристроившись к ней сбоку, напилась им вечером и ночью. К утру все подстеленные пеленки оказались мокрыми, и она долго кричала, призывая бабушку. Потом у нее сильно разболелся живот, и, будучи не в силах справиться с позывами, Агата обгадилась. К полудню воздух в комнате испортился, наполнившись запахом тухлых яиц и скисшего молока, невесть как пробравшиеся в дом мухи облепили ее тело, роились между ног. Первое время она еще пыталась с ними бороться: ворочалась, смахивала мух с лица, но руки слушались все хуже и хуже, и совсем скоро она сдалась.

Если бы Агата могла предугадывать будущее, она допила бы все оставшееся в бутылке молоко днем. Когда, ближе к вечеру, она решила сжать беззубыми деснами резиновую соску, насаженную на бутылочное горлышко, молоко оказалось свернувшимся. Она высосала горьковатую простоквашу, но через час взбунтовавшийся желудок заставил ее исторгнуть из себя желтоватую крупитчатую струю, а вскоре еще и пробил понос.

Она умирала и понимала это так отчетливо, как будто душа ее отделилась от тела и сейчас находилась рядом с кроватью, с брезгливой холодностью наблюдая за копошением мух на покрытой испариной коже, в подсохшей лужице рвоты и желтых пятнах фекалий на сбитых пеленках. Небо и язык у нее высохли, и даже в глазах будто оказался песок — любое движение век вызывало сильную боль. Она потеряла почти весь небольшой запас воды, находившийся в теле, потеряла со рвотой, поносом потом продолжала терять его с каждым своим выдохом.

С приходом сумерек стало немного легче — мухи перестали звенеть вокруг нее и успокоились. Она несколько раз проваливалась в короткие обмороки, но не понимала этого, потому что потеря сознания выглядела естественно: раз — и стало темно, два — она снова могла видеть.

За окном пошел дождь, но Агате казалось, что шумит у нее в голове. С нарастанием шума комната все увеличивалась, стены раздвигались, а потолок поднялся выше неба. Она осталась посередине старой деревянной кровати, подпертой с краю спинками придвинутых стульев, но границы комнаты все продолжали разъезжаться, а Агата — падать внутрь себя. Когда ее собственные размеры достигли размеров точки, поставленной в конце предложения, она с облегчением покинула тело, оставив его лежать в загаженной постели с открытыми глазами.

Глубокой ночью Агата очнулась от грохота, с которым запахнулась дверь. Вместе с плеском дождя в комнату ввалилось огромное черное существо с тупым наростом вместо головы и с одной рукой, державшей мешок с пыточными инструментами. С лязгом бросив тяжелую ношу у порога, существо по-хозяйски захлопнуло дверь и принялось расхаживать по комнате, натываясь на стулья и стуча башмаками.

Она никогда не думала, что смерть приходит столь прозаически страшно, одноруким уродом, не способным отыскать ее в темноте и бессильно взрыкивающим простуженным голосом: «Агата! Да где ты, черт тебя подери? Какого дьявола у тебя воняет, как в свинарнике? Агата!! Да сдохла ты, что ли?»

Наконец, существо наткнулось на стол, свалив стоявший на нем подсвечник, липко зашлепало ладонью по клеенке, нашарило коробку спичек. Замурованная в своем теле Агата представляла каждое его движение в комнате так же хорошо, как если бы видела его в ярком дневном свете. Вот существо проверило наличие спичек в коробке, махнув им в воздухе, как погремушкой. Вот завозилось, что-то вытаскивая из живота и разрывая при этом одежду — она слышала звук упавшей на пол и покотившейся пуговицы. Вот злобное шипение, превратившееся в стон, скрежет серной спичечной головки по коробке, треск разгоравшегося пламени.

Собрав все свои силы, Агата чуть повернула голову и скосила глаза, чтобы увидеть лицо присланного за ней существа. Оно было ужасным: сморщенное, поросшее белесой щетиной, с запавшими губами и крючковатым носом. Вставив выпавшую свечу в

подсвечник и затеплив ее от догоравшей спички, существо дало пламени утвердиться на фитиле. Подняв светильник на уровень глаз, оно обвело им вокруг себя, заставив огромную угловатую тень заматываться по стенам. Увидев разобранную постель, существо вытянуло к ней руку с подсвечником и, сделав несколько шаркающих по доскам пола шагов, приблизилось.

«Матерь божья, пресвятая Мария! — пробормотало существо, когда раздраженные мухи, разбуженные светом, загудев, поднялись в воздух. — И ты, мягкосердный Иисус! Да что же здесь творится?»

Отмахнувшись свечой от насекомых, существо повело его над телом ребенка, поджавшего перепахканные дерьмом ноги, пока не заметило следящих за огнем движений глаз Агаты. «Живая? — пробормотало существо. Наклонившись к ребенку, оно прикоснулось губами и носом к его груди: — Теплая! Слава Спасителю, я успел!..»

Через несколько минут, учинив тотальный обыск комнат, в одном из кухонных шкафов оно нашло старую лампу, в которой еще плескался на дне керосин. Когда тени были разогнаны по самым дальним углам комнаты, существо разделось, сбросив грязную и мокрую насквозь одежду на пол и отшвырнув ее ногой к двери. Оставшись в одних ветхих подштанниках, существо перестало казаться посланцем смерти, превратившись в почти лысого, очень худого и сутулого старика, заросшего до самых глаз седебряной щетиной.

Действуя одной рукой, старик вытащил из-под Агаты обгаженные пеленки вместе с простыней, скомкал и вытащил за дверь на веранду. Взявшись разжигать печь, он обнаружил отсутствие дров и, недолго думая, разломал единственный табурет, оставив лишь пару стульев, которые Лусинда придвинула спинками к кровати.

Согрев воды, старик налил ее на дно побелевшей от времени детской оцинкованной ванны, используемой в последние годы исключительно для стирки. Потом перенес в нее Агату и неумело обмыл ее, не замечая, что девочка жадно пытается ухватить мутные капли с шершавой ладони старика, которой тот оттирал засохшую на мягких волосах и щеке рвоту.

Перевернув матрац обратной стороной, он застелил постель обнаруженным в сундуке свежим бельем и лишь после этого догадался напоить Агату. Поначалу приготовленный стариком сахарный сироп лишь вытекал из ее рта, но когда жидкость затекла ей в горло, она вынужденно ее проглотила и после этого уже

пила не переставая, изредка закашливаясь. Тогда старик убрал соску и поднимал голову Агаты локтем большой руки повыше, усаживая на своих худых старческих коленях. А потом снова начинал поить, потому что Агата принималась кряхтеть и тянуться к соске губами. Она выпила всю бутылку и, почувствовав теплую тяжесть в животе, с облегчением помочилась. Старик дернулся, испуганно раздвинув ноги и чуть не уронив девочку, потом рассмеялся, дождался окончания дробного стука струи об пол и пришлепнул Агату по животу: «Вижу, что рада, но могла бы предупредить!». Заново подмыв ее остывшей водой, старик переложил обмякшее тело Агаты с рук на кровать, в которой она недолго повозилась, устраиваясь так, чтобы иметь возможность следить за ним.

Сняв мокрые подштанники, старик небрежно затер ими лужицу на полу, и, нисколько не стесняясь своего высохшего от прожитых лет тела, сплошь покрытого застарелыми рубцами и перевитого набухшими венами, снова начал лазать по шкафам, что-то ища, не находя и бормоча себе под нос непонятное. Агата уже догадалась, кто этот старик, и потому перестала опасаться за свою жизнь и только пыталась понять, что же он ищет, с шумом открывая и закрывая дверцы, со стуком двигая ящики и гремя столовыми приборами.

Не найдя искомого, старик, кряхтя, всунул ноги в тяжелые мокрые ботинки и вышел из дома под дождь. Через некоторое время он вернулся с выломанной из забора доской, прислонил ее к стене и коротким ударом босой пятки разломил на две части. Подгнивший конец он оставил валяться в углу, а другой, длиною в локоть, швырнул на стол. После чего он взялся за простыню, зажал ее зубами и оторвал здоровой рукой длинную полосу ткани.

Старик казался совершенно измотанным. Агата безошибочно определила это по дрожанию правой руки, опущенной на колени, и частому мелкому дыханию. Однако старик только собирался с силами, потому что не считал свое непонятное дело законченным.

Усаживаясь на пол перед столом, он с трудом выпростал из-под себя ноги, зацепил покалеченную руку скрюченными пальцами за край столешницы, изогнулся, наваливаясь здоровой рукой и тяжестью всего тела на локтевую ямку, и потянул ее вниз. Тонкий звук, родившийся внутри старика, почти сразу перешел в стон, а потом в вой. Подсохшая было спина его, с проступающими ребрами и оттопыренными крыльями лопаток, залоснилась от пота, а шея и затылок побагровели.

Старик тянул свою руку недолго — непослушные пальцы начали соскальзывать с края стола, и тогда он перехватил ее возле запястья, уложил на обломок доски и начал приматывать пу-тавшейся лентой ткани. Помогая здоровой руке носом и зубами, он кое-как справился с почти непосильной задачей и после этого долго сидел, уткнувшись лбом в колено.

Агата уже засыпала, когда старик поднялся с пола, задул лампу и лег рядом с ней на постель, устроив больную руку над ее головой на подушку. Здоровой рукой он прижал ее к своему холодному животу и устало пробормотал: «Ну, вот и все, Агата! Умберто снова вернулся домой!..»

2 Лусинда появилась на следующий день с окончанием сиесты.

Умберто заканчивал рытье ямы для издохшей свиньи в дальнем углу огорода, когда, разогнувшись с полной лопатой земли, заметил мелькнувшее за плодовыми деревьями платье.

Не спеша и оберегая поднывавшую руку, он выбрался из ямы, отряхнул штаны и направился к дому. Услышав, как хлопнула закрывшаяся дверь, он не сдержал усмешки: устроенный ночью беспорядок он устранял все утро, прибрав и свои вещи, так что присутствие в доме мужчины не должно сразу броситься бабке Агаты в глаза.

Он застал ее в комнате склонившейся над внучкой. Едва отворилась дверь, Лусинда отшатнулась от кровати, обернувшись так резко, что чересчур длинная юбка обвила ей ноги. Она сразу его узнала, хоть и не видела больше полувека, но, даже вспомнив, попыталась закрыться от протянутых к ней рук стулом.

Схватка была короткой. В полной тишине, нарушаемой лишь их дыханием и шарканьем башмаков, Умберто достал-таки волосы Лусинды, сжал их в кулаке и, рванув вниз, заставил ее сначала изогнуться от боли, а потом опуститься перед собой на колени. Она по-прежнему цеплялась за стул и даже протащила его за собой до двери, выпустив лишь возле порога и признав свое поражение окончательным.

Она дрожала, но не от страха, а от ярости, пока Умберто, перехватив ее волосы левой рукой, правой расстегивал и вытягивал из брюк кожаный ремень. Они по-прежнему не говорили ни слова, и это было естественно, потому что оба знали причины происходящего. Умберто не считал необходимым тратить слова на объяснения простых и понятных вещей, а Лусинда была еще не настолько глупа, чтобы пытаться его разжалобить.

Он отпустил ей ровно десять ударов, дав первым оценку ее проступка по отношению к Агате, а остальными девятью лишь

откомментирав гибель свиньи, двух уток, четырех кур, грязь в доме, отсутствие сухих дров и запаса продуктов. Инстинктивно дернувшись к нему от ремня, со свистом обрушившегося на яго-дицы, Лусинда вцепилась зубами в его бедро, сляясь прокусить брюки. С каждым последующим взмахом Умберто ее зубы сжи-мались все слабее, и к десятому удару она уже просто прижималась щекой к мокрому пятну на его штанине.

Закончив экзекуцию, Умберто оторвал ее от ноги и поднял. Даже такая, с перепачканным слюной и пылью лицом, со спутанными волосами, она была красавицей. Он видел ее разной: девушкой, цветущей женщиной, старухой, но такой — едва достигавшей ему до середины груди тонкой девчушкой — Умберто ее не помнил. Кое-как ушитое платье на груди обвисало, и было ясно, что скрывает оно не плоть, а лишь скомканные тряпки, набитые в лифчик. Шея, выглядывавшая из воротничка, была чуть толще его запястья, ногти на пальцах обгрызаны. Склонившись к ее лицу, он, стараясь не поддаться жалости, сказал: «Натаскаешь воды и перестираешь все белье из корзины на веранде». И только после этого оттолкнул от себя.

До вечера первого дня, проведенного Умберто в ставшей ему родной деревне, он успел переделать массу дел и еще больше запланировал на ближайшее будущее. Запущенный Лусиндой огород подлежал перекопке. Свиньи стояли по колено в собственном дерьме, и он мог только удивляться воле к жизни, проявленной двухмесячными поросятами, в то время как их родительница протянула ноги от болезней. Крыша птичника прохудилась, и слава Богу, что вчера прошел дождь — запертые птицы смогли напиться из образовавшейся на земляном полу лужи.

Еще он сходил повидаться с Отцом Балтазаром и Матерью Кларой, которых все жители деревни звали просто Отцом и Матерью, чтобы не путаться в именах, — ведь в каждом поколении кого-то из детей называют Балтазаром или Кларой.

С Отцом он договорился, что в ближайшую поездку в Сан-Себастьяно тот закупит для него керосина, мешок риса, пару мешков пшеницы и новую пилу, поскольку старую он никак не мог найти. У Матери выпросил литр оливкового масла, паке-тик черного перца и две бутылки кашасы⁴ домашней выгонки, отдав за обещанное и уже полученное двадцать восемь граммов серебра австрийским талером времен Священной Римской империи.

⁴ Крепкий алкогольный напиток (водка), приготавливаемый из сахарного тростника.

Дом Отца с Матерью был самым лучшим в деревне: каменным, десятикомнатным, под крышей из черепицы, с обширным садом и ухоженным огородом. В прошлое свое возвращение Умберто успел подружиться с Эдмундо, сыном Балтазара, тогда двенадцатилетним подростком. Сейчас же его место в доме заняла Эпифания — девушка на выданье, опекаемая не только родителями, но и не женившимся к сорока годам племянником Сезаром.

Умберто с удовольствием провел бы в этом доме гораздо больше времени, тем более, что Отец обещал накормить его до отвала шурраско⁵ и выставить на стол не только кашасу, но и ром фабричной выработки. Однако оставлять своих женщин надолго он не мог, да и дел было по горло. Балтазар все переминался с ноги на ногу, в третий раз принялся уточнять: точно ли два мешка пшеницы должен он привезти из города, и не надо ли ему табаку, и есть ли у него дома бобы и фасоль. Воспользовавшись согласием Умберто на пару фунтов фасоли, Отец с облегчением отослал Клару в дом и, глядя поверх головы, решился спросить: «Так ты Его видел все-таки?».

«Кого его?» — не понял Умберто.

«Его!» — повторил Отец Балтазар, и по тому, как произнес он это слово, Умберто понял, о ком его спрашивают.

«Нет, Отец, прости, но и в этот раз не получилось!»

«Ты хотя бы там был?»

«Нет! Честное слово, я пытался, но как раз при Тиберию⁶ меня загнали на Рейн, и вырваться оттуда не было никакой возможности!»

«Ну ладно! — вздохнул Балтазар. — Может, Эдмундо повеет больше!..»

Когда Мать вернулась с полотняным мешочком, Умберто с облегчением его принял и склонился над ее затянутой в черную шерстяную перчатку рукой, чтобы поцеловать. Клара застеснялась, неловко стянула перчатку, и он долго держал ее руку в своих, отогревая дыханием ледяные пальцы.

«Все так же мерзнут?» — спросил он.

«Так же! — ответила она, виновато улыбаясь. — Вот от тебя тепло сейчас почувствовала, значит, живые! Ты заходи к нам еще и женщин приводи! Еды на всех хватит, и тебе полегче!»

После посещения Отца Умберто отправился в лес, вооруженный лишь мачете. Это был не тот лес, к которому он привык за

⁵ Разновидность шашлыка из говядины, готовящегося на углях и употребляемого с соусом из томатов, лука, уксуса, оливкового масла и соли.

⁶ Тибериус Клавдий Нерон был усыновлен императором Октавианом Августом (в 4-м году от Р.Х.) и наследовал его власть над Римской империей (14—37 гг. от Р.Х.)

долгие годы странствий: влажный и душный, оплетенный лианами и паутиной, с покрытыми лишайниками стволами деревьев и гнилью под ногами. Кроме насекомых, змей да лягушек, живности внизу не было, вся она резвилась в кронах деревьев и давала о себе знать лишь грубыми криками попугаев да древесной трухой, сыплющейся на голову.

С трудом набрав годного для печи валежника и связав его в охапку лианами, Умберто вернулся, уставший и разочарованный. Будь у него пила, не пришлось бы бродить в поисках сучьев — свалил бы целое дерево, пилил да перетаскивал к дому. Пока же приходилось довольствоваться тем, что есть.

Преподанный Лусинде урок пошел ей на пользу. Заглаживая вино, она работала как заведенная, таскала с реки воду, изгибаясь под тяжестью ведра и обливая платье, дула на покрасневшие ладошки и смахивала с бровей пот. Первое время Умберто старался не выпускать ее из виду, опасаясь, что она снова что-нибудь выкинет, однако вскоре успокоился. Только тряпки из-за пазухи она так и не достала, Умберто даже показалось, что она насовала их еще больше. В конце концов, это не его дело, решил он, хочет выглядеть старше — пусть делает, что хочет! Явится Казимиро — сам с женой разберется...

Умберто сходил с Лусиндой на реку, помог прополоскать и отжать белье. Не то чтобы это было обязательным, просто ему захотелось смыть с себя пот и грязь. Вода в реке — на самом деле ручье шагов пятнадцати шириной — питалась ключами и была ледяной и прозрачной. И все-таки он окунулся у берега и даже полежал несколько минут в быстром потоке, держась за камни, чтоб не снесло течением.

Лусинда ждала его на мостках, присев на корточки рядом с корзиной, и смотрела на него столь пристально, что Умберто вдруг застеснялся своей стариковской наготы. Умом-то он понимал, что бабка Агаты, хоть и выглядела сейчас ребенком, на самом деле чуть не на полвека его старше, но слишком уж расчетливым был ее взгляд. Он уж и забыл, что на него могут так смотреть женщины — как на выставленного на рынке невольника, с сомнением и немым вопросом: а стоит ли связываться? От первой ночи рядом с Агатой толку пока было мало, но сломанная вчера рука его почти не беспокоила: пальцы сгибались, и кисть могла держать лопату. Только на запястье держался небольшой отек, да на предплечье определялась ступенька от неточно составленных обломков.

К ужину Умберто забил утку, показавшуюся самой вялой, а Лусинда, не растерявшая пока кулинарного мастерства, долго тушила



ее с пряностями, мукой и сухими травами, приготовив забытое им инго-но-тукупи. Агата снова спала, напоенная кипяченым козьим молоком, а они с Лусиндой, сидя за столом, тихо беседовали.

То ли от двух рюмок неразбавленной кашасы, то ли от избытка специй в тушеной утке, но в животе Умберто было тепло и спокойно. Тело его наслаждалось заслуженным отдыхом, а мысли в голове бродили медленно-медленно, как большие рыбы в глубоком омуте.

«Сегодня опять убежишь?» — спрашивал он Лусинду с усмешкой.

«А ты отпустишь? — дерзко спросила она в свою очередь. — Или тебе есть что мне предложить?»

«Пощупай!» — он положил перед ней на стол правую руку.

Лусинда долго трогала его ладонь, с которой даже долгий путь из Европы домой не смог вывести окаменевшие бугры мозолей.

«У тебя будет очень долгая жизнь и две жены!» — сказала она.

«Может быть! — усмехнулся Умберто. — Но если ты еще раз бросишь Агату без присмотра, я этой же самой рукой переломлю тебе ребра! Надеюсь, ты смогла прочесть это в линиях?»

«Не пугай меня — пуганая! — продолжала дерзить Лусинда. — Только появился, и уже грозишь! Смотри-ка какой воин в деревне объявился! Кто ж тебя тогда без пальца смог оставить? Или совал, куда не нужно, — откусили?»

Умберто хмыкнул.

«Палец-то у меня еще вырастет, а срубленную башку на шею не насадишь!»

Он не забыл сумбурный бой, в котором лишился мизинца, но сам момент удара в памяти не отложился. Помнились только давка, вонь окружавших его тел, кусты с деревьями, мешавшие сомкнуть и выровнять ряды, оглушительный рев напирających германцев да лязг железа со всех сторон. Он и боль ощутил только к вечеру, а крови и подавно не было. Он был тогда молод, и заживало все как на собаке — ни красноты, ни гноя.

«Куда ходила? К индейцам?»

«Очень надо! — пренебрежительно оттопырила нижнюю губу Лусинда. — Здесь час ходьбы до поселка строителей. И наши есть, и гринго с мексиканцами!»

«Чего хотела? — настаивал Умберто. — Чтоб на твою бутафорию купились? — он кивнул на ее бесформенную «грудь». — Так дураков мало! А вот уroda-извращенца ты на свою шею легко могла бы поймать!»

Лусинда ощерилась, показав мелкие острые зубы.

«Не родился еще кобель, который на меня насильно вскочит!»

Она согнулась под стол, пошарила рукой под юбкой, швырнула на стол узкий нож с деревянной рукояткой. Нож покатился, Умберто прихлопнул его ладонью, взял в руки, проверил заточку. Лезвие было отменной остроты, но для боя нож не годился — рукоятка не имела ограничителя, и при сильном ударе можно было расщесть собственные сухожилия.

«Таким только сумки на рынках резать — барахло!» — выставил он оценку.

Лусинда дернула плечом.

«Я его и не доставала ни разу, вообще от мужиков подальше держалась!»

«Так зачем тогда таскалась туда? Да еще дома не ночевала?»

«В шалаше жила!» — буркнула Лусинда.

«Ясно! — кивнул Умберто. Ему и в самом деле все стало ясно, однако он счел своим долгом ее предупредить. — Бросай свои походы! Вернется Казими́ро, все войдет в свою колею, а начнешь блудить — палец о палец не ударю, когда он палкой учить начнет. Я его знаю, от него ремнем по мягкому месту не отделаешься!»

Неожиданно для него Лусинда разрыдалась, спрятав лицо в ладони.

«Ты чего?»

«Не вернется Казими́ро! — давилась она слезами. — Сон вида — не вернется!»

«Что за бабы истерики!» — рявкнул Умберто, и проснувшаяся Агата тут же отозвалась плачем.

Лусинда поспела к внучке первой, с трудом подняла на руки, села на край кровати, принялась укачивать. Утешальщик из Умберто был никакой, поэтому он, махнув рукой, вышел из дома и уселся на ступеньках веранды.

Конечно, в деревне уже бывало, когда мужчины не возвращались. Иногда женщины, так же, как и Лусинда сейчас, видели плохие сны, иногда обходилось без них. Да и причины невозвращения могли быть разные. Что бы там ни говорили и ни думали, но люди по-прежнему смертны, и чем дальше на восток — тем больше их подстерегало опасностей. Войны, болезни, несчастные случаи... Одно плаванье через океан чего стоило! Умберто хмыкнул, вспомнив, как отплыл из порта Макапы в каюте парохода, а на вторые сутки, едва (как ему тогда показалось) он сомкнул глаза, как был разбужен топотом чужих сапог над головой,

оказавшись в душном кубрике двухмачтового парусника, ползущего вдоль африканского берега. С тех пор он развил в себе умение дремать вполглаза, лишь скользя по поверхности сна и не погружаясь в него полностью. Во всяком случае до Сан-Себастьяно эта привычка не раз его выручала. А в «форде» он просто расслабился, посчитав себя дома.

Да, бывало, что мужчины не возвращались в деревню. Муж Камилы, например, так и осел в Сан-Паулу. Встречали его там, Отец Балтазар рассказывал. Видать, устал человек живым маятником быть: из деревни в мир, из мира в деревню. Решил остановиться, закрепиться на одном месте, жизнь прожить как все. Хотя и проклинала его Камила, а все ж понять его можно. Конечно, если мужчина понять пытается, да еще пришлый. Те, что от Отцова корня, — те никогда не поймут.

В доме вроде затихло. Умберто поднялся, стараясь ступать осторожно, вошел внутрь. Лусинда уже убирала со стола, грела воду для мытья посуды. Агату она убаюкала, уложила на место. Умберто присел, спросил негромко.

«Ну, и что намереваешься делать?»

Лусинда передернула плечами, буркнула: «А сам что думаешь?»

«Думаю, мужчину тебе надо сыскать, у Отца Балтазара разрешения спрашивать!»

«Я, между прочим, внучка его родная — если забыл вдруг!»

«И что? — не понял Умберто. — Для кровной родни ему сам бог велел расстараться!»

«Много ты понимаешь! — скривилась Лусинда. Странно было видеть на ее детском лице столь откровенное проявление ненависти. — Для него что написано в Евангелии — то и истина! Апостол же Павел предпослал римлянам: “Ибо замужняя женщина привязана законом к мужу, пока он жив; а если муж умрет, то она освобождается от закона о муже. Итак, если при живом муже она соединится с другим, то будет называться прелюбодейкой; а если муж умрет, то она свободна от закона...”⁷»

«Да, — согласился Умберто, — если Казими́ро умер, то свидетельства о смерти ты не дождешься...»

Они помолчали, не желая говорить об угрозе. На маленьком деревенском кладбище две трети могил таили в себе скелетики в локоть длиной — жалкие останки женщин, не дождавшихся возвращения мужей. И Камилин гроб там же. Нет там только могил

⁷ Римлянам 7:2, 7:3.

родителей Агаты, а на каком кладбище они похоронены — одному Богу известно.

«Что же делать? — мучительно пытался собраться с мыслями Умберто. — Если Казимиру и вправду мертв, Лусинда чиста перед Богом и собственной совестью и может снова вступить в брак. Ну а если супруг ее жив, да еще и вернется? Ведь как ни крути, — он внимательно осмотрел сидевшую напротив него юную женщину, — а она в состоянии ждать возвращения еще лет двенадцать. Именно на этом и будет настаивать Отец Балтазар, уповая на милость Господа нашего и, вполне вероятно, собственными руками толкая внучку в могилу.

Уже и сейчас ей придется тяжело, — продолжал думать старик. — Она давно миновала возраст, в котором нового жениха можно было бы выбирать из десятка претендентов. В особенности — если сразу исключить не способных решить ее проблему юнцов. Сейчас же на детские глаза Лусинды, ее худенькие пальчики и тонкие щиколотки может покуситься только слюнявый пресыщенный старикашка, но не свадьбу же он ей предложит!

Шантаж? — размышлял Умберто. — Рискованная штука! Да и как же трудно его организовать, если можешь покинуть деревню лишь на несколько часов! А ведь еще нужно преподнести результат таким образом, чтоб поверил даже Отец Балтазар! Ну, а если Лусинда все-таки ошиблась, и Казимиру жив? Не видать тогда второго Пришествия ни ей с новым мужем, ни мне с Агатой! Как пить дать — выгонит нас всех четверых Отец, как только узнает о подлоге!»

Вздыхнул Умберто, и Лусинда вздохнула.

«Ладно! — произнес, наконец, старик. — Есть еще у нас время, чтобы хорошо все обдумать и глупостей не натворить... Ты помой посуду-то, вода закипела!»

Когда наступила ночь и Умберто лежал рядом с Агатой, обняв ее правой рукой и ощущая скорее кожей, чем слухом, невесомое ее дыхание, по вымытому полу прошлепали голые ноги, простыня откинулась и Лусинда улеглась за его спиной. И он, и она лежали неподвижно, и Умберто слышал, как наперебой его тяжело бухавшему сердцу, отделенное от его кожи лишь тонкой тканью ночной рубашки и полудюймов горячей плоти, ему под левую лопатку колотилось девичье сердце. Он ничем не выдал, что еще не спит, дышал ровно, медленно и глубоко, и Лусинда ничего не предпринимала, лишь приникла к нему, изгибами своего тела повторив его позу.

Он пытался объяснить себе, что ничего не произошло: маленькой девочке стало вдруг страшно одной в темной и пустой

комнате, за прошедшие месяцы и годы она привыкла засыпать, чувствуя рядом живое и теплое тело Агаты. Но из попыток оправдать ее ничего не вышло. Слишком уж долго она жила; бабушка Лусинда, чтоб испугаться засыпать в пустых комнатах. Слишком уж многое она знает и слишком многого хочет.

Они лежали так долго, и Умберто уже начал скользить в старческой дремоте по поверхности сна, когда, побежденная тишиной, темнотой и собственной неподвижностью, Лусинда расслабилась и заснула.

3 Сегодня американец казался значительно меньше ростом, хоть и пытался задира́ть подбородок. Умберто, стоя на веранде, медленно и тщательно, палец за пальцем вытирал только что вымытые руки и, не говоря ни слова, смотрел на гринго сверху вниз.

«Я знал, что она вам все расскажет! — страдальчески морщился инженер, обильно потев, периодически проводя ладонью по загорелому лбу, распространившемуся почти до затылка, и машинально вытирая руку о рубашку. В нагрудном кармане сорочки у него лежал заметный Умберто чистый носовой платок, но американец напрочь забыл о нем. — Не подумайте, что я какой-нибудь бессовестный негодяй, я не пытаюсь сбежать от вас или спрятаться! В конце концов, вы сами отпустили ее прокатиться в машине с малознакомым мужчиной, выходит, отчасти и вы виноваты в происшедшем!»

Питер О'Брайан и впрямь здорово нервничал. Не то чтобы трусил, но искренне переживал все случившееся вчера между ним и Лусиндой. Ничем иным, кроме душевного волнения, Умберто не мог объяснить суточную щетину на его обычно гладком лице и проступивший на скулах румянец — того рода, что еще в начале века звали апоплексическим.

Они общались уже с месяц. Операция знакомства планировалась так, как планировали атаки во всех армиях, в которых только довелось служить Умберто. Рекогносцировка лагеря строителей, тянувших шоссе через сельву. Пара вечеров в тамошнем баре и несколько подслушанных фраз. Визит туда же с Лусиндой и недолгая, ни к чему не обязывающая болтовня с инженером за столиком. Еще одна, вроде бы случайная, встреча с ним через день и приглашение поучаствовать в деревенской свадьбе — Эпифания словно нарочно с ней подгадала.

В этой заранее спланированной сцене Умберто играл строгого отца наивной крестьянской девушки, воспитываемой в патриархальных традициях. По этой же легенде, накрепко затверженной

его «дочерьми» Лусиндой и Агатой, мать их не вынесла тяжелых родов и погибла, едва дав жизнь Агате. Сейчас Умберто должен приступить к следующей мизансцене.

«Лусинда! — рывкнул он, не отводя пристального взгляда от лица инженера и изо всех сил стараясь, чтобы в голосе прозвучала угроза. — Ну-ка выйди сюда!»

В глубине дома прозвучал стук каблуков, слишком быстрый для дочери, опасавшейся отца, но американец этого не заметил. Дверь скрипнула, в узкую щель скользнула тонкая фигура «дочери», не решившейся полностью выйти на веранду и ступившей на нее лишь одной ногой.

«Посмотри, дочь, это именно тот человек, что превратил тебя в женщину?»

Вопрос явно был излишним, ведь вся деревня видела, как Лусинда садилась к Питеру в маленький открытый джип и уехала с ним со свадьбы. Однако главное здесь не в смысле вопроса — американец за год работы в Бразилии едва выучил несколько десятков португальских фраз, — а в интонации, с которой произносились ключевые слова: «дочь», «человек», «женщина». Остальное инженер должен додумать сам.

«Да, отец!» — ответила Лусинда чуть слышно.

«Выйди сюда, покажись этому гринго!» — снова рывкнул Умберто, рассчитывая, как и в прошлый раз, что американец разберет только последнее слово.

Лусинда ступила на веранду, прикрыв за собой дверь. Опустив глаза, она повернула лицо к Питеру, продемонстрировав правую его половину, до того скрытую в тени комнаты. По округлившимся глазам О'Брайана Умберто понял, что требуемый эффект достигнут. Конечно, в основном отек имитировался комком ваты, сунутым за правую щеку, а на багрово-синий кровоподтек Лусинда потратила все утро, колдуя с ягодным соком и чернилами, но распухшей верхней губой она была обязана тяжелой руке Умберто и горячим компрессам.

«Как вы посмели! — закричал инженер. — Она ни в чем не виновата!»

Хороший муж Лусинде достанется, подумал Умберто, взглянув на поднятый в его направлении кулак и с трудом сдержав улыбку. Жаль, конечно, мужика — то-то он беситься начнет, когда все узнает, но ведь и для его же пользы стараемся!

Спектакль, однако, требовалось продолжать, не снижая темпа.

«Ты на кого орешь? На меня?»

Умберто двумя прыжками вылетел из-за перил веранды, соскочил на землю и сгреб американца за грудки.

«Я тебя в дом привел! Гостем на свадьбе сделал! Дочку тебе, как другу, доверил! — он слегка потряхивал американца, не давая ему прийти в себя. — Я думал, ты инженер, образованный человек, а ты — как и все остальные гринго!»

Он оттолкнул Питера от себя, плюнул ему под ноги и снова поднялся на крыльцо.

«Уходи отсюда, пока я не пристрелил тебя, как бешеную собаку! Тварь без чести и совести, опозорившая мой дом!»

Вчера он долго подбирал подзабытые английские слова, готовя реплику. Было бы проще объяснить по-французски или по-немецки, но для крестьянина такие знания выглядели бы странновато, а портовой бранью спектакль портить не хотелось. Однако все на удивление ладно склеилось даже американское «р-р» удалось воспроизвести.

«Подожди, Умберто! — пришел в себя О'Брайан. — Я пришел исправить ошибку! Не знаю, что со мной вчера произошло, вроде и выпил немного, две или три рюмки вашей кашасы, но словно бес меня попутал! Давай договоримся, Умберто! А? Мы же серьезные люди!»

Это Умберто и сам хорошо знал, что инженер выпил совсем немного, ровно столько, сколько им было нужно, чтобы все заметили — пил, но ни глотком больше. Иначе Лусинда вообще побоялась бы сесть с ним в машину — не для того она столько прожила, чтоб сломать шею на лесной дороге. Ну, а остальное сделало искусство самой Лусинды: ее запах, тепло, смех, прикосновение руки и влажный блеск глаз. Чуть пережала бы мечтающего о скорой пенсии американца и могла бы спугнуть.

А могла бы пережать — очень уж была голодной. Уж кто-кто, а Умберто мог судить об этом с полным на то правом. Недаром последний год ему приходилось спать с ней в одной постели. Да какое там спать! Иногда вся ночь проходила в напряженной полудреме, когда даже волосы на затылке становились чувствительней кошачьих усов: вот затаила дыхание, вот шевельнулась, вот заскользила рукой по его бедру... Первое время он еще пытался ее уговаривать, мол, не дело она задумала, при спящем-то ребенке, собственной внучке и его жене! Не пойдет он на это, а если упрямиться станет — выгонит к дьяволу из дому, пусть живет в своей развалюхе, хоть и крыша в ней течет, и мыши летучие чердак обжили! Да где там! Только уткнется глазами в стол, вроде стыдно, а присмотришься — улыбку прячет. И опять такая же

ночь без сна, после которой ноги заплетаются и мозги словно паутинной затянута.

Долго он такой изнурительной осады выдержать не смог и после месяца борьбы был вынужден пойти на компромисс. С тех пор, едва засыпала Агата, Лусинда, нарушая ночную тишину лишь шумным дыханием, использовала его бедро для собственного удовлетворения. Использовала без всякого стеснения (да и какой стеснительности можно ожидать от женщины, прожившей на этом свете лет двести с гаком!), иногда жестоко и яростно, иногда мучительно медленно, но с неизменной последовательностью, приводящей к результату. Он смирился с этим, как смиряются оказавшиеся волею судьбы на панели женщины. И только перехватывал ее руки, стремившиеся вовлечь и его в изматывающую игру. Держал их, маленькие, горячие и твердые, рвущиеся на волю из его ладоней, и строил планы на завтрашний день: надо бы еще накопать маниоки⁸, или начать рыть новую выгребную яму — старая почти полна, или заказать Отцу Балтазару хоть с десятков дюймовых досок и пару фунтов гвоздей.

Лусинда знала, что делала. За прошедший год она сильно изменилась, став внешне походить на шестнадцатилетнюю девушку с оформившейся грудью и округлившимися бедрами. Даже за последний месяц она прибавила в росте и весе, и Питер все охал: «А мне сначала она показалась почти ребенком!». Хорош ребенок — мужик с ней еле справляется!

«Хочешь поговорить? — как бы с нерешительностью спросил Умберто. — О чем?»

«Я не против загладить свою вину! — сказал инженер. Он по-прежнему оставался внизу, не решаясь подняться на веранду. — Я не богат, но деньги у меня есть. Сколько ей нужно на хорошее приданое? Триста долларов? Пятьсот?»

Они ожидали попытки откупиться. Гринго — они такие, считают, что все на свете можно приобрести за деньги. Земля, еда, любовь, здоровье — на всем видят ярлычки-ценники. Они даже жизнь измеряют в деньгах. Так и говорят: мой час стоит сорок долларов. Или пятьсот — кто во сколько себя оценивает.

«Ты Лусинду за шлюху портовую принял, а меня за “кота” ее? — взорвался Умберто, теперь уже по-настоящему, без притворства. — А деньги большие предлагаешь — это, значит, надбавка за невинность, как за повышенное качество? А если я тебе

⁸ Растение семейства молочайных, корни которого с высоким содержанием крахмала используются для изготовления муки.

кишки сейчас из брюха выпущу — во сколько оценишь, чтоб я тебе их назад в живот заправил?»

Не успел О`Брайан опомниться, как Умберто скрылся за дверью, через мгновение появившись на пороге с клинком устрашающего вида. Сгоряча он схватил изогнутый арабский кинжал, используемый для бритья. Это не было запланировано, и чуть не испортило все дело — инженер бросился бежать. Ситуацию надо было срочно возвращать под контроль.

«Стой! — заорал Умберто. — Куда!? А ну, назад!»

Если бы он кинулся за американцем следом, тот мог бы надевать глупостей. А так, услышав лишь крик и поняв, что погони не будет, отважился остановиться в отдалении.

«Иди сюда! — Умберто махнул рукой. — Иди, не убивать же мне тебя в самом деле!»

Видя, что Питер не трогается с места, Умберто не глядя швырнул нож в сторону. Тот с глухим стуком вбил в угловой столб, поддерживающий навес.

«Видишь! — снова крикнул он, показывая пустые ладони. — У меня чистые руки, не то что у тебя!»

Надо отдать должное американцу — он пересилил свой страх перед сумасшедшим крестьянином и осторожно двинулся к крыльцу. Когда он приблизился достаточно, чтобы можно было разговаривать, не повышая голоса, Умберто сказал, поворачиваясь к нему спиной:

«Пошли, поговорим за столом!»

Пока Лусинда вертела ручку древней мельницы, в которой хрустели зерна кофе, Умберто поставил на стол два стакана и плеснул в них кашасы. До сиесты пить было нежелательно — развезет на полуденной жаре, а американцу еще и за руль садиться, — но это было самым быстрым способом разрядить обстановку.

«Пей!» — пододвинул он стакан Питеру. Тот, наконец, вспомнил про свой платок, достал, вытер бисеринки пота с верхней губы, тыла ладоней.

Умберто поднял свой стакан, звякнул им о стоящий второй, вылил содержимое себе в рот. Маслянистая и теплая жидкость с трудом протолкнулась в глотку. Он стукнул себя по груди, помогая кашасе миновать пищевод, вздохнул, приказал Агате:

«Принеси закусить!»

Агата, до того беззвучно сидевшая на полу и делавшая вид, что увлечена игрой с деревянной лошадкой, метнулась в кухню, вернулась с миской холодных жареных бананов.

«Вилки принеси, не то гость подумает, что мы как обезьяны едим!» — усмехнулся Умберто.

«Сейчас, папа!» — голосом пай-девочки ответила Агата и снова скрылась на кухне.

Видя, что американец никак не решается взять свой стакан, Умберто решил его подтолкнуть к этому.

«Не хочешь пить со мной? Смотри, опять обижусь!»

О`Брайан не стал спорить и выпил, закашлявшись, схватил принесенную вилку.

«Вот то-то!» — одобрил Умберто, наливая по второй.

«Вот что я скажу, Питер, — сказал он через некоторое время, почувствовав по жжению в желудке начало действия алкоголя. — Хочешь обижайся, хочешь нет, но денег я у тебя не возьму! Не знаю, как у тебя в Штатах, а у нас в деревнях отцы дочерьми не торгуют! Что распечатал ты ее, значит, так на роду у нее написано: согрешить и всю жизнь каяться. Жаль, конечно, деву — красивая очень! Уже из Сан-Себастьяно приезжали к ней свататься, да не судьба, значит!»

Он тяжело вздохнул, давая американцу осмыслить сказанное.

«Ясное дело, — продолжил чуть погодя, — был бы ты молодой, да Лусинда по глупости своей обетами не разбрасывалась — отдал бы ее за тебя замуж, да и покрыли бы грех! А так только один вариант у нее и выходит!»

«Какой вариант?» — спросил О`Брайан.

«Монастырь! — ответил Умберто. — Одна у нее дорога, у дочки моей порушенной, — в монастыре до самой смерти грех свой замаливать!»

«Что за глупость! — осторожно заспорил инженер. — Что за средневековье такое?»

«Какая глупость? — удивился Умберто. — Кто же ее теперь замуж возьмет? Нет таких дураков! А если и найдется хитрован, что за приданым погонится, так измордует потом в замужестве — на это я сам не пойду!»

«И что же, нет никакого выхода?» — спросил американец.

«Выходит, нет!» — вздохнул Умберто.

Вода вскипела, и Лусинда вскоре подала им кафезиньо, приготовленный по-местному: крепкий, сладкий и фильтрованный. Для просветления лысеющей головы инженера это было верным средством — справилось бы его изношенное сердце!

В молчании выпив мазутной густоты напиток, О`Брайан перевел дух.

«Что ж, — нерешительно спросил он, — я пойду тогда?»

«Иди с Богом! — разрешил Умберто. — А надумаешь навесить нас — заезжай. Лусинда недели две еще здесь поживет, пока я с монастырем договарюсь, так что милости просим!»

Они с Лусиндой вышли на веранду, проводили американца шлепаями, пока он не скрылся за оградой.

«А вдруг не придет?» — спросила Лусинда.

«Думаешь? — усмехнулся Умберто. — Если я хоть чуть знаю вашу породу, он не то что придет — на коленях приползет! И хорошо, если до послезавтра продержится, а не зайвится завтра с раннего утра!»

И после паузы уже другим голосом сказал:

«Ты на его руки обратила внимание?»

«Нет, а что?»

«Уже шелушиться начали! — он передернул плечами. — Черт! Мне бы тоже не помешало в кипятке откиснуть! — Умберто провел рукой по предплечью, с которого посыпались похожие на перхоть чешуйки старой отторгаемой кожи. — Поможешь воды нагреть?»

«Куда от тебя денешься? — ответила Лусинда. — Конечно. Только тогда натаскай побольше, чтоб на нас с Агатой хватило!»

Идя по тропинке через огород к реке, Умберто продолжал думать об американце. Пожалуй, тот опередит его в омоложении, хоть и причастился женщины позже. Но зато полностью... Жалко Питера, тяжко ему с непривычки придется! Кожа — тьфу! Мойся чаще, чтоб лохмотья не сыпались, — всего и делов! А когда жрать каждый час хочется? А приступы поноса со слизью? А сводящая с ума эрекция по поводу и без повода, не дающая сосредоточиться на работе и от которой, кажется, одно избавление — взять и открутить к чертовой матери эту приладу, возомнившую, что не она при тебе, а ты при ней!

Нет! Не просто достается новая молодость — за нее, как за все в жизни, платить приходится дорого. Не деньгами — терпением. А умение терпеть и ждать, надеяться и верить — редкий по нынешним временам дар. Дай Бог, чтоб он был у Питера!

4 Умберто весь день провозился во дворе с листами кровельного железа, привезенного Питером. По его расчетам, должно было хватить на оба дома — его и Лусинды. Агату он забрал с собой — нечего ей мешаться у бабки под ногами, — и сейчас она развлекала его своей болтовней.

«А тебе все железо так нужно сделать?» — спросила она.

«Почти», — ответил Умберто.

Лучи миновавшего зенит солнца падали с высоты на металлическую поверхность, разбрызгивались в стороны, слепили, попадая в глаза. Пачка плоских листов, прислоненных к столу справа,



постепенно худела, проходя через руки Умберто и превращаясь в черепичные корытца, составляемые слева.

До них донесся приглушенный вскрик со стороны дома. Умберто сделал вид, что ничего не услышал, а Агата не удержалась от комментариев.

«Все кричит и кричит! И чего кричать? Будто одна во всей деревне!»

«Охота тебе подслушивать! — буркнул Умберто. — Какое тебе до них дело?»

«Да-а... — протянула Агата. — Бабке хорошо! Ей уже все можно, хоть десять раз на дню! Замуж выйдет — вообще из кровати вылезать не будет. Питер и сейчас как собачонка на задних лапах, был бы у него хвост — вилял бы!»

«Вредная ты!» — ответил Умберто.

«А чего вредная? — рассуждала Агата. — Кто бы вокруг меня так вился! Ты вот и жениха ей подыскал, и крышу собираешься на ее доме крыть. Даже спину ей трешь, когда она моется!»

«Так и она мне трет! — смущенно возразил Умберто. — Подрастешь маленько — ты начнешь!»

«А вот ей! — Агата показала кукиш в сторону дома. — Тебе буду тереть, а с ней пусть Питер возится!»

«Агата! — повысил он голос. — Имей совесть! Ведь она бабка тебе, а не нищенка приبلудная!»

«Я не говорила, что она нищенка! — заспорила Агата. — Просто она всегда меня старше оказывается и власть свою проявляет...»

«Ну, может, в этот раз все наоборот получится!» — ответил Умберто.

Впрочем, сам он в этом сомневался. Слишком уж далеко ему пришлось зайти в желании помочь Лусинде и вряд ли ему удастся продержаться дольше Питера. Хорошо, что Агата ни о чем не догадывается, — досталось бы потом на орехи! В сердцах крякнув, Умберто еще более энергично застучал деревянным молотком.

«А ты подсматривал, как они с Питером любовью занимаются?» — невинно спросила Агата, едва он остановился, чтобы проверить ровность кромки.

«Вот еще!» — фыркнул Умберто.

«А я подсматривала! — призналась Агата. — Они как два психа! Один — старый, толстый, а вторая на ведьму похожа. Волосы распущены, глаза под лоб закатила — ничего не соображает, только мычит или кричит. Страх!»

Она передернула плечами, демонстрируя презрение к такому проявлению чувств. Рисуя палочкой на земле, убежденно сказала:

«Я так никогда не делаю!»

Умберто расхохотался, бросил на громыхнувший лист молоток, подхватил Агату с земли.

«Ах ты, обезьянка моя милая! От горшка два вершка, а туда же — взрослых критиковать! Тебе еще долго нужно будет говорить не “делаю”, а “делала” или “буду делать”. И вообще, кой черт тебя понес за бабкой подглядывать? Пусть как хочет, так и любится! Эту работу каждый для себя делает!»

Улыбающаяся Агата натянула ему шляпу на нос, потом вовсе ее стащила. Проведя рукой к затылку по отросшему ежику седых волос, приблизила лицо вплотную, так что он ничего больше не видел, кроме ее глаз, и громким шепотом сказала:

«Это не работа! И если ты будешь стараться только для себя — я тебе все волосы из подмышек повывергаю! Опустим меня сейчас же на землю! Что я тебе, маленькая?»

Он поцеловал ее в щеку, вдохнув запах кожи — свежий, молочно-детский, и поставил на землю. Оправив сбившуюся юбку и отвернувшись, она спросила:

«А долго мне еще расти?»

Умберто окинул ее взглядом. Сейчас Агата выглядела лет на семь, много — восемь, если учесть ее хрупкое телосложение и — даже у взрослой — невеликий рост.

«Ище года два потерпеть придется. И то, если есть хорошо начнешь!»

Глаза Агаты тотчас блеснули.

«Пойду, перекушу чего-нибудь, а то в животе кишки пищат!»

И, гордо подняв голову, направилась к дому.

Часом позже, когда Умберто, прибрав на место инструменты и умывшись, сидел на веранде в еще пахнувшем свежим лавком кресле-качалке, дверь дома открылась, и появился Питер. Впрочем, появился — не точно сказано. Питер почти выполз за порог, в расстегнутой до живота рубашке, мятых брюках, ставших слишком свободными в поясе и висевших на заду. Обмахивая шляпой красное лицо, он вяло шурился от вечернего солнца, будто месяц просидел в темном погребе.

«Уф-ф! — произнес он, мотнув головой. — И здесь не легче!»

«Сядь, расслабься! — посоветовал Умберто. — Или, хочешь, девчонок попроси сока принести».

«Пивка бы сейчас!» — простонал инженер.

«Чего нет — того нет!» — признал Умберто.

Они помолчали. Солнце зависло над горизонтом, плющилося снизу, пытаясь продавить колеблющуюся в восходящих потоках воздуха дымку. Высоко-высоко в темно-синем небе тянул за собой белую борозду крошечный самолетик.

«А ты летал?» — нарушил молчание Умберто.

«Конечно!»

«Интересно?»

Американец пожал плечами.

«Что там может быть интересного? Одни облака внизу. Или океан. Или не поймешь что».

«Я так и думал! — кивнул Умберто. — Бессмысленное занятие!»

«С чего такой вывод?» — удивился Питер.

«Бездарная потеря времени! Как сидеть в комнате с занавешенным окном и не высовывать носа на улицу!»

«Люди же не для того летают, чтоб из окон глазеть! — попытался объяснить Питер. Отец Агаты его все чаще удивлял: то вдруг выдаст заключение, сопоставимое с философской максимой, то начнет рассуждать с позиции пятилетнего ребенка. — Они просто хотят выиграть время!»

«Выиграть — у кого?» — спросил Умберто, прикрывая глаза. Шляпу он давно снял, бросив ее рядом с креслом на доски веранды.

«Как у кого?» — не понял вопроса Питер.

«Выиграть можно только у кого-то, — проговорил Умберто. — Вот сядем мы с тобой в карты играть, и выиграю я у тебя двадцать крузейро...»

«Реалов! — машинально поправил его инженер. — Сейчас у вас уже реалы. А до них были крузадо!»

«Ну, не важно! Сядем мы, значит, играть, и выиграю я у тебя двадцать реалов. Значит, что?»

«Что?»

«Значит, у тебя их станет меньше, потому что ты их мне — проиграл! А время люди в самолете у кого выигрывают? У кого меньше становится, если у них прибавляется?»

«А-а... — с облегчением вздохнул Питер. — Я понял! Ты прав, меньше его ни у кого не становится. Просто говорится так: выиграл время. А на самом деле они его не получают дополнительно, а экономят. Ну, меньше тратят на дорогу!»

О`Брайану показалось, что он неплохо выскользнул из лингвистического тупика, в который его пытался загнать Умберто.

Детский вроде вопрос, но он и сам впервые задумался: а какого черта в языке закрепилось дурацкое по смыслу сочетание «выиграть время»? А есть и другие, сходные: «найти время», «получить время», «выкроить время». Вплоть до «растянуть время» или «сократить» его же.

«Ты говоришь, если двигаться очень быстро, то у тебя останется больше времени?» — после некоторого, весьма краткого, раздумья снова спросил Умберто.

«Это точно! — согласился Питер. — Остается гораздо больше времени! Например, самолетом по сравнению с морским путешествием из Штатов в Бразилию можно выиг... сэкономить от двух дней до недели. Смотря откуда и куда добираться!»

«Больше времени у тебя будет?» — с упором на первое слово переспросил Умберто.

«Ну да!» — пожал плечами Питер.

«Сколько дней не потратишь на дорогу — на столько дней дольше проживешь?»

«Черт! — инженер в сердцах хлопнул шляпой по доскам веранды, выбив с них пыль. — С тобой спорить — лучше негра в задницу целовать! Ну, конечно, ты опять все передернул!»

«Ты Лусинду в задницу целуй! — с улыбкой посоветовал Умберто. — Она это с детства любит и щекотки не боится!»

Инженер не нашелся, что ответить, и отвернулся. Умберто не сдержал улыбки — гринго легко вылетал из седла. Кресло его стояло ридом с открытым окном, затянутым сеткой, и он слышал, как на кухне гремят посудой, заканчивая приготовление ужина. Спорить ему больше не хотелось: день прошел в трудах, тело сладко ныло, требуя сытной трапезы и глубокого сна.

«Слушай, Умберто! — решился снова заговорить Питер. — А если я и впрямь надумаю на Лусинде жениться — отдашь ее за меня?»

«Легко! — ответил тот. — А она пойдет?»

«Вроде не гонит пока!»

«Мужчину принимать и замуж за него идти — разное дело!» — пробормотал Умберто.

«Да я понимаю!.. — американец почесал лысый лоб, на котором, впрочем, внимательный глаз Умберто уже заметил пару длинных, невесть когда проклюнувшихся волосин. — Тут дело такое... Мне до пенсии всего восемь месяцев осталось, контракт в эти же сроки истекает. Дом в Штатах есть, машина в гараже пылится, дети взрослые — внуку уже пять лет! Я вот и думаю: женюсь на Лусинде, да и заберу ее в Денвер. Гражданство

ей сделаем... Не сразу, конечно, года три потерпеть придется, но вид на жительство гарантирован!..»

Питер говорил и чем дальше разворачивал картину, тем менее радужной она казалась. Ясно, что дети вовсе не обрадуются маме, тем более что она гораздо младше Альберта (ему тридцать два исполнится через две недели, не забыть бы поздравить с днем рождения!), а дочери так вообще тридцать восемь. Плюс, если по местным деревенским меркам Лусинда и считается вполне взрослой, то по законам Штатов она несовершеннолетняя. Женитьба старика на вывезенной из Бразилии девчонке, похожей на школьницу, весьма дурно припахивает. А чета Козлевски? Одним шепотком за спиной про седину в бороду вряд ли обойдется, будут и плевки вслед, и охи о загубленной юности деревенской, будут и пальцы на руках, чтобы справляться с молодой женой или приходится использовать и другие инструменты. Всем рот-то не заткнешь...

Питер невольно поежился. Умберто же будто прочитал его мысли.

«Вы, гринго, только о выгоде и думаете! Что я получу от этого, что я потеряю на этом, во что мне это обойдется... — он произнес последнюю фразу нарочито противным голосом. — Ты хоть к старости научись вести себя как мужчина, думать в первую очередь о слабых, а потом о себе! Еще раз спрашиваю: ты с Лусиндой говорил о замужестве?»

«Нет!» — с недоумением посмотрел на него Питер.

«Зря!» — сказал Умберто, как будто взмахом молотка вбил гвоздь по самую шляпку.

«Так спросить недолго! — инженер начал вставать, поднял шляпу. — Сейчас прямо и спрошу!»

«Давай!» — Умберто отвернулся от него, показывая, что ответ «дочери» ему заведомо известен.

«Я чего-то не знаю?» — остановился американец, уже взявшись за дверную ручку.

«Ты знаешь и не понимаешь, потому что слушаешь — и не слышишь! — громко сказал Умберто, догадываясь по резко обрвавшимся звукам на кухне, что Лусинда вся превратилась в огромное ухо. И это ухо, скорее всего, на цыпочках приближается к открытому окну. — Во-первых, выбрось из головы фантазии, что она поедет за тобой в Штаты! Нечего делать там нашим женщинам! Я говорю тебе, что ты слишком старый для нее? Говорил?..»

«Да ты сам не намного меня моложе!» — попытался возразить Питер.

«В отличие от тебя, я не собираюсь, протянув еще лет семьдесят, оставить молодую вдову, которую сразу начнут клевать со всех сторон родственники. У тебя нет других претендентов на наследство? Детей, внуков, невесток и зятьев, племянников, братьев и сестер до третьего колена? Скажешь, что сумеешь позаботиться о ней, обделив своих? Тогда они сами начнут сосать из нее кровь бесконечными судами! Уж будь уверен: опротестовать последнюю волю старика, женившегося на несовершеннолетней, в Штатах проще, чем мне, послав, упрятать дружка в штаны!»

Умберто нарочно говорил грубо, иначе мягкотелого инженера было не пронять. Впрочем, бразильскому крестьянину это было вполне к лицу.

«Ну, хорошо! — Питер отпустил дверь. — А во-вторых?»

«А во-вторых, — успокаиваясь, ответил Умберто, — она лет пять назад дала обет моему брату, что на ее свадьбе он будет посаженным отцом».

«И в чем проблема?»

«Да ни в чем! — Умберто побарабанил пальцами по гладко отполированному подлокотнику кресла. — Просто вскоре Казими́ро уехал в Манаус и пропал там. Года четыре уже ни слуху, ни духу!»

«Да, жалко человека, но замужество-то здесь при чем? Она, что, так и собирается ждать всю жизнь, что он вернется подержать над ее головой венец? А если он умер? Убит, в конце концов? Сам знаешь, в ваших городах черт знает что творится!»

Умберто пожал плечами.

«В ваших не намного лучше! Но в Манаусе его не находили! И справки о смерти тоже нет. И Лусинда собирается ждать дядю, потому что слово дала!»

«Да о чем слово-то? — рассердился Питер. — Что за бред? Не всегда же можно выполнить обещанное!»

«Это у вас, гринго, не всегда слово держат. А у нас от него может освободить только тот, кому это слово дали!»

«И кто это в данном случае? Сам исчезнувший Казими́ро?» — хмыкнул Питер.

«Пресвятая Дева Мария, родившая Господа нашего!»

«Тьфу! — плюнул американец себе под ноги. — С вами разговаривать, как из воды виски гнать — пару много, а в бутылке — пшик!»

Он крутанулся на каблуках, сбежал по ступенькам с веранды, направляясь к воротам. Умберто проводил его взглядом,

вдохнул. Выходит, переоценил он сообразительность американца, придется еще с ним попотеть! О`Брайан же вдруг замедлил шаг, потом и вовсе развернулся к дому.

«Слышь, Умберто! — негромко произнес он, подойдя к перилам. — А если я разыщу этого Казими́ро или документ представляю, что он умер, тогда как?»

Умберто с трудом сдержал улыбку.

«Если будет документ — хороший документ, с подписями и печатями, — что Казими́ро нет в живых, тогда его можно будет считать знаком снятия Девой Марией обета с Лусинды. В этом случае у тебя проблем не будет!»

Питер ослабилась, коротким движением сбил шляпу на ватылок.

«Замётано! Будет бумага! И с орлом, и с печатями! — Он протянул руку: — Все, бывай, дружище!»

Умберто пожал ее.

«А ужин как же? Лусинда на кухне из кожи вон лезла, чтоб тебе угодить!»

«Некогда, друг Умберто, некогда! Передавай ей пламенный привет! Скажи, завтра обязательно останусь на ужин, а сегодня некогда!»

5 «Черт! Неужели все действительно так строго?»

Питер с тоской озирает завезенный для стройки песок, кучу щебня, мешки с цементом, сложенные на раскатанные полосы рубероида и прикрытые полиэтиленовой пленкой, целый штабель досок. Для машин, завозивших стройматериалы на участок, пришлось разобрать часть забора и спилить несколько фруктовых деревьев — сейчас через сад протянулась широкая колея, оставленная грузовиками.

Умберто ничего ответил, ограничившись пожатием плеч. Наверное, в любом другом месте это было бы самым правильным способом действий: заплати деньги специализированной фирме, передай ей контракт на строительство свинарника с птичником, и ходи-поплеывай, контролируй ход работ. Так Питер и предлагал с самого начала, даже расчеты на бумаге ему показывал, что все будет сделано за пару недель, а если ему разрешат нанимать рабочих с дорожного строительства на выходные — то еще и в два раза дешевле.

Заманчиво это смотрелось только в теории. Умберто посмотрел тогда на цифры и вернул со вздохом: «Я не против... Хочешь — иди, проси разрешения у Отца Балтазара!»

«Что я, по каждому поводу буду к нему бегать?» — возмущался американец.

«У нас иначе нельзя! — пояснил Умберто. — Своими руками можешь на участке хоть завод построить. Чужими — иди, спрашивай у Балтазара!»

Плюясь проклятиями, Питер схватил расчеты и выскочил за ворота. Через полчаса вернулся, расстроенный, но спокойный. Только и сказал на вопрошающий взгляд Умберто: «Вы меня в гроб раньше времени вгоните своими обычаями! Какое хрена я вообще в это ввязался?»

Питер на самом деле еще не понимал, во что он ввязался. После инцидента с Лусиндой он пытался заткнуть возникшую проблему деньгами. Не взяли, и даже дали понять, что все дальнейшее уже не его забота — сделанного не воротить. Другой бы успокоился, получив от ворот поворот, да и наплевал на гордецов: не хотите — как хотите! Он и наплевал. До сиесты следующего дня чувствовал себя превосходно. Ну, наорал на сопляка Смита за срыв графика подготовки насыпи, ну, выгнал чуть ли не пинками бригадира мексиканцев, начавшего лепетать про слишком раннее начало рабочего дня (это в семь утра — рано?), жаловаться на москитов и низкие расценки. Но ведь это обычное для стройки дело!

Сам не ожидал, но вечером сел в машину и поехал в эту богом забытую деревушку. И пока ехал, перед глазами все время стояла шея Лусинды, поднимающаяся от узких плеч к маленькому розовому уху, за которое она нервно заправляла прядь волос, то ее заплывшая кровоподтеком щека. Вспомнив ее отца-садиста, с которым так неосмотрительно завел дружбу, Питер закрипел зубами и крепче стиснул руль, однако горячая и гладкая его поверхность вызвала воспоминание о горячей и гладкой коже Лусинды. Черт! От воспоминаний сердце обезумевшим воробьем пыталось вырваться через горло, и ему пришлось остановить машину, молотя кулаком по соседнему сиденью, чтобы как-то сравить пар.

Два минувших месяца до сих пор оставались для него в тумане. Том призрачном, теплом тумане, когда в каждый отдельно взятый момент ты видишь все абсолютно четко, можешь различить мельчайшую деталь, понимаешь все взаимосвязи событий, а стоит отдалиться от места на несколько дней-шагов, и, обернувшись назад, ничего не угадываешь кроме смутных теней и глухих неразборчивых звуков.

Вот сейчас, к примеру, он не может рассказать, как гадкий инцидент с Лусиндой, последующая ругань и угрозы ножом ее отца перетекли в ежедневные посещения их дома, в возможность

санкционированных Умберто занятий любовью с его дочерью. Как отвергнутые на первом этапе деньги он же, Питер О`Брайан, дипломированный инженер предпенсионного возраста, никогда не страдавший от избытка мягкосердечности, передал бразильскому крестьянину в виде строительных материалов, инвентаря и инструмента, топлива, одежды и обуви? Черт побери, да речь идет уже не о нескольких сотнях — о тысячах долларов!

На каком этапе он ввязался в авантюру с получением липового свидетельства о смерти полузабытого дядюшки Лусинды? Ведь поначалу у него и мысли не было заниматься подлогами! Но полученная вполне официально бумага о том, что «Казими́ро Жоао да Силва, без вести пропавший и объявленный в розыск 17 октября 1992 года, в связи с истечением отведенного законом пятилетнего срока, отсутствием результатов от предпринятых поисков и бесперспективностью продолжения таковых в дальнейшем, в соответствии со статьей... пунктом... и подпунктом... признан 18 октября 1997 года умершим со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями», не понравилась Умберто. Настолько не понравилась, что, мельком пробежав глазами, он сразу вернул ее радостному Питеру и посоветовал: «Спрячь ее подальше от греха, не смейся людей!» В ответ же на требования инженера объясниться сказал, как об очевидном: «Иисуса тоже признали преступником и распяли. И почти две тысячи лет с тех пор люди ему же и молятся! Закон — всего лишь уговор считать правильным то или это. Время идет, люди меняются, законы переписываются... Ты достань бумагу, что Казими́ро точно умер, без всяких “в связи с тем... исходя из того...”. Рассуждать я и сам умею, — мне подтверждение нужно, факт!»

А вечером того же дня, будто жалея, поманил его за собою в дом, выгнав дочерей на улицу, дал древнюю ручку с металлическим пером, склянку с чернилами и надиктовал текст, который хотел видеть в бумаге. Причем, что удивительно, надиктовал так, будто подготовил его заранее и накрепко затвердил. Один раз только и остановился, спросив: «Как будет по-вашему, по-научному, если человека по голове ударили и он сразу умер?» «Скончался от тяжелой черепно-мозговой травмы, несовместимой с жизнью», — ответил Питер, вспомнив фразу из одного полицейского телесериала. «Черепно-мозговая... Craniocerebralis... — красиво звучит, солидно!» — одобрил Умберто, для чего-то переведя термин с английского на португальский⁹ и посмаковав его.

⁹ На самом деле — латынь.

«А как я тебе такой документ сделаю?» — спросил тогда Питер.

«Это уже твоя забота! — отрезал Умберто. — Ты человек взрослый, целую жизнь прожил. Повспоминай друзей из тех, кто может помочь. А те пусть своих друзей вспомнят! Мне же не обязательно, чтобы бумага была бразильская — пусть хоть из Китая! А перевод на португальский заверим нотариально, чтоб комар носу не подточил!»

И непонятно, почти с издевкой засмеялся, хлопнув его по плечу:

«Да ты не робей, дело того стоит! Небось, как Лусинду по земле валял — не робел же!»

Четыре месяца у него ушло, чтобы найти человека в Лос-Анджелесе, способного организовать и липовое письмо из ЛАПД¹⁰, и приложенное к нему заключение судебно-медицинских экспертов. Даже выписку прислали из не существующего в природе протокола осмотра места происшествия с описанием тела и одежды убитого, найденных при нем предметов. Умберто особенно настаивал, чтобы непременно был упомянут «крест нателный в виде распятия, два на полтора дюйма, с поврежденной левой перекладиной, темного металла со следами окисления (материал, предположительно, медь) на шелковом шнуре». Что и сделал человек из Города Ангелов, решив для Питера все проблемы и взяв за услугу три тысячи долларов чеком, высланным почтой до востребования.

Месяц после вручения конверта с документами в руки Умберто вся деревня носила траур по погибшему. А сразу после окончания траура инженер женился на Лусинде.

Странная была свадьба. Конечно, Питер не являлся знатоком местных обычаев, но когда священника привозят в деревенскую церковь и увозят сразу после бракосочетания, когда праздник устраивается не в доме отца невесты, а во дворе Отца Балтазара, когда пятьдесят или шестьдесят человек, до того жившие совершенно замкнутой жизнью, вдруг, собравшись вместе, начинают пить и веселиться так, что кажется — замуж выходит не просто одна из деревенских девушек, а их собственный ребенок, — это любому со стороны покажется странным. Он уже был на свадьбе Эпифании (с нее-то все и началось!), поэтому торжество, устроенное в их с Лусиндой честь, вызвало ощущение дежавю: абсолютное повторение уже виденного, только на месте прошлого

¹⁰ LAPD — департамент полиции Лос-Анджелеса.

квелого старичка-жениха — он сам, а на месте дочери Балтазара — дочь Умберто.

И теперь еще этот кретинский запрет на привлечение сторонней рабочей силы для возведения хозяйственной постройки!

И детективная история с передачей денег через Балтазара, обязательными встречами грузовиков со стройматериалами у поворота на старую лесную дорогу и сопровождением их не только в деревню, но и обратно!

И, черт побери, самое главное: его самочувствие, которое после знакомства с Лусиндой изменилось радикально! Он уже не помнит, когда перестал принимать предписанные врачами таблетки от гипертонии и повышенного уровня холестерина. Его перестали выбивать из рабочей колеи приступы остеохондроза, которых он боялся панически после того, как врач Пресвитерианского медицинского центра св. Луки в его родном Денвере, повертев рентгеновские снимки, равнодушно предупредил о возможном параличе из-за почти полного разрушения межпозвонковых дисков поясничного отдела. Этот же врач при втором визите гораздо веселей предложил ему хирургическую операцию за сто тысяч долларов, не включающих последующего годичного восстановительного курса.

Умберто не позволил ему размышлять слишком долго.

«Ну, что скажет американский инженер? С чего начнем?»

Он толкнул его плечом, и Питер в который раз почувствовал, какой этот крестьянин твердый — как будто состоял из одних костей, оплетенных жесткими мышцами и дубленой кожей.

Питер недовольно оглянулся на Умберто.

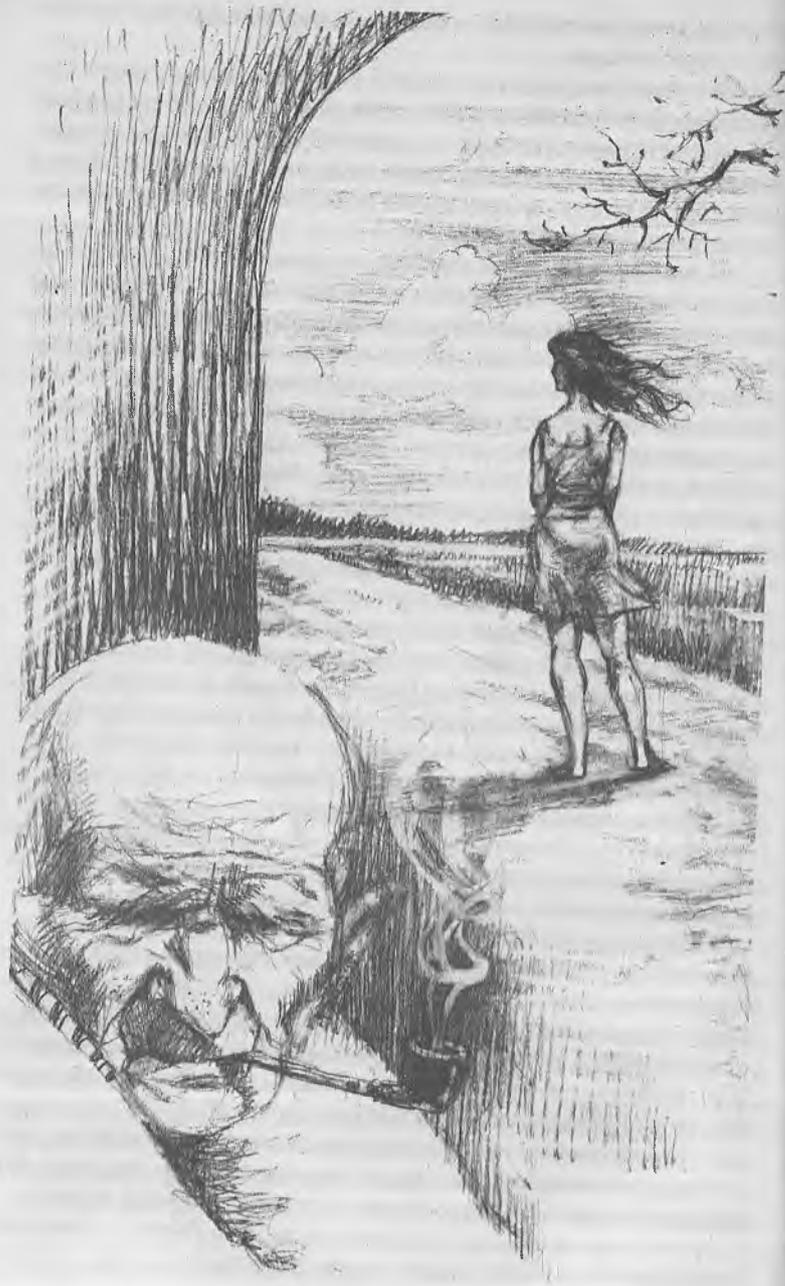
«Как всегда, с котлована под фундамент!»

«Фью-у! — Умберто скривился. — На кой ляд? Здесь полметра лесной почвы, остальное — глина. Ты же видишь, до того, как рухнула сараюшка, она стояла прямо на голой земле!»

«Оттого и рухнула! — ответил инженер, снова обретая уверенность. — Земля от дождей раскисла, северная стена начала проседать — видишь, там уклон к реке и угол подмыт, — и развалился ваш скворечник, как карточный домик на ветру. Дерьмо, а не постройка, руки бы оторвать тому грамотею, кто ее сляпал! Зато гвоздей в нее набил фунтов десять, не меньше. Как будто чем больше железа в досках, тем они прочнее!»

«Ну, это ты зря! — обиделся вдруг Умберто. — Казимиру, конечно, не великий строитель, но свинарник честь по чести лет семьдесят простоял! Я еще помню, как олифа на жаре парила!»

«Чего городишь-го! — покосился на него Питер. — Выпил с утра? Какой Казимиру, какие семьдесят лет?»



Умберто будто испугался, втянул голову в плечи.

«Ну не семьдесят, меньше конечно!»

Питер не стал слушать, что тот продолжал бормотать, шагнул к груде старой древесины, образовавшейся после разбора рухнувшего сарая, потянул торчавшую сверху доску, показавшуюся ему внешне крепкой. Она со скрежетом подалась, потом вдруг мягко хрустнула посередине, оставив в руках полтораметровый обломок с почерневшим концом.

Американец поднял его к носу, втянул воздух. Чуть ощутимо, на пределе восприятия, пахло креозотом, до сих пор применявшимся средством для защиты древесины от гниения. Несколько торчавших из обломка гвоздей легко крошились пальцами, обнажая под толстым слоем окисла светлую сердцевину едва ли толще волоса. Свежий излом доски тоже рассыпался в руках, как самый дешевый пенопласт.

А когда-то доска была хорошая — смолистая двухдюймовка, — подумал О`Брайан. — Такая могла бы и семьдесят лет простоять, если регулярно подновлять пропитку от гнили и древогочца, подпустить снизу гидроизоляцию и накрыть хорошей крышей со свесами.

Он уже хотел отбросить ненужный обломок, как вдруг заметил на нем несколько букв, округлых, будто вырезанных в древесине узкой желобоватой стамеской. Цветом они не отличались от окружающей их древесины, и глаз зацепился за них, только когда доска стала под углом к солнцу.

Питер раздумал выбрасывать обломок, упер его концом в землю и положил на него руку, как на трость.

«Так ты говорил, Лусинду в честь бабушки назвали?» — спросил он.

«С чего ты взял? — удивился Умберто. — Не мог я такого сказать! Бабку ее Кларой зовут!»

«Так же, как Матушку Клару?» — уточнил Питер.

«Ну да!» — пожал плечами Умберто.

«А Лусинду в чью честь назвали?» — продолжал инженер свои расспросы.

«Да ни в чью честь ее не называли! — возмутился крестьянин. — Одна у нас Лусинда в деревне, и всегда была одна! Слушай, что за интерес у тебя странный? Мы родней сейчас начнем заниматься или яму под фундамент копать, если уж ты так на нем настаиваешь?»

Питер шагнул к нему и, рывком подняв доску, ткнул ею под нос Умберто.

«Ты, вроде, грамотный? Читать умеешь? Прочитай, что здесь написано!»

Умберто опустил глаза. На шершавой, темной поверхности с малого расстояния отчетливо различалось написанное вдоль доски слово: «LUCINDA».

«Хочешь, я скажу, чем это сделали? — тихо спросил Питер. — Это было выжжено на древесине. Лупой или другим увеличительным стеклом! Причем выжжено черт знает сколько лет назад, на свежей еще доске, даже не прибитой к балкам! А теперь соври мне еще что-нибудь про ту Лусинду, которой нет и никогда не было в вашей деревне! Ну!»

Против ожидания Умберто только вздохнул, забрал из рук Питера обломок и швырнул его на кучу такой же древесной рухляди.

«Вообще-то, это тебе жена должна рассказывать... — проговорил он. — Но какая теперь разница!»

Питер молча на него смотрел, ожидая продолжения.

«Зажигательное стекло Казимира сам сделал, из бутылочно-го доньшка. Сам и обтачивал на бруске, сам и шлифовал. До сих пор, наверное, где-то с прочим барахлом на чердаке валяется!»

«Да при чем здесь стекла Казимира?! — крикнул Питер. — Я тебя спрашиваю: какого рожна он выжжет на доске это имя, и кто была та Лусинда, которой вроде как и не было!»

Умберто, протянув руку, ухватил его за локоть, причем так, что Питер, дернувшись, сразу понял, что вырваться ему без серьезной драки не удастся.

«Ты не кричи, ладно? — тихо попросил его тесть. — Про Лусинду тебе пусть сама Лусинда рассказывает, про Агату — Агата. Если настаиваешь, могу рассказать про себя. Хочешь?»

«Ну, расскажи! — усмехнулся О`Брайан. — И кто ты на самом деле? Беглый уголовник? Затаившийся наркобарон из Медельинского картеля? Родной сын генерала СС?»

«Пойдем в дом! — предложил Умберто. — Разговор долгий, кофе будем пить, беседы беседовать! К тебе пойдем или ко мне?»

Питер вздрогнул. Он до сих пор не привык, что в этой деревне у него теперь есть дом, жена и даже родственники. И при всем при этом свой настоящий дом на углу Логан-стрит и 11-й Восточной авеню в Денвере, штат Колорадо, США, тоже как будто остался в прошлой жизни. Тот дом уже потерял, этот — не принял.

«Пошли ко мне!» — неохотно предложил он.

К предстоящему разговору Умберто готовился, как будто к трудной и важной работе. Пока Лусинда ставила по его просьбе

воду для кофе (Питер заметил, что после его женитьбы отец перестал приказывать дочери, но только просил ее об услуге, как будто она стала чужой ему), он тщательно умылся, смочив и пригладив волосы, убрал все со стола и сел за него, положив перед собой тяжелые, натруженные руки.

Питер опустил на стул напротив. Он не знал, что именно он ожидал услышать. Возможно, темную и неприятную историю о некоей женщине, запятнавшей свое имя, быть может, даже и родственнице его жены. Не знал. И даже не хотел догадываться. Просто считал себя обязанным докопаться до истины, какой бы печальной она для него ни оказалась.

«Что ж, — проговорил Умберто, — как и обещал, начну с себя... Ну, что я могу сказать о себе? Мое первое имя — Амбруаз Камон. Я родился в 1717 году в городе Марселе, в Провансе, до шестнадцати лет жил с отцом и матерью на восточной стороне Старого порта, возле форта Святого Николая, примерно в том месте, где сейчас улица Пастера...»

Не понятно, что помешало Питеру тут же вскочить и либо заткнуть рот лгуну, сидевшему напротив, либо самому покинуть собственный дом. Возможно, этим фактором оказалось спокойствие рассказчика, а скорее всего — французский язык, прозвучавший из уст бразильского крестьянина Умберто Камозэша, когда тот без запинки произносил Vieux-Port, Fort Saint Nicolas, Avenue Pasteur, безупречно грассируя. И длил, и длил свой бесконечный и совершенно неправдоподобный рассказ.

Лусинда поставила перед ними по кафезиньо, но Питер не обратил на свою чашку внимания. Умберто поблагодарил девушку кивком и продолжил говорить. Поначалу ведя повествование настолько складно, что инженеру оно показалось выученным как актерский монолог, в последующем Умберто начал сбиваться, сам себя обрывая: «Нет, соврал, это было в следующий мой уход...» Но тут же выправлялся и снова принимался врать о странах, в которых он якобы побывал, о временах, в которых будто бы жил, о давно умерших людях.

Лусинда слушала его внимательно, но — Питер наблюдал за ней краем глаза — вряд ли понимала английскую речь Умберто. Она начинала улыбаться только после того, как смеялся отец, и хмурилась с опозданием, ориентируясь только на его мимику. Увидев, что Умберто допил свой кофе, она неслышно поднялась и забрала опустевшую чашку, передвинув на ее место остывшее кафезиньо Питера, к которому он так и не притронулся. Как будто желая поддержать отца в его рассказе, она успокаивающе

провела по его плечу, проходя мимо, и О`Брайан с неудовольствием понял, что естественный дочерний жест вызвал у него ревность.

Умберто рассказывал минут сорок. Наверное, мог и дольше, но, приближаясь к концу и заметив жалостливую улыбку Питера, все чаще стал перескакивать через годы, приговаривая: «Ну, это тебе совсем не интересно!» или «Там я пробыл лет пять, может, чуть дольше».

Когда он, наконец, остановился и выжидательно посмотрел на инженера, тот сделал вид, что не понимает.

«Ну, — спросил тогда Умберто. — Что скажешь?»

Питер пожал плечами и ответил, что думал:

«Бред! Хорошо, что тебя не понимают дочери, иначе ты навсегда бы потерял право ими командовать. А мой совет банален: сегодня, в субботу, мы в Сан-Себастьяно хорошего врача не найдем, а в понедельник я отпрошусь, заеду за тобой и отвезу к психиатру. Думаю, ничего страшного в твоих фантазиях нет, так что в больницу ложиться не обязательно. Выпишут транквилизаторы, попьешь, и как рукой снимет!»

«Ты что, не веришь мне?»

«А чего ради я должен верить? Мало ли чего людям в голову приходит...»

«Хорошо! — Умберто сказал несколько слов на португальском Лусинде, и инженер успел заметить, как зло блеснули ее глаза. — Пойдем ко мне в дом, я тебе покажу кое-что интересное!»

Забор, разделявший их участки, был полуразобран, и им даже не пришлось выходить на улицу. Войдя в дом и заглянув на кухню, Умберто резко бросил Агате несколько фраз, от которых она сразу возникла в дверном проеме, словно хирург неся перед собой вымазанные по локоть в муке и тесте руки. Встретившись с ней взглядом, Питер поежился — настолько жестким стало лицо этой милой девчушки.

«Садись!» — кивнул Умберто Питеру на стул. Лусинда же по-свойски присела на покрытую тяжелым покрывалом кровать.

Хозяин подошел к двери комнаты, в которой Питеру еще не приходилось бывать, с притолоки снял ключ, отпер замок. Распахнув дверь, он скрылся за ней, а когда появился вновь, уже держал в правой руке тяжелый мешок, а в левой — толстую книгу в кожаном переплете. Вещи он водрузил на стол перед отодвинувшимся Питером.

«Начнем с главного».

Умберто извлек из мешка предмет, похожий на рыцарский шлем.

«Смотри!» — приказал он.

Питер не без любопытства взял шлем. Он был явно не новый — чистый, но потускневший, кое-где помятый, без всяких украшений. Нет, на средневековый шлем он не походил, понял инженер, повертев его в руках. Слишком простой по конструкции, без забрала, лишь с приклепанным надо лбом узким козырьком, длинным назатыльником и двумя выпуклыми металлическими наушниками, застегивающимися под подбородком. Кожаные вставки внутри шлема были гладкими, темными от вьвшегося в них пота, будто и вправду этот шлем носили не снимая много месяцев.

«Похож на римский!» — сказал Питер, кладя шлем на стол.

«Точно! — кивнул Умберто. — Но ты можешь сказать, что я его нашел на дороге или купил в лавке старьевщика. Резонно! А это я тоже нашел на дороге?»

Он достал и бросил на скатерть очень тяжелый матерчатый мешочек, объемом с два хороших мужских кулака.

«Что это?» — спросил Питер.

«Развяжи и посмотри! — довольно улыбнулся Умберто. Затем, видя, как инженер беспомощно тыкается пальцами, пытаюсь ослабить ногтями тугой узел, отобрал у него мешок. Дернув за торчащую петлю, он распустил шнурок и, чуть придерживая рукой, что-бы ничего не скатилось на пол, вывалил на стол груды монет.

«Смотри внимательно! — посоветовал он, разравнивая монеты ладонью. — Подумай, можно ли это просто найти на дороге, и сколько времени и денег уйдет на скупку этого у разных старьевщиков!»

Питера взяла оторопь. Хотя он и не был специалистом в антиквариате, коллекционером-нумизматом, но минимальные знания как инженер имел. Отличить золото от латуни, серебро от свинца он мог и поэтому сразу определил, что почти две трети высыпанной перед ним кучи — старинные золотые монеты. Минимум четыре фунта золота и примерно фунт серебра.

Он зачерпнул горсть тяжелых тусклых монет и поднял глаза на стоявшего рядом Умберто.

«Откуда это у тебя?»

«Заработал! — без тени улыбки ответил тот. — Вот этими самими руками! — и он сунул ему под нос огромные темные ладони с буграми мозолей, похожими на чешую гигантской старой рыбы. — И не подумай, что это было легко!»

Питер с сожалением разжал пальцы, выпустив из них монеты. Теперь он не знал, как относиться к тестю. Откуда у него

это богатство? Может, он действительно бывший грабитель или даже... убийца?

Наверное, сомнения ясно нарисовались на его лице, потому что Умберто их прочитал безошибочно.

«Я не убил и не ограбил ни одного человека, чтоб получить эти деньги! — сказал он мрачно. — Но врать не стану — двух человек я отправил на тот свет легко и без угрызений совести, потому что они хотели у меня их отнять!»

«Прости, Умберто, но я все равно тебе не верю! — признался Питер. — Не знаю и не хочу знать, как ты получил эти монеты, но они не являются доказательством твоих баек! Наверняка сейчас в мире найдется не один десяток человек, способных безо всяких рассказней предъявить для обозрения даже лучшую, чем у тебя, коллекцию».

«Возможно», — обронил крестьянин.

Он раскрыл книгу и осторожно извлек лежавшую между страниц пожелтевшую фотографию.

«Рассмотри внимательно!»

Питер поднес снимок размером с почтовую открытку к лицу, слегка наклонив к окну, чтобы поймать больше света. На снимке была запечатлена невысокая, полная женщина в длинном и темном, с белыми кружевными воротничком и манжетами, платье. Она сидела на стуле, покойно сложив руки на коленях, на ее левое плечо опирался стоявший к ней вплотную мальчик в широких штанах, заканчивающихся выше лодыжек, и светлой рубашке с длинными рукавами. На взгляд инженера, мальчику можно было дать лет двенадцать-тринадцать, женщина была явно старше сорока пяти. Это было нетрудно определить по складкам, опускающимся от крыльев носа к углам рта и различным морщинам на высоком лбу.

«Ничего не замечаешь?» — спросил Умберто, прервав затянувшееся изучение снимка Питером.

Тот опустил руку с фотографией, покачал головой.

«Абсолютно! — и добавил, подумав: — Могу предположить по состоянию снимка и одежде людей, что сделана фотография либо перед мировой войной, либо во время нее. Больше мне сказать нечего...»

Умберто выслушал заключение, кивнул, обошел стол, встав с противоположной стороны у стула. Агата, успев помыть руки, быстро присела рядом и, взяв руку отца, положила ее себе на плечо. Оба выжидательно смотрели на Питера.

«И к чему эта сцена?» — спросил инженер, чувствуя себя единственным зрителем спектакля, который перед ним разыгрывали

казавшиеся до того вполне понятными, простыми и даже чем-то притягательными люди.

«Verte!» — звонко скомандовала Агата.

«Переверни снимок!» — перевел Умберто.

Питер чертыхнулся, вспомнив, что внимательно изучив лицевую сторону отпечатка, не догадался взглянуть на оборотную. Быстро перевернув его, на матовой поверхности, подпорченной коричневым пятном, он прочитал карандашную надпись: «Humberto et Agata 1936». Потом перевел взгляд на девочку с мужчиной.

Безусловно, теперь сходство бросалось в глаза. Зачесанные назад волосы Агаты открывали ее высокий лоб. Форма губ с изогнутыми в усмешке уголками соответствовала снимку. Мягких очертаний вздернутый нос. Темные, широко расставленные глаза, придающие ее взгляду выражение удивления и любопытства. До чего же сильно она походила на женщину с фотографии! На свою бабушку?

Умберто тоже можно было бы признать в мальчике по упрямому лбу и слегка искривленному носу с горбинкой. Интересно, передается ли искривление носа по наследству? Значит, на снимке его отец? Бабка с отцом на фотографии и отец с дочерью перед ним. И даже имена совпадают!

«М-да! — признался Питер. — Этот снимок — весьма яркое подтверждение наследования внешних черт. Впечатляет! Надеюсь, мои внуки будут так же походить на меня!»

Он аккуратно положил фотографию на стол.

«Больше показать нечего?»

Умберто вздохнул, пробормотал что-то себе под нос по-португальски. Агата вскочила, будто ей плеснули на подол кипятком, громко и длинно затараторила. Отец выслушал ее молча, наклонив голову, в конце кивнул. Агата, громко стуча каблуками, ушла на кухню и загремела там посудой.

«Что она сказала?» — спросил Питер.

«Слухом будете слышать и ни в коем случае не поймете, глядя будете смотреть и ни в коем случае не увидите¹¹, — ответил Умберто, но пояснять не стал. Отвернувшись к окну, побарабанил пальцами по спинке стула. — Что ж, тогда я прошу тебя об одолжении...»

«Да?»

«Возьми вот эти деньги, — Умберто нащарил в мешке и извлек две цветные бумажки. — Съезди в Сан-Себастьяно и купи пива!»

¹¹ Книга пророка Исайи, 6:9.

Питер машинально взял протянутые купюры и повертел их в руках. Надпись «сгузеіро пуово» ему ничего не говорила.

«У меня есть деньги!» — попытался он вернуть бумажки Умберто, но тот спрятал руки за спину и отступил.

«Денег, которые сейчас там в ходу, у тебя нет! А доллары прибереги для более важных случаев!»

Разговаривать с сумасшедшим Питеру надоело. И без того беседа чрезмерно затянулась. Он поднялся.

«Хорошо, будет тебе пиво! Местного купить или импортного?»

«А какого хочешь, лишь бы свежего!»

У выхода Питер обернулся, спросил хозяина:

«Скажи, как будет по-французски “Маленькая девочка очень похожа на свою бабушку?»»

Умберто усмехнулся и произнес короткую, музыкально звучащую фразу, столь же чуждую в доме бразильского крестьянина, сколь и марсианская речь. Впрочем, словосочетание «petit fille» было знакомо инженеру. Как ни крути, а выходило, что Умберто знал французский.

«Да! — остановил его голос Умберто, едва он прикоснулся к дверной ручке. — Если будет оставаться сдача, купи еще свежую газету!»

«Хорошо!» — кивнул Питер.

Уже на крыльце он расслышал сказанное ему в спину: «И вовсе Агата не похожа на Лусинду!» Задерживаться и спорить он не стал.

6 Дождь, начавшийся после полуночи, напомнил о скором приходе зимы. Спать не хотелось, и Умберто долго лежал в темноте, вслушиваясь в его монотонный стук по железной крыше. Разбуженный непривычным шумом, подключился к дождю и новость как пробравшийся в дом сверчок. Его металлическое дребезжание доносилось из-за закрытой двери детской комнаты, и Умберто решил днем обязательно его отловить.

Уткнувшись носом в плечо и закинув ему на грудь руку, рядом посапывала Агата. От ее налившегося силой тела несло жаром, и он пожалел, что не открыл на ночь окна. Поколебавшись, Умберто встал. Прошлепав босыми ногами до окна, он раздвинул створки, прижался носом к сетке наружной рамы, спасающей не только от москитов и ночных мотыльков, но и от летучих мышей.

Его кожа не ощущала ни малейшего движения воздуха: ни внутрь комнаты, ни наружу. Только громохание дождя по крыше стало лучше слышно.

«Чего бродишь?» — сонно пробормотала Агата, когда он вернулся в постель.

«Спи-спи!» — ответил он, устраиваясь рядом. — Окно открывал.

«А что за шум?» — жена подняла голову.

«Дождь идет!»

«Это хорошо, — успокоилась она, — духота надоела...»

Она снова обняла его и через минуту заснула, задышав глубоко и размеренно. Вскоре и сверчок оборвал назойливое стрекотание. Умберто заснул последним.

Сразу после завтрака, услышав от Агаты ожидаемую третью новость, он решил навеститься к Питеру. Дождь прекратился, но сады и поля с огородами укрылись плотной пеленой тумана. Оставляя в росистой траве темную полосу и вымочив брюки по колено, Умберто прошел на соседний участок и через огород к дому.

Открыла ему Лусинда. Она дохаживала последние деньки: вздувшийся живот торчал высоко, подпирая диафрагму женщины и, слава Богу, она перестала болтать без умолку. Походка ее стала плавной, а движения медленными. Узкое лицо округлилось, на скулах стугустился здоровый румянец. Предстоящих родов Лусинда не боялась, и чем ближе подходил срок, тем большую уверенность в их благополучном исходе она испытывала. В конце концов, они были у нее далеко не первыми.

«Хорошо выглядишь! — похвалил ее Умберто, проходя к столу. — Как думаешь, скоро?»

«Пару недель, если правильно посчитала! — ответила Лусинда, снова принимаясь за ручку кофейной мельницы. — Да скорей бы уж! Ноги начали отекать, а поясница к вечеру вообще разламывается!»

«Ну, уж две недели-то выдержишь. А родишь, так еще будешь поминать последние деньки, когда ходила с пустыми руками, и ночки, когда спала спокойно!»

«Я как на тебя погляжу, — обратился он к сидящему напротив Питеру, — ребенок-то, поди, полоротый будет?»

Питер ухмыльнулся, огладил большим пальцем густые рыжие усы, отпущенные им «для солидности».

«Если моих деток вспомнить, то о покое останется только мечтать. А о вашей родне я пока мало знаю!»

«Да тоже не легче! — признался Умберто. — Мальчишки еще ничего рождаются: ну, намочат пеленки или живот закрутит — поорут малость, а так — титьки поедят, и дальше дрыхнуть. А вот

девки страсть беспокойные! И попервости болей начинают беспрерывно: то понос, то золотуха, то задница сопреет, то молочница прицепится. А уж вертлявые!..»

Он покачал головой, вспомнив первую их с Агатой дочку. Та тоже изрядно потрепала им нервы, захлебываясь плачем всякий раз, когда они пытались уложить ее в кроватку. Так и приходилось носить по очереди на руках весь день, а на ночь укладывать в супружескую кровать с риском придавить ее невзначай во сне. Смышленная была девочка, языки схватывала на лету, к семи годам уже свободно лопотала на французском и испанском, а когда пыталась секретничать от матери с отцом — переходила на известный только им двоим немецкий.

Умберто вздохнул, вспомнив, как пришлось разворачивать с половины дороги телегу Отца Балтазара, когда подстанывавшая от толчков Клара вдруг перестала дышать и затихла. Два дня всего и болела: с утра жаловалась на живот, к вечеру срыгнула травяной чай, которым пыталась отпить ее Агата, а ночью впала в беспмятство. Надо было сразу вести ее в город, в больницу, но пока сходили за Матерью Klarой, пока уговорили Отца Балтазара, пока запрягли лошадь в повозку... Одним маленьким гробиком на деревенском кладбище стало больше.

Кофе Лусинда сварила на новой спиртовке. Умберто потянул носом, когда она ее зажигала, хмыкнул, уловив запах кашасы.

«Не жалко продукт переводить?»

«Да черт с ним! — Питер небрежно махнул ладонью. — Этого добра можно нагнать сколько угодно!»

Это он правду сказал, Питер. За последний год поле, закрепленное за домом Лусинды, значительно удлинилось к реке и стало давать урожай вдвое больше прежнего.

От ежедневной тяжелой работы О`Брайан сильно изменился. Дурной жир сгорел, лишняя вода вышла горьким потом, растворив склеротические бляшки и тромбы. Сейчас Питер представлял собой двести фунтов сплошных мышц, костей и жил, затянутых в веснушчатую ирландскую кожу, слишком чувствительную к местному солнцу и оттого постоянно шелушащуюся на всех открытых участках. Особенно он гордился заново отросшими рыжими кудрями и усами, причем если первые он решался стричь не чаще двух раз в год, отпуская до плеч, то вторые подравнивал ежедневно.

«Я чего зашел, Питер, — начал Умберто, отхлебнув кофе, — я с неделю буду занят, поэтому со школой придется повременить...»

«Что так? — поднял бровь О`Брайан. — Проблемы?»

«Да так... — помялся Умберто. — Личные причины!»

«С Агатой цапнулся? — предположил Питер. — Так давай у себя заниматься!»

Они говорили о взаимных уроках. Три (а зимой, когда не нужно было работать в поле, и пять вечеров в неделю) проводили они, сидя рядом при свете керосиновой лампы. Не всегда талие посиделки заканчивались мирно, но чаще мужчинам удавалось обходиться без споров: Умберто знакомился с азами химии и физики, математики, литературы и истории, в свою очередь обучая инженера изученным за долгую и бурную жизнь языкам и обычаям разных стран. Дело облегалось тем, что Питер по одному из последних заказов, доставленных из Манауса, получил чуть не две тысячи книг. Из них сотня — школьные и университетские учебники, еще сотня — различные справочники, а остальные представляли собой причудливый набор беллетристики и поэзии, разбавленной монографиями по истории, мемуарами и книгами о путешествиях. «Я чувствую себя Робинзоном Крузо, — сказал он как-то Умберто по поводу непрерывно доставляемых в его адрес деревянных ящиков. — Только в отличие от Крузо я заранее могу предположить, что именно мне предстоит в будущем».

Естественно, что свою лихорадочную деятельность Питер начал далеко не сразу. После его возвращения вечером того дня, когда произошло объяснение, Умберто засомневался: выйдет ли из американца что-либо путное. Не сказав ни слова, Питер по приезде из города выставил ему на крыльцо картонную коробку с пивными бутылками, если верить маркировке которых — с давно истекшим сроком годности, свалил на них пачку свежих, еще пахнущих типографской краской газет двадцатилетней давности и ушел к себе в дом. Умберто не пытался его успокоить — каждый должен переварить возможность вот так просто отправляться в прошлое самостоятельно, однако до полуночи просидел на веранде в кресле-качалке, прислушиваясь к звукам, доносящимся с соседнего участка.

Бурное объяснение между юной женой, оказавшейся вчетверо старше своего пожилого мужа, началось и закончилось в первый же час после возвращения того из Сан-Себастьяно. Потом все стихло, но Умберто продолжал делать то, чему научился в совершенстве, — ждать. И только после полуночи, когда он услышал сдавленные звуки рвоты и кашля из соседнего сада, он понял, что Питер в качестве лекарства выбрал литровую бутылку виски, слегка ошибившись в дозировке.



На следующий день Умберто работал на стройке один, к вечеру выбрав грунт в котловане под фундамент на полметра. Инженер появился уже на закате, помятый, с опухшим лицом и красными глазами. Постоял рядом, слегка покачиваясь и засунув руки в карманы штанов, но ничего не сказал. Умберто не затевал с ним разговоров: просто копал и отбрасывал землю, подравнивал стенки и дно котлована, изредка меняя штыковую лопату на совковую.

Американец ушел и пробовал продолжить одиночную пьянку, но едва осилил стакан и свалился спать. Уехал он на работу только в понедельник после обеда, вялый и бледно-зеленый с похмелья, чудом не разбившись по дороге на служебном джипе, не умерев от инфаркта, инсульта и прочих болячек. Потом Питер рассказывал, что всю неделю ежедневно звонил детям, истратив кучу денег на связь через спутник и пытаясь убедиться в своем здравом рассудке. Еще через неделю успокоился, снова съездил в Сан-Себастьяно и, наконец, осознал, что ситуация, в которой он оказался против своей воли, помимо неочевидных потерь открывает перед ним и неограниченные возможности. И почти сразу запустил массу процессов по подготовке к исчезновению из внешнего мира. В него он все равно не смог бы вернуться — уже планировался перенос строительного лагеря на запад.

За оставшееся время он успел переоформить дом в Денвере на детей, продать через агентство машину, обратить в деньги имеющийся пакет акций, открыть счет в одном из банков Манауса и перевести на него все средства. И, несмотря на то, что каждый шаг был сопряжен с невероятными трудностями, связанными с его неспособностью покидать четырех- или пятикилометровую зону вокруг деревни без риска оказаться в другом времени, он полностью выполнил свои задумки.

К концу месяца он охрип от бесконечной ругани по телефону с менеджерами манаусских банков, посольством США в Бразилиа и вице-президентом собственной компании. Это еще больше запутало ситуацию, потому что даже собственные дети перестали узнавать его голос, доносящийся с другого континента. Ему пришлось вызвать на строительный участок самого уважаемого нотариуса из Сан-Себастьяно и просить коллег удостоверить его личность при оформлении доверенностей на совершение всех запланированных им сделок. Дольше всех сопротивлялись банки, но когда на счета упали первые сто тысяч долларов, переведенные из Центрального банка Денвера, они позабыли свои сомнения.

Остальное было делом техники и ирландского упорства. Заказы на материалы и оборудование размещались в Манаусе. После подтверждения готовности перечислялись деньги. Автомобили с грузами встречались на местной дороге, ведущей к Трансамазонскому шоссе, и сворачивали на неприметную лесную грунтовку, которая вела в крошечную деревушку из двух десятков домов. Иногда водители при проезде через Сан-Себастьяно пытались выяснить название этого поселения, но владельцы закусовых, обычно знающие все на свете, в ответ только пожимали плечами — нет в той стороне никаких деревень!

А Питер благополучно дотянул до окончания контракта, поручив Тони Блумквисту, своему заместителю, выбор площадки под новый лагерь строителей и ее обустройство. Сам же остался на старом месте контролировать вывоз имущества и оборудования, объяснив, что не хочет далеко уезжать от молодой жены. Пришлось выслушать немало шуток по поводу «седины в бороду», но Питер пожертвовал бычком и пятью поросятами, организовав стол для иностранных и местных строителей и пригласив на банкет Лусинду. С тех пор шутки в адрес О`Брайана незаметно трансформировались во мнение, что американец все очень правильно сделал: и детей вырастил, и пенсию выслужил, и женился на молоденькой, которая как истая католичка будет улаживать и обхаживать его до самых последних дней...

Умберто усмехнулся, услышав предположение Питера, что его отказ от занятий вызван ссорой с Агатой.

«Не в этом дело, Питер! Агата подросла. Теперь моя очередь медовый месяц справлять!»

Лусинда, услышав заявление Умберто, фыркнула.

«Так ты ее так и не распечатал? То-то я смотрю — она смурная ходит!»

«В кого у тебя такой язык злой! — покосился на нее Питер. — Мать Клара вроде добрейшей души женщина, а ведь родня тебе прямая!»

«Нечего меня с бабкой сравнивать! — огрызнулась Лусинда. — Пожила бы, как я, полжизни при муже, полжизни одна — не такой мегерой бы стала!»

«Ладно вам зубатиться! — вмешался Умберто. — Праздник у нас с Агатой, а вы ругаться принялись!»

«Да мне-то что! — пожала плечами Лусинда. — Только жалко девчонку! У нее уж с полгода как периоды начались, а ты все нос воротить! — Она взглянула на Умберто, не скрывая понятной

ему усмешки, продолжила: — Я на ее месте давно бы тебя оседлала, никуда б ты не делся!»

Умберто сделал вид, что не расслышал, и отвернулся. Вроде и неплохая женщина досталась Питеру в жены, но иногда ее нрав пугал. Вот и сейчас: ведь последние деньки с пузом дохаживает, ноги пухнут, мочиться бегаёт чуть ли не в полчаса раз, а туда же — напоминает, что связаны они не только родством через Агату, но и многими месяцами общей постели. И хоть избавлялся он от ее запаха, отмывал ее сок со своей кожи, но всю память в тазу не выполощешь!

«Не бери в голову, Умберто! — рассмеялся Питер. — Жenuшка моя изголодалась по ласке, сама полночи ворочается и мне заснуть не дает. А куда с таким животом? Там уже сын так пихается, что я чуть с кровати не слетаю!»

«Сын — это хорошо! — через силу улыбнулся Умберто. — И тебе помощник будет, и матери поддержка! Может, до самого твоего возвращения продержится — так вообще красота! И снова рядом будете!»

«Вот и я так считаю, — подхватил Питер. — На редкость все удачно получается! Так сколько тебя не беспокоить? — перевел он разговор на причину визита Умберто. — Неделю? Две?»

«Пока не знаю! — ответил Умберто. — По тому времени, сколько я ждал, — и десяти лет будет мало!»

Лусинда снова фыркнула. Питер даже ухом не повел в ее сторону.

«Ну, десять лет я тебе не обещаю, — он встал, вышел из комнаты и уже из коридора крикнул: — но на первые дни хорошее настроение могу гарантировать!»

Вернулся он с тяжелой корзиной, в которой звякнуло стекло, когда он поставил ее на стол перед Умберто.

«Здесь пара бутылок шампанского для Агаты и бутылка рома для тебя! Не обессудь: когда у меня сын родится — нарушу твой покой, позову! Хотя какой там у тебя покой будет!»

Умберто не стал отказываться от подарка, ведь сегодня у них действительно будет праздник. Он крепко пожал руку Питеру, поклонился Лусинде (она погрозила ему пальцем в ответ) и вышел из их дома.

У них ушел весь день, чтобы подготовиться к первой ночи. В отличие от инженера, он не внес никаких изменений в обыденный уклад. Не появилось у него газовой плиты — была обычная дровяная печь, и потому Умберто натаскал из кладовки столько

поленьев, сколько входило в отведенный для них угол в кухне, забив почти до потолка.

Одну курицу Агата отварила, приготовив душистый легкий бульон, который можно будет пить прямо из глиняных кружек. Вторую курицу пожарила, охладила возле приоткрытого окна и переложила в эмалированную кастрюлю, плотно закрыв крышкой. Ее Умберто спустил в погреб, где мясо могло храниться по двое и даже трое суток. Туда же был спущен котелок с тушеными овощами, два кувшина свежавыжатого сока гуавы, собранный утром десяток яиц. Еще Агата напекла в духовке больших пресных лепешек, отчего весь дом пропах хлебом.

Они пообедали почти на ходу (на печи продолжал готовиться их сегодняшний ужин, завтрашний обед и несколько последующих трапез), сядя друг напротив друга и соединив на столе руки. Фуйжоаду¹², оставшуюся со вчерашнего вечера, они ели ложками, под конец уже через силу. Хлеб, лежавший на глиняном блюде посередине стола, тоже ломали вместе, протягивая разом к нему руки и разрывая пополам.

Сиесту они провели в постели, раздевшись донага. К полудню небо вновь стало затягиваться пеленой облаков, в доме, несмотря на раскрытые окна, было душно, а их тела, казалось, источали скопленный за годы внутренний жар.

Агата стеснялась мелких юношеских прыщей, высыпавших у нее на висках и плечах одновременно с наливанием груди и округлением бедер. Заставив Умберто задернуть в спальне занавески, она торопливо разделась, избегая поворачиваться к нему спиной, и поспешно нырнула в разобранную кровать. Когда к ней присоединился муж, ему показалось, что ее тело сотрясает озноб. Однако это была всего лишь нервная дрожь — она прошла после первого же поцелуя, длившегося целую вечность и не сумевшего напоить никого из них.

Она всегда была маленькой — и будучи девочкой и становясь женщиной. Умберто она не доходила и до плеча, но в постели различие в росте не имело значения. Было только жаль, что ее тело, которое он едва начал целовать, так быстро кончалось: десяток поцелуев на лицо с маленьким ртом, пять — на тонкую шею, по дюжине прикосновений губами к гладким ладонкам и голубым ниточкам вен на запястьях. Тяжелая, слишком быстро выросшая грудь потребовала больше времени, но зато мягкий живот закончился быстро.

¹² Feijoada — традиционное блюдо бразильской кухни. Готовится из черной фасоли, сушеного мяса, копченой колбасы, свиины, чеснока, перца и лаврового листа. Обычно это блюдо подается в глубокой тарелке с мукой маниоки и, по желанию, с белым рисом.

И тогда он усложнил игру, быстро проскальзывая губами вниз и лишь касаясь ее тела кончиком языка, и медленно возвращаясь вверх. Он целовал нежную кожу внутренней поверхности бедер с бледным родимым пятном с монетку в одно сентаво под правой паховой складкой, и девичьи прыщики над лопатками, которых она так стеснялась, и покрытую пушком заднюю поверхность шеи. Агата прыскала смехом от щекотки, но поднимала рукой длинные волосы вверх для его удобства и не пыталась сопротивляться.

Он зарывался носом ей в подмышки и жадно вдыхал ее настоящий запах — запах женщины, которая живет, работает, ест и потеет. Слизывал бисеринки пота с поясницы, уверяя шепотом, что «настоящие лесные олени обожают соль» и прекрасно зная, что Агата никогда в жизни не видела оленей иначе как на отгравюрах в старинных книгах. Он перецеловывал каждый короткий пальчик на ее ногах и уделил должное внимание тонким лодыжкам и твердым коленям, скрывающим беззащитные ямочки на обратной своей стороне.

Он добрался до лона, столь знакомого по прошлым жизням, когда его ласкал и в него проникал Амбруаз Камон и Амилькар Гомеш, и столь неизвестного нынешнему Умберто Камозу. И он преодолел слабое сопротивление Агаты, потому что именно это она от него ждала, и заставил ее разум покинуть голову, а наслаждение стугиться в крестце. И взяв Евин ромб на ладонь, он повел Агату вверх по спиральной тропинке, проходившей сквозь белые, розовые, алые и багровые облака. Когда же она испугалась, что погибнет в одиночестве, лопнув изнутри, как кукурузное зерно в раскаленной духовке, он вернул ее в мир краткой болью присоединения и взорвался вместе с ней и внутри нее.

Они очнулись спустя несколько минут в звенящей тишине, и Агата, вывернувшись у него из подмышки, уперлась ладонями ему в грудь и в тысячный раз задала единственный тревожащий всех женщин мира вопрос:

«Ты меня любишь?»

«Люблю! — ответил он, пытаясь разглядеть ее лицо, настолько близкое, что расплывалось в неясное бледное пятно. — Ведь я каждый раз возвращаюсь!»

Она опустила голову ему на грудь.

«А я каждый раз тебя жду!»

Умберто шевельнулся, поправляя ее тело и укладывая его на себя полностью. Как желанна была эта тяжесть женского тела, едва вступившего в свой расцвет, еще не раскрывшегося

полностью, застигнутого в скользящем шаге из вчерашней хрупкости в завтрашнюю силу! Он провел пальцами по узкой спине Агаты, свел руки на ее талии, дотянулся до подъемов, которыми начинались маленькие ягодицы.

Как странно, — подумал он, даже не подумал, а ощутил в одно длинное мгновение. Мы настолько друг на друга не похожи, разные до противоположности! Каждый из нас способен годами существовать обособленно: дышать, пить, есть, справлять надобности, испытывать собственную боль и личные удовольствия. Но вот она лежит на мне всем своим телом, с тонкими, как у птиц, костями и нежной кожей, думает неслышные мне мысли маленькой головой, а спина ее выгибается в такт моему дыханию, и ее грудь ощущает удары моего сердца яснее собственных. Я больше ее настолько, что сумею я обволочь ее тело своим, заключить в себе, как шершавый ананас заключает в своей сердцеvine семена, я внешне бы ничуть не изменился. Зато насколько правильней это было, насколько целесообразней! Я смог бы чувствовать ее в себе каждое мгновение и защищать от жестокостей мира всем своим телом. Ведь именно для этого природа создала нас — жестких, грубых, больших и сильных, — чтобы мы служили женщинам панцирем, скорлупой. Если бы она чувствовала то же, что и я, она изо всех сил должна была стремиться проникнуть внутрь меня, спрятаться, уютно устроившись внутри и сонно посяпывая. А вместо этого я — большой и сильный — стремлюсь прорваться внутрь ее маленького и слабого тела, пусть не всей своей массой, а только частью ее, прорваться и спрятать внутри нее еще меньший организм, вообще не способный к самостоятельному существованию!

Как несправедливо устроен мир! — ощутил он в то же бесконечное мгновение. — Ведь я никогда не смогу иметь ее внутри себя и даже не смогу постоянно находиться с нею рядом! Потому что как только мы встретились, увидели и почувствовали друг друга, мы одновременно уже начали расставаться. Еще не расходиться, нет! Но уже расставаться, как движущиеся навстречу по параллельным путям поезда: едва поравнялись головные вагоны и ты успел ухватить облик стоящего у окна другого поезда человека, как вагоны сдвинулись, и ты смотришь уже в другие окна. Так и мы — день прошел, и на следующее утро я вижу ее старше на один день, а она меня — на один день помолодевшего. Как будто ее день не истрачен на жизнь, а перешел от нее ко мне. Как будто извечный женский упрек: «Я отдала тебе всю свою молодость!» реализован в этом месте буквально.

Они незаметно задремали и проснулись лишь к закату. На пороге переделав неотложную работу, на веранде смыли с себя пыль согревшейся в бочках водой и направились в дом. Бобы совсем остыли, но холодные, в жирной подливке и с хлебом, казались еще вкуснее. Они перекусывали стоя, держа тарелки в руках и оставляя в них ложки, когда требовалось взять стакан или отломить кусок хлеба.

«Ты как?» — спросил он, ставя опустевший стакан на стол.

«Прекрасно! — заявила Агата. — Сейчас набью пузо, напьюсь шампанским и повалю тебя в койку!»

«Да пожалуйста!»

В свете керосиновой лампы глаза Агаты казались входами в тоннели, в конце которых дрожали отблески горящих факелов. Гигантская ее тень, отброшенная на стену, ломалась на дверцах шкафа, хаотично дергалась, пытаясь успеть за движениями хозяйки.

Умберто отхлебнул прямо из горлышка, вытер губы ладонью.

«Что ж, я готов!»

«Вижу, что готов! — усмехнулась жена, опустив глаза. — Нужно еще постель перестелить — не люблю спать на мокром!»

Через минуту они продолжили начатое днем, любили друг друга всю ночь и смогли заснуть лишь перед самым рассветом, обнявшись и склеившись животами.

7 Едва заходящее солнце коснулось леса, как рядом с его диском, разрезанным облаками, в небо начал расти тонкий белый столб. Питер опустил с колена наполовину оструганную чурку.

«Смотрите, еще одна ракета!» — негромко сказал он.

Джону, сидевшему напротив отца, пришлось обернуться, а Умберто — поднять глаза.

Столб дыма, оплывающий и будто оседающий под своей тяжестью книзу, постепенно отклонялся к северу. На острой его вершине можно было различить крошечную звездочку.

«Да, еще одна! — повторил Питер. — Надо же, до перуанских Анд добрались!»

«Время идет, — нахмурился сын, — а мы сидим здесь как партизаны, ничего не знаем, ничего не видим!»

«А кто-нибудь из деревни ходил на запад?» — спросил Питер.

«Нет. А зачем?» — удивился Умберто.

«Как зачем? Интересно! По твоим рассказам, при движении на восток уходишь все дальше в прошлое, но тогда, если двинуть на запад — попадешь в будущее!»

«Наверное, так и есть, — кивнул Умберто. — А чего мы там не видели?»

«Ничего не видели! — с восторгом сказал Питер. — Слышишь! В отличие от прошлого — ни-че-го!»

Умберто покачал головой, бросил взгляд на вихрастого Джона, с интересом слушавшего отца.

«Да, может, там и людей-то нормальных нет, в будущем!»

«Как это нет? — удивился Питер. — Куда ж они делись? Сам же видел — ракеты взлетают!»

«Вот-вот, — усмехнулся Умберто, — может, этими ракетами и заканчивается человечество!»

«Типун тебе на язык! — рявкнул О'Брайан. — Столько лет прожить — и ничему не научиться! Да мир с каждым годом только лучше становится, люди — добрее, жизнь богаче!»

«То-то я и смотрю! При Тиберии вся Европа в лесах была, зубры, олени бродили! Медведей с кабанами от деревень не могли отогнать... Бога-аче! — передразнил он Питера. — И где сейчас те медведи? И шкур-то от них не осталось — все моль побила!»

«Ну, за прогресс нужно тоже платить! — буркнул Питер. — Либо поля с городами, либо леса с медведями...»

«Вот с этого и начинал бы! Там, где твой прогресс прокатился, землю под асфальт закатали, а люди в саранчу превратились: заработали, купили, сожрали, посрали! И снова: заработали, купили, сожрали... Раньше дом строили не для себя — для детей и внуков. И лес корчевали в расчете на то, что за плугом будут ходить поколение за поколением. А сейчас? — Умберто вытянул ногу в самодельном деревянном башмаке. — Обуви на сезон не хватает, Балтазар привозит одно дерьмо, через неделю рвется, через месяц разваливается!»

«Нашел к чему придраться — к башмакам! — не сдавался Питер. — Сейчас никто не хочет годами пользоваться одними и теми же вещами. Хочется нового, свежего. Так зачем же тратить время и силы на тряпье, если оно уже следующей весной никому не будет нужно? Под это все и отлажено: поносил, выбросил, купил новое — еще лучше и красивей!»

«...И все при деле, — подхватил Умберто. — Люди заняты, фабрики работают, деньги капают, мусорные свалки растут! Я про это и говорю: саранча, пожирающая все вокруг, но не из-за голода, а из любви к самому процессу жевания. А на то, что после нее остается смердящая пустыня, — плевать!»

Питер промолчал и снова стал строгать ножом чурку. С одной стороны уже вырисовывалось корабельное днище, и Умберто произвольно покосился на это изделие: поплавать ему пришлось немало, но таких обводов корпуса видеть не приходилось.

«А вот интересно! — О'Брайан через минуту прервал работу. — Женщины наши стареют, а мы молодеем — к этому я начал привыкать и даже считать естественным. Мужчины уходят, и процесс разворачивается обратно. Но почему это касается всех местных жителей, кроме Балтазара с Кларой? Они будто застыли в одном возрасте — ни туда ни сюда! Можешь объяснить?»

«Это всегда так было, — неохотно сказал Умберто. — Они родители...»

«А я кто — стручок бобовый? Вон, сын напротив сидит!»

«Ты не понял! — мотнул головой Умберто. — Балтазар с Кларой — родители всей деревни. Любая женщина здесь — от их корня. Это мужчины чужие бывают, вроде нас с тобой, да и то — как женщин местных причастились, стали ровень с местными. А Отец с Матерью будут жить, пока снова Христос не явится!»

«Во! — удивился инженер. — Что еще за сказка про второе пришествие? Сколько здесь прожил — ни разу не слышал!»

«Точно? Хотелось бы тогда знать: ты с Лусиндой хоть о чем-то разговариваешь, или только за столом с ней сидишь, да на пару кровать разбиваешь?»

«Полегче!» — предостерег Питер, схватив за руку и показав глазами на Джона.

«Ага! — осекся Умберто. — Но все же до чего хитрющая эта Лусинда! При Казимиро рта никому не давала раскрыть — прям хлестало из нее болтовней! А ты, видать, из другого теста, приструнил маленько!»

Умберто, впрочем, и сам был не против скоротать вечер за умным разговором.

«Если хочешь, могу рассказать! — предложил он. — И Джону не вредно послушать! С тебя стаканчик огненной воды — и старый индеец готов петь до утра!»

«Прибедняйся! — усмехнулся Питер. — В тебе если что и осталось старого, так одна память! Ладно, будет тебе выпивка!..»

Питер скрылся в доме, откуда почти сразу же раздались женский и мужской голоса, с каждым мгновением набиравшие обороты. Умберто ухмыльнулся: власть Питера над Лусиндой оказалась недостаточной, чтобы та промолчала в вопросе о расходе выпивки.

О'Брайан появился через минуту, держа в руках бутылку и пару стаканов. Настроение у него испортилось. Скривившись, он сунул Умберто стакан, свинтил крышку с бутылки.

«Не хотел пить, но сейчас из принципа выпью!» — буркнул Питер.

Тут же из-за открытого окна послышался высокий голос Лусинды:

«Давай-давай! Начинай пить каждый вечер! Хороший ты пример сыну подаешь!»

«Если хочешь, и тебе налью! — отозвался Питер. — Только не подслушивай из-за занавесок, как шkodливая девчонка!»

Что буркнула жена — Умберто не расслышал, но с трудом сдержал улыбку, когда она выскочила на веранду с пустым стаканом, сжимаемым как древко флага. Питер разлил ром, и Лусинда скрылась в доме. Судя по звяканью стекла — разбавляла напиток лимонным соком и добавляла сахар.

«Давай, рассказывай!» — потребовал Питер, когда они сделали по глотку.

И Умберто начал историю Балтазара, как он слышал ее от самого Отца.

«Было это в конце семнадцатого века — точные года Балтазар не помнит, но голландцев уже вовсю поперли с северо-востока. Они уезжали, оставляя дома и поля, засаженные сахарным тростником, зачастую выжигая все за собой, чтоб ничего не досталось переселенцам из Европы. Как раз в это время прошел слух, что в глубине страны нашли золото, много золота, выходящего жилами на поверхность и лежащего россыпями в ручьях. Конечно, все это касалось других земель, расположенных гораздо южнее, между реками Парана и Сан-Франсиско, там, где сейчас штат Минас Жерайс. Но Балтазар тоже решил попытать счастья и углубиться в сельву вдоль Амазонки, видимо, не желая смешиваться с толпой, рвущейся на юг. Он собрал последний урожай, продал дом, землю и почти всех рабов, нанял индейцев, запасся свинцом и порохом, приказал молодой жене собрать вещи и сразу по окончании сезона дождей углубился в лес во главе каравана.

Ты, наверное, представляешь, что значило в то время пробиваться через сельву, где и звериных троп отродясь не бывало — настолько быстро все зарастает кустарником и лианами, где под ногами либо чавкает болотистая почва, либо они по колено проваливаются в гниющие листья. Где папоротники вырастают выше человеческой головы, а в лесу невозможно найти дров для костра — настолько все пропитано влагой.

Тем не менее, караван смог углубиться в лес на несколько десятков миль, прежде чем начались первые серьезные неприятности. Сначала у экспедиции отсырела и испортилась мука, потом испортился солонина. В довершение всего, пробираясь по заболоченной низине, они истратили весь запас питьевой воды и продолжали пить из луж. В экспедиции начались рези в животе и кровавый понос. Они были вынуждены остановиться в этом месте на несколько дней, по истечении которых похоронили четверых индейцев и троих последних рабов. Сам Балтазар и Клара не умерли только благодаря чаю, на питье которого они перешли и попытке закрепить кишечник. А, может, дело оказалось в роме, который начали добавлять в воду. Как бы то ни было, они остались в живых и не позволили умереть остальным участникам похода.

Через два дня пути экспедиция выбралась из болота на возвышенность и вскоре набрела на этот ручей, бегущий в сторону Амазонки. Индейцы потребовали возвращения. Балтазар пропосидел три дня на размышления, в течение которых обшарил ручей сверху донизу в поисках золота, — и ничего не нашел. Поэтому он ответил индейцам отказом и пригрозил недовольным оружием.

Закончилось это для него печально: единственный белый мужчина посреди дикого леса не мог оказать должного сопротивления десятку взбешенных индейцев. Убивать их не стали. Балтазара обезоружили, избили палками, но его жену даже пальцем не тронули. Имущество, естественно, разграбили, перепились ромом и исчезли на следующий же день. Пьянкой смогла воспользоваться Клара, ночью выкрыв у индейцев топор, нож, пару одеял и спрятав все это в лесу. Не знаю, о чем думала бы на ее месте любая другая женщина, на глазах у которой с кровавой пеной в горле умирает муж, но Клара будто заглянула в будущее и заболела только о нем...»

Умберто вздохнул, взглянув на опустевший стакан.

«Я еще не утомял тебя своим рассказом?»

«Отнюдь!» — возразил Питер.

«Тогда плесни еще, и я продолжу!»

Питер без возражений добавил ему и налил себе — не больше, чем на два пальца.

«Когда индейцы ушли, и Клара осталась наедине с Балтазаром, дышавшим все тише, потому что его пробитые легкие заполнялись кровью, она не смогла придумать никаких средств облегчить страдания мужа, кроме как снять с него перепачканную



и крови и грязи одежду и обмыть тело — благо что ручей протекает совсем рядом. Так она и сделала, принося воду одеялом...»

В ответ на удивленный взгляд Джонни, Умберто пояснил: «У них ведь ничего не осталось, кроме топора, ножа и одеял. Вот она и придумала — мочила одеяло в ручье, сворачивала его комом, поднималась к шалашу, в котором страдал Балтазар, и выжимала на него все, что смогла донести, а потом протирала тело влажной тканью.

Переворачивать его она побоялась, — продолжил Умберто. — И поэтому оставила лежать так, как положила вначале, едва доткнув впавшего в беспамятство мужа до временного убежища. Ну, а потом сделала единственное, ей остававшееся — прилегла к нему рядом и постаралась согреть его остывающие ноги. И лежала так до полудня, то впадая в дремоту, то приходя в себя, пока не почувствовала, что умирающий вдруг покрылся испариной, а ему ее начало колотить в ознобе.

Однако к вечеру Балтазару вдруг полегчало. Он больше не хрипел, а только стонал, по-прежнему не открывая глаз и будто пытаясь говорить, но так неразборчиво, что Клара, сколько она не силилась, понять его не смогла. Она не ела весь этот день и всю последующую ночь, а когда утром муж очнулся и попросил пить, сама еле смогла спуститься к реке и затащить наверх мокрое одеяло.

Балтазар выздоравливал с поразительной быстротой, несмотря на меню из древесных улиток и дождевых червей, которых Клара выковыривала палкой и очищала от съеденной ими земли, продавливая между пальцами и споласкивая в ручье. Ну, а когда муж смог говорить, не задыхаясь после каждого слова, то и рассказал ей о своем видении.

С его слов, после того как белый свет померк в глазах от удара прикладом, он оказался в странном месте, где вместо солнца от горизонта до горизонта светилось низкое багровое небо. Он проваливался в песок, текущий быстрее воды, и песок этот был настолько холодный, что обжигал сильнее пламени. Чем больше Балтазар барахтался, тем глубже увязал. Сначала он погрузился по колено и даже не очень испугался, но когда попытался вытащить одну ногу — вторая провалилась по пах. Вскоре он утонул по самую шею, и над поверхностью оставались только вздернутые вверх руки и запрокинутая голова. В этот момент он услышал шорох приближающихся шагов и рядом с воронкой, почти поглотившей Балтазара, остановился человек.

Был он худ настолько, что выпирающие кости почти прорывали изнутри кожу, а из одежды имел только обрывок грязной

ткани, обмотанной вокруг чресел. И еще заметил Балтазар рубец на его груди, старый и бледный, будто ударили когда-то человека широким мечом под сердце.

«Тебе хорошо здесь?» — спросил человек, присаживаясь на корточки возле ямы.

«Я умираю! — прохрипел ему снизу Балтазар. — Помогите мне!»

Человек покачал головой.

«Это не мое дело! — ответил он. — Ты сам вырыл себе эту яму и сам в нее влез. Почему же я должен тебя вытаскивать?»

«Я не знаю, как здесь оказался!» — прохрипел Балтазар и попробовал дотянуться до человека рукой, но только расшевелил край воронки, и песок полился вниз тонкой струйкой, засыпав его до самого рта. Чтобы не захлебнуться, Балтазар так сильно запрокинул голову, что затрещали сведенные мышцами шейные позвонки.

«Как же не знаешь? — удивился странный человек, слегка отодвинувшись от ямы, подползавшей к нему под ноги. — Ведь ты сам заставил добрых людей увести себя далеко-далеко от дома, да еще напал на них, когда они захотели вернуться, и угрожал им смертью! Разве не так?»

«Так! — признал Балтазар. — Но ведь я не убил никого из них!»

«Ты просто не успел! — покачал головой странный человек. — Будь у тебя больше времени, наверняка отправил бы сюда двух, а то и трех из них!»

Балтазар не чувствовал своего тела. Казалось, оно полностью растворилось в песке, а голова просто воткнута в дно воронки. Даже торчавшие по бокам руки ему не подчинялись, а сведенные судорогой пальцы походили на высохшие древесные сучья.

«Я должен умереть?» — спросил он, собрав последние силы.

«Не знаю, — пожал плечами человек. — У тебя еще несколько минут, чтобы позвать на помощь. Если никто не явится — я просто засыплю тебя. Это не больно, поверь! Дышать тебе не нужно, смотреть здесь не на что. Ты уснешь, и для тебя все закончится...»

«Как я могу позвать на помощь? Кого?»

«А это уж ты сам выбирай! Есть ли кто-нибудь, для кого ты дороже собственной жизни? Если есть — зови его. Ну, а если никто не явится...» — и странный человек улыбнулся, как улыбаются старики, глядя на проказы ребенка, — добро и снисходительно.

В один миг Балтазар перебрал в памяти всех, кого знал и помнил, одного за другим отвергнув родного брата и двух сестер,

старую тетку, доживающую вдовий век в Португалии, и своих землянников. Будь жива мать — он возопил бы к ней, но родители его давно умерли, и ему, уплывшему много лет назад завоевывать место под солнцем Нового Света, даже не известны места их могил. Оставалась только жена, молодая, терпеливая Клара, с которой он прожил уже два года, не породив детей, которую в мыслях своих подозревал в бесплодии, и которую столь опрометчиво потащил за собой в экспедицию. Надежда была на нее слабая, но она оставалась единственной, и потому Балтазар крикнул без голоса, широко разевая рот и не выдохнув ни грана воздуха: «Клара-а, помоги-и мне-е-е!!!»

Когда появилась его жена, возникла из ниоткуда, провалившись ногами в песок у его лица и закрыв голову подолом платья, он был даже не в силах удивиться. Она выкопала его голыми руками, лишь на мгновенья останавливаясь, чтобы отогреть своим дыханием побелевшие пальцы, и отчего-то песок не сыпался с краев ямы во время ее работы, будто напитался водой.

Странный человек поднялся с корточек, когда Балтазар уже и сам мог выбраться из воронки. Он протянул руку, и вдвоем с Кларой они облегчили его карабканье наверх. В тело снова возвращалась жизнь, колола раскаленными иглами оттаивающую кожу, как будто мясо под ней было нафаршировано острыми ледяными кристаллами. Воздух вокруг был сухим и горячим, и вскоре растаявший внутри Балтазара лед выступил наружу жидким потом.

«Ну вот, — сказал худой незнакомец, когда Балтазар принял-ся отряхиваться от песка. — Тебе все-таки это удалось. А для многих эти минуты стали последними!»

Он махнул рукой вдаль, и только теперь Балтазар понял, что вся поверхность необозримой песчаной пустыни, от его ног и до самого горизонта, покрыта бесчисленным множеством воронок, подобных его собственной. Рядом с ними тоже находились люди, но разглядеть их в тусклом свечении неба было совершенно невозможно.

«Это все я! — ответил человек на не высказанный Балтазаром вопрос. — Рядом с каждой ямой — я, но в тех ямах — не ты.»

«Так кто же ты есть на самом деле?» — воскликнул Балтазар.

«Как кто? — удивился человек. — Кто еще может быть одновременно во всех местах и со всеми сразу? Ну, не человек же!»

«Иисус? — простонал Балтазар. — Ты — Иисус Христос, назаретянин?»

«Если тебе так больше нравится! — пожал плечами худой. — Для кого-то привычнее образ Мохаммеда или Будды, кому-то

нравится внешний вид светлого Шивы или Осириса, кто-то еще помнит крылатого Мардука или Молоха. Я приходил много раз, всегда один и тот же, но у вас, людей, слишком развито воображение. Можешь звать меня просто Бог — я не обижусь!»

«Господи Иисусе! — Балтазар упал на колени перед тем, кого уже не мог называть человеком. — Я знаю, что прогневал тебя, но скажи: что это за место?»

«Место? — Бог обвел взглядом пустыню. — Это не место! Это — время, всегда наступающее в конце жизни. Время, когда следует принимать безошибочные решения. Именно поэтому я не рискую вмешиваться в ваши последние мгновенья: судите себя сами, сами обвиняйтесь, сами защищайтесь, сами выносите себе приговор. Я лишь привожу его в исполнение, погружая вас в сон, и заодно освобождаю свое время для вновь прибывших...»

Он вытянул вперед руку и разжал кулак. На ладони оказалась горсть песка, в удушливо-багровом небесном свете походившая на горячий пепел.

«Каждая песчинка, — продолжил он, — это миг человеческой жизни, в который не сделано ничего доброго. Все, что вы видите вокруг — миллиарды жизней, протекшие меж пальцев их владельцев, бессмысленно потраченное время, тяжесть и леденящий холод которого каждому предстоит ощутить в конце».

Бог сбросил с ладони песок и гадливо вытер руку о тряпицу на бедрах. Затем задумчиво шевельнул ногой, и от этого почти незаметного движения поверхность под ногами Балтазара и Клары кольхнула, в мгновение ока заровняв опустевшую яму. Будто потеряв к ним всякий интерес, Бог повернулся к ним спиной, густо покрытой сеткой рубцов, и направился прочь.

«Подожди, а как же мы?» — вскричал Балтазар.

«Вы? — Бог обернулся. — И вправду, о вас я уже забыл... Хорошо! Возвращайся туда, Балтазар, откуда пришел, и помни о нашей встрече. Сдается мне, что ты достаточно помотался по свету, и пора бы тебе осесть на земле. Жена твоя, позабывшая о себе ради твоего спасения, пусть даст столько жизней детям своим, сколько захочет сама. Дочери ее пусть будут столь же верны мужьям своим, как и она сама, и пусть ни один из мужей не захочет покинуть их ради других женщин. И пусть живут они рядом, отдавая тепло свое и силы свои друг другу и детям своим. И пусть, что один отдает, другому прибывает. А чтоб не наскучила им такая жизнь, пусть расстаются они, друг о друге не забывая, и снова соединяются, когда наступит нужное время. А я загляну как-нибудь, проверю — хорошо ли у вас все устроилось, и не тратите ли вы отпущенное время попусту!»

И повернулся Бог иссеченной спиной к ним, и ушел к горнотопу. Балтазар же, придя в себя, очень удивлялся, что Клара ничего из случившегося с ними не запомнила. Единственное, что удивило ее тогда в правдивости рассказа, — немеющие, будто замороженные руки. Замечал, что она постоянно в шерстяных перчатках?

Умберто завершил свой рассказ почти уже в полной темноте. Слышно было, как в доме сердито стучит Лусинда, будто затеяла на ночь глядя перестановку мебели.

«Да, красивая сказка!» — признал Питер.

«Сказка? — удивился Умберто. — Это было бы сказкой, если бы все не произошло так, как повелел Бог! Мы уходим, и мы возвращаемся, и никто из нас не в состоянии оставить жену ради других женщин, хотя и встречает их на своем пути!..»

«Да брось! — рассмеялся Питер. — Сам же рассказывал, что муж Камилы не вернулся из Сан-Пауло, и она умерла из-за этого! Значит, не настолько и привязывают женщины из рода Отца Балтазара!»

«Ты не трожь Камилу! — тихо сказал Умберто, ставя стакан на пол. — Камила дочь моя вторая, и был бы я тогда здесь — ничего бы такого не случилось. А что не вернулся Александре, так ясно тебе было сказано: не оставит жену ради другой женщины! Он же, уйдя отсюда мальчиком, с ума сошел, влюбившись в мужчину!»

«Прости, — смешался Питер. — Ну, а мать Агаты?»

«Филипа? Она не выдержала, ушла вместе с Рикардо. Снова расставаться не захотела, предпочла одну жизнь до самого конца множеству встреч и разлук. Не нам судить ее, пусть Бог рассудит!»

На это Питер ничего не ответил. Лишь когда Умберто начал вставать, чтобы распрощаться с гостеприимными хозяевами, вдруг спросил, будто вспомнил.

«А как это получается, что сюда никто, ни единый человек без нашей воли попасть не может? Пузырем каким-то деревня накрыта? Поле?»

«Не знаю, про какое поле ты говоришь и о каком пузыре думаешь, но это как раз самое простое — сам бы мог догадаться!»

В свете лампы, сочившемся сквозь занавески и падающем на веранду, Умберто выдернул из-под ремня полу рубахи, поднял ее и ребром ладони вмял, зажав рукой снизу.

«Слышал выражение «как у Христа за пазухой? — спросил он, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Ну, а деревня наша — в

складке. Точь-в-точь, как на рубашке сейчас: сверху края смыкаются, а мы — внутри! С любой стороны к деревне подходят, делают лишний шаг — и уже за рекой. Тот же лес, то же небо... Для любого самолета внизу сплошные деревья, ни полей, ни домов, ни огородов. Мы есть — и нас нет. Так что не сомневайся, Питер, все получилось, как Бог решил!»

Умберто протянул руку, прощаясь, сначала инженеру, потом его сыну. Громко топая деревянными башмаками по доскам веранды, дошел до крыльца.

«Пока, Лусинда! — крикнул он уже со ступенек. — Спокойной ночи!»

«Спокойной ночи, баламут! — отозвалась женщина из открытого окна. — Домовой, видать, тебя не любит, если допоздна в гости сидишь! А ведь дочка у самого, мог бы и о жене подумать!»

Усмехаясь, Умберто сошел на камни дорожки. С близняшками Агата легко справлялась и без него.

8 Как он вчера и просил, Агата растолкала его, едва забрезжил рассвет. Умберто пытался спросонок отбиться, натягивал на себя простыню и лез головой под подушку, но жена осталась неутомимой. Очумелый со сна, он с трудом разодрал глаза и сел на кровати.

Сразу оставив зевающего мужа в покое, Агата, в длинной ночной рубашке и босая, бесшумно засновала по комнате, складывая на стул приготовленную одежду: штаны, с которыми вчера возилась до полуночи, в очередной раз укорачивая и зауживая в поясе, свежевывглаженную рубашку, носки.

«Вот, еды с собой прихватишь, — наставляла она мужа. — Лепешек вчерашних, полкучочки отварной, яиц пяток. Кто знает, когда ему удастся в следующий раз хорошо поесть...»

«Да кому — ему? — вяло сопротивлялся Умберто. — С чего ты взяла?»

«Ну, не ему — так не ему! — не спорила Агата. — А узелок возьми, коль уже собрала. Сдается мне почему-то, что Лусинда опять ничего не знает...»

Не слушая бормотание мужа, она налила в кувшин согретой воды и с полотенцем в руках ждала, пока Умберто оденется. Поливая ему на руки, Агата с грустью отметила начавшие выпирать мужнины лопатки и слишком широкий для его шеи ворот рубашки, давно не стриженные длинные его волосы.

«Завтракать будешь?» — спросила она, не особо рассчитывая на положительный ответ.

«Некогда! — буркнул Умберто. — Сумку мою куда сунула?»

«Вон, возле дверей стоит!»

«Хорошо. Если кто будет меня спрашивать — я на рыбалку пошел...»

«А кто будет?»

«Сама знаешь!»

Сунув ноги в деревянные башмаки, Умберто подхватил пригнанный с вечера рюкзак и, на ходу заталкивая в него узелок с продуктами, вышел на крыльцо.

Как вчера и договаривались, Питер ждал его на развилке тропинки, идущей с реки. Услышав шаги друга, он было встревожился и даже встал, но различив фигуру Умберто и убедившись, что он один, сразу успокоился.

«Привет!» — поздоровался Умберто.

«Bonjour!» — отозвался О'Брайан.

Умберто опустил сумку на землю, присел на корточки. Питер устроился напротив.

«Ходил к Балтазару?»

«Да».

«Запомнил адрес?»

«Даже записал на всякий случай!»

Они перебрасывались короткими, понятными им обоим фразами. За прошедшую неделю они дважды поругались и снова мирились. Питер то был готов отказаться от своей идеи, то являлся мрачнее тучи, вываливая на друга бесконечные жалобы на неуклюжие и беспомощные ласки стареющей Лусинды, на ее неопрятность и пошатнувшееся здоровье. Но больше всего О'Брайан переживал из-за своей слабеющей день ото дня памяти, пытаясь поддержать ее непрерывным повторением терминов и понятий, формул и названий. Освобождение головы для новых знаний происходило у него впервые и потому воспринималось чрезмерно болезненно.

Умберто надеялся, что друг протянет в деревне еще хотя бы год, но Питер вчера заявил как отрезал: «Все, ухожу!» и спорить с ним оказалось бесполезно. Еще хорошо, что он послушался совета и обратился за помощью к Балтазару. Тот назвал пару доверенных лиц в Сан-Себастьяно, способных без лишних вопросов принять девятилетнего мальчугана в свой дом и выправить ему документы на первое время.

«Это тебе», — кивнул Умберто на принесенный с собой рюкзак.

«А что там?»

«Немного одежды, пяток монет, еды Агата собрала».

«Я сам подготовился!» — Питер показал небольшой мешок, который обычно брал с собой на рыбалку.

«Бери! — приказал Умберто. — Лишним не будет!»

«Хорошо», — вздохнул друг и поднялся.

Рюкзак он перебросил за спину, мешок понес в руке. Помогать ему Умберто постеснялся — идти было всего ничего.

Он проводил Питера до самой границы складки, до того места, где порхающие, как бабочки, колибри исчезали в воздухе, не долетев до них нескольких шагов.

Умберто придержал Питера, когда тот, идя впереди, наклонил голову, чтобы преодолеть невидимый барьер.

«Постой! Давай еще раз повторим правила!»

Питер подбросил подаренную сумку, удобнее устраивая лямки на плече, прикрыл глаза, без запинки перечислил.

«Не пользоваться быстрым транспортом, стараться ходить пешком. Если придется плыть или ехать, по возможности не спать. Если не спать нельзя — не спать ночью. Избегать больших городов, полиции и красивых женщин. Если схватят — изображать глупого, но не идиота. Всегда разговаривать на том языке, на котором говорят окружающие, не знаешь языка — лучше молчать».

«Молодец! — хлопнул по плечу Умберто. — И последнее правило: настоящий мужчина всегда возвращается домой, в любом состоянии и из любого места. Потому что там его ждут и в него верят. Понял?»

«Не маленький!» — буркнул Питер.

«Тогда иди!»

Он обнял его за плечи, чуть встряхнул и подтолкнул вперед. К чему эти сопли, когда прощаются мужчины? Питер сунул руки в карманы и медленно двинулся по еле просматривающейся лесной дороге. Через десяток шагов он все-таки не выдержал, оглянулся. Умберто поднял руку, и рыжий, как бы в ответ, тоже, хотя никого уже не мог видеть. Дорога с его стороны Складки растворялась в зелени кустарника, растущего на противоположном конце деревни.

Лишь бы он дождался меня в городе, снова подумал Умберто, провожая друга взглядом. Лишь бы не сорвался с места, не заметался по миру и времени, не забыл прежнюю жизнь под натиском новых впечатлений. А если пересидит в Сан-Себастьяно пару лет, то найдет его Умберто, не сможет не найти. И сходят они вдвоем на запад, поглядят, как там люди устроились. Может,

и прямо рай на земле построили? А потом обязательно нужно приехать в Иерусалим. Это ведь важно — знать, для чего они здесь! Забыл Он свое обещание или считает, что время еще не пришло и нужда в них не наступила? Для чего-то же Он создал Складку, может, и не одну вовсе. Не для каприза же своего, не для эксперимента...

Лусинда перехватила его на обратном пути — выскочила из-за поворота растрепанной вороной, с воплем вцепилась в волосы.

«Куда ты его отправил, скотина? Верни его, слышишь? Бегом за ним, догони и верни!..»

Справиться с ней или хотя бы оторваться не было никакой возможности — давно минуло время, когда Умберто было достаточно выпрямиться, чтобы она не могла дотянуться до его головы. Сейчас сил хватало только на то, чтобы зажать ее руки на своих волосах (черт бы побрал его привычку отпускать их ниже плеч!) и не дать выцарапать себе глаза. Вырванные при очередном рывке пуговицы короткой дробью отлетели с ворота рубашки, он не удержался на ногах и свалился в траву.

«Ты его подговорил! — Лусинда лупила кулаками по чему ни попадя, не глядя и не чувствуя боли. — Сволочь! Тихушник чертов! Я давно чуяла, что ты что-то задумал, я тебе за все сразу отвечу!..»

Умберто только прикрывал руками лицо и голову. Как его остановить — не драться же в самом деле? Пару раз Лусинда зацепила его кулаком довольно чувствительно, прямо по печенке, да еще заехала по губам башмаком, пока он крутился под ее ногами. Будь она килограммов на двадцать тяжелее — могла бы и до смерти забить, не понимая, что делает.

Когда тычки и удары прекратились, он еще немного полежал без движения и разогнулся, услышав плач. Лусинда сидела совсем рядом, обхватив растрепанную седую голову руками и затолкав в рот угол платка, будто боялась рыдать в его присутствии в полный голос. Умберто поднялся, приблизился к ней, опустился рядом.

Утешальщик из него во все времена был никакой. Солдат, любовник, муж, работник, отец — куда ни шло, но врачеватель ран душевных? Умберто потрогал языком разбухшую губу, сплюнул кровь. Какие мелочи, в самом деле! Протянул руку, обнял высохшие плечи Лусинды. Та вздрогнула, но в следующее мгновение привалилась к нему, будто к взыправдашнему мужчине.

«Тише, Лусинда, успокойся! — забормотал он, осторожно проводя ладонью по ее редющим волосам. — Вот увидишь, он вернется. Я сам за этим прослежу... Все мужики одинаковы: приходит время, и будто порох в заднице пыхнет: надоело, свалится бы куда подальше — мир посмотреть, на корабле поплавать... Еще хлебом нас не корми — дай из ружья пальнуть или мечом помахать! А потом снова тепла хочется, еды домашней, бабью подмышку понюхать... Вернется твой Питер, никуда не денется! Старый придет, больной насквозь, толстый... Придется ему тебя на руках таскать целыми днями, ждать, пока подрастешь! И с ложки тебя кашей ему придется кормить, и пеленки за тобой застирывать!..»

Он бормотал ерунду, первое, что приходило в голову, и Лусинда вздрагивала от всхлипываний все реже, как будто засыпала. Умберто все продолжал говорить, и продолжал гладить ее по голове, и продолжал думать: «Наверное, самая правильная мужская привычка — привычка возвращаться домой. В Складку или не в Складку — дело десятое. Просто — каждый раз возвращаться домой...»

ЮЛИЯ ФУРЗИКОВА

Весна

Рассказ

Разувшись, Татьяна рассматривала правый ботинок — ей показалось, что он протекает. Половину короткого пути от трамвайной остановки до дома пришлось шлепать по мокрой снеговой каше, совершенно пагубной для обуви. Таня ненавидела мокрую и хмурю погоду конца марта, когда, выйдя на полчаса на улицу, потом столько же отчищаешься от грязи. А где еще нет грязи, веселыми фонтанчиками брызгающей с подошв на брюки, там озера воды на дорожках, окруженных коварным проваливающимся снегом. Убирают снег только в центре, и не потому, что улицы все пустеют, всегда так было. Действительно, зачем мучиться? Сам сойдет через неделю-другую. Ладно, она дома. А почему Сергей ее не встречает, как всегда?

— Сережа! Ты занят?

Мальчик сидел перед своим столом, на котором громоздился старый монитор и валялась, тесня клавиатуру, стопка не слишком новых книг. Таня хотела уйти, но он развернулся к двери и улыбнулся. Улыбка получилась такой, что Таня сразу прошла в комнату, старательно давя в себе ожидание беды.

— Что случилось? — спросила она сдержанно.

— Ничего не случилось. Все закономерно, как должно быть. — Сергей уже не улыбался, а сосредоточенно рассматривал свои худые колени под поношенными брюками. — Вчера я еле-еле взял интеграл, паршивый интеграл для контрольной

второго курса. Я его два часа брал! А сегодня понял, что функции Грина не помню! Я Фихтенгольца читал как первый раз в жизни! Все. Конец последнему заработку и... вообще.

Ну что же, подумала Татьяна, не так уж много мы зарабатывали на контрольных, которые Сергей решал для бездарных студентов-заочников, стремившихся получить корочки любой ценой. С тех пор как он начал выглядеть слишком несолидно для репетитора, все его заработки — чистые слезы. А репетиторством не займешься через подставное лицо. Да проживем мы без этих контрольных... только разве в этом дело?

— Ну что теперь, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Все так все. Мы ведь правда этого ждали и с голоду не померем. Вот лучше покорми меня, а? Я голодная.

— Если я не уйду сейчас, я никогда от тебя не уйду.

Это было что-то новое.

— Глупости какие, — сказала Татьяна, чувствуя, как внутри что-то оборвалось. — Что еще выдумал? Куда собрался?

— Уйти я могу только в приют, — сообщил он, по-прежнему не глядя Тане в глаза.

— Сережка, ты чего... Это у тебя комплексы начались. Ну, так и должно быть, конечно. Но ты же должен это понимать? Ты ведь помнишь, что такое комплексы подростка? А если бы ты заболел нормальной болезнью, ты бы запретил за тобой ухаживать? А если бы я заболела?

— Это не нормальная болезнь.

Оба замолчали, о некоторых вещах лучше не говорить совсем.

— Я скоро стану беспомощным. Так и буду на тебе висеть — малышом, потом грудничком. Как ты будешь со мной справляться? Работу бросишь?

— Не надо, — сказала Таня. — Видно будет, что с тобой делать. Даже если младенца запирают одного дома, это все равно не хуже, чем в приют отдать. В общем, глупости это — загадывать наперед. Пойдем на кухню лучше, я правда есть хочу, как лошадь.

Сергей покачал головой, усмехнулся и встал. Он все еще был выше маленькой Тани, вернее, это она была ниже — не выросла в детстве.

— Пойдем, — сказал он. — Самое плохое, что я уже сам не хочу никуда уходить. Мне страшно уйти из дому, от тебя, понимаешь? Не как глупому подростку, а как маленькому мальчику страшно. Я почти ревел сегодня, когда понял, что не могу читать

свои книжки. Всю жизнь читал их вместо беллетристики, а теперь мне не интересно. А после стал вспоминать, как называется такая психическая регрессия, и не вспомнил. Ведь был же какой-то специальный термин?

— Я тоже не помню, — сказала она. — А большинство людей вообще живут всю жизнь без высшей математики и вовсе не страдают от этого.

На кухне, несмотря на изрядно ободранную мебель, было чисто, уютно по-семейному. Бабушкина кухня, даже полотенца сохранились.

— Я борща наварил. Садись, сейчас быстренько подогрею. А то ведь скоро уже, наверно, и готовить разучусь.

— Подумаешь, что я, еду никогда не варила? Зато сейчас у меня каждый день праздник, оттого что я все хозяйство на тебя скинула. Ты же золотой мужик, Сережка.

Не мужик я уже, подумал он, наливая в тарелку действительно вкусный борщ — не украинский, кубанский, без уксуса и по всем правилам сваренный, как когда-то бабушка варила и его научила, презируя предрассудки о женских и мужских занятиях. Может быть, и золотой, но не мужик, в том-то и дело. И разговор этот, не мужской, пустой, выматывающий, вообще не стоило затевать. Уж если уходить, так просто можно оставить записку, когда Танюха на работу уйдет. Правда регрессия? Или в самом деле все мужчины до старости дети, оттого и заболевают на порядок чаще, чем женщины? Так болтают злые тетки в очередях вопреки всем популярным разъяснениям, всей этой медицинской пропаганде, которую теперь транслируют чаще, чем раньше рекламу, хоть совсем телевизор не включай. Плевать этим теткам на все научные объяснения, а болеют мужчины чаще потому, что в душе дети, вот и подхватывают вирус — на готовенькое. А женщины почти не болеют, особенно имеющие детей — известно, заведя малыша, сама уже ребенком не останется. Чепуха, конечно, просто странный этот вирус почему-то предпочитает молодежь. Ничего, скоро он забудет и слово «регрессия», и про Y-хромосому, и про то, что раньше взрослым был. «Мальчик, тебе сколько лет?» — «Сорок три». И никогда он не уйдет по своей воле в спецприют, и страх перед этим местом совсем не детский. Уходить надо было раньше, когда был еще большим. Хотя бы тогда, когда началась гигиеническая пропаганда, и на всю страну объявили, что жить рядом с инфицированным опасно, пусть они уже тогда понимали, какая это чушь. Но ведь не ушел.

При любой болезни, самой смертельной, все-таки всегда остается надежда. Так устроен человек, что желание жить сидит в нем до последнего мгновения. Но при любой другой болезни человек не знает, сколько еще протянет. А то, что у него — это не болезнь, это программа. Ни одного случая избавления еще не зафиксировано. И Сергей давным-давно высчитал, сколько ему осталось. Дотянет до середины августа, если повезет, и окажется, что ошибся — до начала осени. Тяношку жалко, он-то к тому времени достаточно деградирует, чтобы ничего не понимать, а для нее эти последние недели... Это, конечно, очень не скоро — конец лета, но ведь придет же он? Хотя, если подумать, самому сдаваться необязательно. Бесконечно прятать его Татьяна вряд ли сможет. Они уже несколько квартир сменили, и что дальше? Но все-таки пока его не поймали. И время еще оставалось. И Сергей бросил об этом думать.

Утром он аккуратно переписал последние сделанные контрольные. Ну и все на этом, видно. Конечно, он может как-то продолжать этим заниматься, но чем так... Сергей полистал «Квантовую теорию поля». Подумал и отложил «Шахматные этюды». Собрал и засунул подальше в стол остальные книги, за которые он цеплялся, как за остаток жизни. Вот так, подумал он, рассматривая компьютер на чистом столе. Кому нужен комп без Интернета? Что с ним делать, в «Цивилизацию» играть? И так уже доигрались. Что теперь от нашей цивилизации останется?

Про шахматы Сергей читать не смог. Давно ли мечтал о досуге, о возможности спокойно почитать и вообще заняться чем хочется? Оказывается, эта возможность ничего не стоит, если знаешь, что это уже навсегда. А еще не понимал раньше, отчего люди теряют вкус к жизни, выходя на пенсию. Он ведь даже в школу ходить не может, все бессмысленно. Сергей походил по комнате, остановился у окна. Он стоял минут десять, дольше не выдержал. Так тоже нельзя. Надо хоть как-то жить, чем-то заниматься. Сходить на рынок, как вчера собирался? Подходящее занятие для мужчины, подумал он, сердито одеваясь.

Солнце брызнуло в глаза так, что Сергей остановился, разбежалось по сосулькам, по льдинкам. Солнце и мартовское небо, и воробьи, и тополиные ветки — коричневые на синем. И запах талой воды, чистый, как за городом, без всяких выхлопных газов. Возле подъезда на солнышке сидела черная кошка, будто плюшевая, тоже шурилась. В грязный снег была вдавлена апельсиновая кожура, похожая на оранжевый отпечаток тигриной лапы. Летящие с навеса капли промыли в плотном снегу у крыльца

крошечные прозрачные озера, тоже полные солнца, и каждая капля поднимала в озере бурю. А если намочить сапоги даже в грязной луже, резина становится на вид очень чистой и новой. Сапожки были хорошие, с утеплением, вода в луже не казалась ледяной. Холодила ноги, пыталась стиснуть податливую тонкую резину, если зайдешь глубоко, — как когда-то давно. И машин во дворах почти не было, не то что еще совсем недавно... или тоже давно?

Сергей помахал пакетом, свернул его и сунул в карман. Успеет он купить продуктов.

Коридор поликлиники был по традиции полутемным. У сидок и соседей по очереди, сидящих рядом, был одинаково унылый вид. Неужели у нее такой же? От страха? От медицинской казенной тоскливости помещения? Господи, как же это все надоело. Раньше ей казалось, что некоторые люди получают особое извращенное удовольствие от хождения по врачам. Вот сейчас вряд ли кому-то нравится.

Татьяна и в прежние времена терпеть не могла больниц. Может быть, у человека идиосинкразия? А теперь — и говорить не надо. Отвратительно это все: ожидание числа, когда надо прийти на анализ (явка обязательна), долгое сидение в очереди, ожидание укола в вену и потом почти неделю ждешь результата, хотя теоретически достаточно суток — за сутки у нас делают только анализы, которые можно сделать за минуту. И хуже всего новая очередьница, когда приходишь узнать результат (население города сокращается, а очереди почему-то растут).

Очередь еле двигалась. Отчего, чтобы просто узнать результат, надо ждать так долго? Конечно, надо каждому сделать в сертификате пометку о посещении, думала Таня, чувствуя, что ее понемногу начинает трясти. А если вдруг положительный результат реакции, что тогда? Обязательная госпитализация, явиться туда-то... Наверно, сразу отберут паспорт, не зря же являться сюда предложено с паспортом. А вдруг ее уже не отпустят, что будет с Сережкой? Зачем она вообще так послушно сюда ходит? Нет, глупости, никто ее сразу не задержит. Хотя, если сейчас отберут документы, куда она денется? А без очередной пометки в сертификате тоже никуда, сейчас тщательно смотрят...

— Женщина, ваша очередь, заходите, — соседка по диванчику смотрела на нее выжидательно и удивленно. — Из-за таких, как вы, и сидим тут часами.



Таня, не реагируя на грубость, пересилила сомнения и толкнула белую дверь.

— Ваш паспорт, — равнодушно сказала медсестра, являя на все усталые глаза. Лицо ниже глаз закрыто голубым марлевым намордником, а выше глаз — зеленой шапочкой.

Татьяна подала паспорт и сертификат. Настойчиво не отпустившая ее мысль о том, что, может, все-таки не надо сюда ходить, отвлекла ее, помогла пережить скверную минуту и унизительный страх, пока медсестра безразлично разыскивала ее карточку. Полистав страницы, та хмуро изучила приклеенные листочки и, ни слова не говоря, притянула к себе сертификат. Заполнила, вклеила талончик — бумага с водяными знаками и голограммой, не какой-то клочок, который можно подделать на любом принтере. Все. Свободна. Хотя чувство освобождения после нескольких ужасных минут не настоящее, потому что отсрочка ненадолго, всего недели на три, потом снова сюда на анализ. Просто гадость. Этот страх у нее не притуплялся. И все-таки, когда вырываешься из этих дверей на свежий ветер, к шуму машин и голосам свободных, как и ты, людей, отчетливо понимаешь, что живешь.

Сергей полдня самозабвенно пинал мяч во дворе с мальчишками, радуясь движению и своему желанию двигаться. Вчера он успел подраться с Валеркой из своего подъезда. Узнай об этом Татьяна, у нее бы нашлось, что сказать. Зато у Сережки моментально исчезло желание заниматься самокопанием, так Валерий ему врезал, и все встало на свои места. Сегодня Сергей снисходительно помирился с Валеркой.

Полный солнечного простора день еще не начал походить на вечер, когда один из мальчишек толкнул его:

— Твоя мама идет.

Из проема арки Таня вышла на большой, почти пустой двор — только две старушки у дальнего подъезда и трое мальчишек носились по серой от мокрого песка площадке, окруженной раскисшей травой. Она смотрела, как, просияв, бежит к ней Сергей, — так бежал бы настоящий сын, которого у нее никогда не было. Подбежал, остановился — мальчик с мягким по-детски лицом с размазанным шлепком грязи на щеке, родной, до боли похожий на единственного Сережку, с которым она познакомилась всего два года назад. Сергей встал перед ней, виновато улыбнулся:

— Ой, Тань, я даже хлеба не купил.

Вдвоем с Татьяной они пошли в магазин, а потом домой. Впереди был хороший светлый вечер вдвоем, и много чудесных весенних дней, и целое бесконечное ленивое лето.

На лестничной площадке им встретилась соседка, поздоровалась, а сама кинула острый, по-женски цепкий взгляд на Сергея, на его ставшую уже длинноватой курточку. Сергей улыбнулся ей в ответ беззаботно, даже вызывающе, а Тане вдруг стало страшно. По-настоящему. Не так, как раньше.

Когда Сергей заболел, все это еще не было признано эпидемией, тогда люди еще могли радоваться тому, что начали выглядеть и чувствовать себя моложе, — но недолго. Уже через несколько недель стало известно, что процесс омоложения неконтролируемый, была тревога — да что же это за оживший бред? И что дальше? Но была еще и тревога о том, что ее мужчина молодеет, а она остается, как была, не очень молодой уже женщиной. А еще несколько месяцев спустя власть взял военно-медицинский комплекс, и было, наконец, официально объявлено, что это эпидемия и какой природы вирус. Новое правительство ничего не скрывало от населения, в прямом, с какой вещали о возможных перспективах с телеэкранов, тоже было что-то омерзительное. Вот тогда стало общеизвестно, что омоложение не останавливается при достижении организмом точки максимального расцвета, в каком бы возрасте ни был этот максимальный расцвет — ни в двадцать пять, ни в пятнадцать, ни в тринадцать лет. Омоложение превращается в свертывание, когда человек уменьшается в росте, превращается в малыша, потом в младенца и наконец засыпает и не просыпается, став уже почти эмбрионом, нежизнеспособным без тела матери. И весь этот процесс обратного развития занимает не годы — месяцы. Несмотря на быстрое течение болезни, многие пожилые люди с удовольствием бы ее подцепили, чтобы прожить еще одну жизнь наоборот, только пожилым как раз это редко удавалось — что-то говорили о том, как генная структура с возрастом стирается, становится менее четкой. Сораклетные болели редко. А Сергей вот заболел.

И вот тогда, когда стало ясно, что жить Сережке осталось несколько месяцев, это было, конечно, страшно. Хотя, казалось бы, все уже случилось, и они вроде бы были готовы к такому исходу. Еще была последняя разрешенная жалость к себе — по-женски бестолковое сожаление не о чем-то настоящем, а о несостоявшемся свадебном платье. И решение продержаться, чтобы Сергей прожил, несмотря ни на что прожил эту вторую жизнь, в которой время, как говорили, тоже течет для маленьких медленнее,

чем для больших — субъективно долгую хорошую жизнь. И надежда была, как же без этого. Ведь несколько месяцев — не так уж мало, и мало ли, что еще произойдет? А пока бьется надежда в каждом толчке крови, живет и страх. И страх жил, тихий, притворявшийся тоской, он был сильнее желания просто жить, сколько они смогут, и не думать о неизбежном времени, когда она останется одна. Разве это не вся наша жизнь — надеяться, не думать о неизбежном и радоваться тому, что есть.

Сейчас, будто было мало изматывающей безнадежности, страх опять выбрался и ударил. Почему мы не можем просто жить?

Они с Сергеем вдвоем готовили ужин, а Танюшка потихоньку размышляла о том, что долго оставаться на этой квартире нельзя, а переезжать им уже некуда. Из своей квартиры к ней Сергей переехал вскоре после того, как у него выявили вирус, — тогда еще было можно бросить работу и ускользнуть из-под внимания врачей, сейчас — поди попробуй. Сначала они жили у Тани, потом по очереди у Таниных подруг, а это был их последний оплот, квартирка, оставшаяся от бабушки Сергея. Год назад эту квартиру сдавали, а сейчас кто станет снимать жилье, когда столько квартир пустует и они все дешевеют. Легко купить квартиру, но денег не хватит, а свою ведь ни за что не продать.

После ужина Сережка читал «Гарри Поттера» — неделю назад он еще стеснялся, скрывал, что читает детскую книжку, а сегодня просто читал запоем, даже телевизор не смотрел. А Танюшка смотрела. Двухлетней давности сериал постоянно прерывался короткими наставлениями о том, как не подцепить вирус — нечто среднее между «Дети, мойте руки перед едой» и лекциями по гражданской обороне семидесятых годов. Она подшивала, укорачивала Сережкины джинсы, а сама мирно слушала привычно успокаивающую болтовню. И вдруг — толчок крови в ушах.

— Сережка...

Вид у него был такой беззаботный, что теребить его казалось свинством. Но нельзя же...

— Сергей, слушай.

— ...вводится комендантский час. Работающим в вечернюю и ночную смены будут выданы специальные удостоверения. Вводятся удостоверения для школьников, в течение пяти дней в поликлинике по месту жительства на каждого ребенка должен быть получен медицинский сертификат. До получения сертификата дети не должны появляться на улице без сопровождения взрослых под угрозой административной ответственности.

Детям, рост которых не превышает метр тридцать сантиметров, в любом случае запрещено появляться на улице одним, без взрослых. Будут задерживаться граждане без накомарников, а также осуществляться проверки наличия средств борьбы с насекомыми...

— Сергей, это значит — будут патрули.

— Будут, — согласился он довольно беспечно, но все-таки отложил «Гарри Поттера» и внимательно слушал, что еще хорошего им пообещают. Дождался, пока сообщение повторят еще раз, а потом сообщил:

— Сегодня врачи по квартирам ходили, наверно, с проверкой. Я дверь не открыл, будто дома никого.

— Откуда ты знаешь, что врачи? — сказала она, чувствуя, как неприятно сжимается желудок.

— Ну если в халатах. Я в окно подсмотрел. Должно быть, из детской консультации.

— Может, санэпидемстанция, сетки на окнах проверяли?

— Может быть, — согласился он с видом человека, не желающего спорить с женщиной, и потянул к себе книжку.

Черт! Она-то надеялась, что все ее тревоги — просто расшалившиеся от очередного медосмотра нервы. Надо уезжать, куда угодно, завтра же. На работе не отпустят? Значит, придется все бросить и сбежать. Ну, что ли, в Курьинск, к Ленке. Раньше ей казалось, что в большом городе легче и спрятаться, и выжить, — хотя и заразиться, может быть, легче. С другой стороны, если основные переносчики заразы, как утверждают, комары, — комаров и в маленьких городах не меньше. Теперь все равно, уедем в Курьинск. Если не поздно.

— Давай уедем! — обрадовался Сергей, бросив размазывать остатки каши по тарелке. Они пили утренний чай. — А давай на юг, а? Будешь жить в теплом климате, как человек! Туда, где насекомых немного. На Украину... Ой, нет, не за границу, конечно. На Кубань. Раз такие дела, все равно ведь, куда переселяться. Город пустеет понемножку, не все же в санаториях? Просто разбежались.

— Ну да, и все на Украину, на Кубань. Если кого там еще не хватает, так это нас с тобой.

— А что такого, чего ты боишься? Там, наверно, тоже квартиры освобождаются. Или дома в станицах. Устроимся, огород разведем...

— Корову. Фантазер ты, Сережка. Поедем мы для начала к Ленке, в Курьинск.

— К Ленке так к Ленке. Только ты зря боишься. Сейчас самое время смыться, куда хочется.

Конечно, она боится кинуться в неизвестность, а сестра всегда поддержит. Сережка и в сорок лет был бесшабашным. Вон как смотрит, а в глазах уже светятся отблески приключений и мелькают все дороги мира.

— Ты лучше не вздумай из дому выходить.

— Что я, не понимаю, — сказал он пренебрежительно.

Понимает, конечно, но...

— Узнаю, что не слушаешься, уши надеру, — сообщила Таня. Сергей захохотал. Уже не юноша и даже не подросток — мальчик лет десяти-одиннадцати. Мальчик и мальчик, сколько ни рассматривай — ни уродства, ни неправильности.

— Сережка, я серьезно. И в магазин не ходи, я сама!

— Ладно, ладно.

Он все еще улыбался, запирая за ней дверь.

— Нужна открепительная справка предприятия, — сказала девушка в окне кассы автовокзала.

— Какого еще предприятия?

— Вы безработная? Тогда справка с биржи труда.

Вот не знала, что начались репрессии на безработных! Так скоро и общую мобилизацию объявят. Вот всегда так: где-то, наверно, поднимается в цене рабочая сила, растут зарплаты. Если удастся остановить эпидемию, то отсутствие перенаселения сумеют использовать во благо. А у нас? Медицинская диктатура и гниющие склады продуктов.

— Я не безработная, просто не знала, что сертификата уже недостаточно.

— Девушка, ну как же! Вы теперь просто так из города не выберетесь. Разве что в командировку, по направлению. А второй билет для кого? На школьника тоже нужны все документы и справка из школы...

Ах вот так?

Не выпускают из города? Сиди на месте и дожидайся смерти?

Татьяну, по природе мирную и законопослушную, охватила холодная ярость. Не выехать из города? Чушь какая! Мы уйдем пешком, кто нас удержит. Не может быть оцеплен весь город и не может контролироваться каждый ничтожный населенный пункт. Будут проверки на дорогах? Мы просто пойдем лесом. Главное, выбраться из города, там разберемся.



Татьяна не вернулась на работу, где предупредила, что задержится, возвращаясь с перерыва на обед. Ею вдруг овладело лихорадочное, почти праздничное оживление. Сырая теплая погода, шиповница ужесточения режима, уже не раздражала, а радовала, как долгожданное время возрождения жизни. Стало даже весело, как будто она заразилась от Сережки легкомыслием. А если привада заразилась, и не только легкомыслием? Ведь сколько бы ни валили на комаров, никто толком не знает, как он передается. Она поразмыслила минутку и с удивлением отметила, что ей не страшно. Страшно только, если это выявят. Скрыться — и никаких больше анализов. Дожидаясь трамвая, она уже разработала план действий. Надо купить продуктов и еще, что там еще нужно? Палатку? Сергей знает в точности, он бывалый турист. В отличие от нее, хм. Но Сережка будет в восторге. Хорошо, что уже не зима. Если достать пуховые спальные, они смогут даже поселиться в лесу. А вдруг снаряжение уже тоже не продают? Черт с ними, обойдемся, что-нибудь придумаем. Главное — взять все деньги и выбраться из города.

Этой легкой беззаботности ей хватило до самого дома, на всю длинную дорогу — от долгого ожидания трамвая и до последних пяти кварталов, которые теперь приходилось проходить пешком.

Сережа, вымыв посуду и поиграв часик, не знал, чем заняться. Привычно потянуло на улицу. Он подошел к окну — во дворе пусто, все по домам сидят. Ладно, будем и мы сидеть. Обидно все же, что он сел Татьяне на шею. А вчера и вовсе заигрался, как мальчишка, даже еду не приготовил, а Татьяна в своей конторе пашет весь день. И вкусенького хочется. Сергей пошел на кухню и обнаружил, что продуктов там кот наплакал. Всего неделю назад он так удачно всего накупил в магазине, который собрались закрывать, и снова в холодильнике пусто. Это сколько же человек ест, подумать страшно. Пройтись бы до супермаркета — его-то пока точно не закрыли. Подумаешь, постановление, когда у нас что-то сразу делается? Вчера все гуляли, что изменилось-то за несколько часов?

На лестнице встретился Валерка.

— Серый, привет. Ты что, гулять? А мне отец наговорил... Сказал, придет с работы, в школу проводит. Слышал, будут больших вылавливать? Я думал, каникулы продлят. А ты что, тоже во вторую?

— Естественно, — буркнул Сергей, лихорадочно соображая, отчего не учились на прошлой неделе? Ах да, каникулы же. Кончились, стало быть.

— А в какой ты школе? — не отставал Валерка и посмотрел, кажется, с подозрением.

— В сто четвертой. А ты-то куда?

— Никуда. Слышу, твоя дверь хлопнула, скучища. А ты?

— В магазин.

Сергей независимо улыбнулся, прошел мимо, выскочил на улицу. И порадовался, что до магазина идти не близко, хотя погода была серая, почти мокрая. Зато как тепло! Начало апреля, а теплынь. И славно пахнет проснувшейся землей. Он представил, как весенний ветер пополам с железнодорожными запахами влетает в окно вагона, как плещет минералка в стакане в такт ритму пути. Вдруг они правда завтра уедут? Снова набежала каникулярная легкость, когда время принадлежит тебе и день впереди, все угрызения совести забылись, будто их не было. Он же в самом деле не виноват. Сейчас он купит продуктов, вернется домой, почитает. Сергей от души пнул банку из-под пива, целясь в щит с милым изображением исполинского комарика (не попал). Остановился поглазеть у киоска. И почувствовал большую руку на плече.

— Мальчик, ты почему один? Где ты живешь?

Кровь на секунду ударила в голову, заложила уши ватным звоном. Его держал за рукав немолодой уже дядька. Одежда обычная, ни формы, ни белого халата.

— Что вам нужно?

— Нельзя одному гулять. Пойдем...

Вырваться и бегом... Сергей резко присел, но держали его умело. Резануло ощущение беспомощности. Забыл уже, каково это, когда ты маленький? Злость разогнала остатки оцепенения, но руки, державшие его, были в несколько раз сильнее. Не вырваться, даже толком не дотянуться до физиономии. Он со всей силы пнул врага в коленку, рванулся в сторону. Вырвешься из такой лапы, как же... Сергей снова дернулся, уходя от удара по лицу, но безжалостную руку перехватила другая. А его держали все так же цепко.

— Прекрати, Павел!

— Пинается, соплик!

— Сказал, перестань. Пошли, пацан.

Теперь Сергея держали сразу двое.

— Пустите! Что я вам сделал? — закричал Сергей. Не надо притворяться маленьким мальчиком, когда ты и есть мальчик.

— Разберутся, не переживай. Родителям твоим сообщат.

Его втокнули в стоящий за углом белый микроавтобус с жирной полосой и красным крестом. Здесь, кроме водителя, впереди были оставлены еще два кресла. Задняя часть машины была отгорожена прозрачной перегородкой, сиденья и лежанки оттуда убраны. Вдоль стен шли жесткие детские скамейки, на которых съезжились мальчишка и девчонка. Сергей дернул плечом, сбросил наконец чужую руку, шагнул в узкое пространство. Если бы не хлопал ушами, как осел, можно было раньше заметить... Хлестнула такая жгучая досада на свою глупость, на детское легкомыслие, что Сергей с размаху двинул пяткой по стеклу — то хоть бы дзенькнуло. Аварийные выходы и выдергивающиеся шнуры здесь не предусматривались. Оглянулся на закрывшуюся за ним дверь — на него даже не смотрели. Справились, сволочи, вдвоем с одним мальчишкой. Машина дернулась вперед, Сережа, чтоб не упасть, с ненавистью присел на неудобную скамейку. Сквозь закрашенные стекла злость и тупое удивление — как же так, только что был свободен. И обида, недоумение — почему я? И домой, к Танюшке, хотелось ужасно. Но уже обрушилось, как удар подушкой, понимание, что остаток жизни он проведет в заключении, в приюте со специальным медицинским режимом. Он живо представил картинку, которую последние месяцы старательно отгонял: спальню, тесно набитую угорями кроватями, — и уж оттуда-то его не выпустят, можно не волноваться; глумление санитаров, ежедневные обязательные никому не помогающие процедуры. Хуже психушки. Уж лучше бы тюрьма, чем больница. Никогда не вернется, не увидит больше Татьяну. Даже не попрощался. Не дожил, не доиграл, не дочитал «Гарри Поттера»... Разве что Тане еще разрешат к нему приехать. Не может же она его бросить.

Сохранившейся частью взрослого сознания Сергей не верил, что они с Таней еще увидятся.

— Паскудная работенка, — сказал один патрульный другому. — Уйду я, Павлик, к черту.

— Куда ты уйдешь? Кто тебя отпустит? Разве что в труповозы.

— Лучше в труповозы, чем детей ловить.

— Да ничего с ними не будет. Отпустят. Ну, подумаешь, анализ сделают. Ну, родители ремня дадут, когда штраф заплатят. Родители сами виноваты, было же предупреждение.

— А те, которых не отпустят?

— Те — не дети. Брось, Толька. Сдадим эту партию — и конец нашей смены, потерпи.

— Не дети? Да ты смотрел когда-нибудь им в глаза?

Говоря это, он сам пристально смотрел в глаза Павлику, потом отвернулся и стал смотреть в окно прямо сквозь зеленую занавесочку. Машину трясло на ходу.

— Я бы того, кто додумался внедрить плазмиды в вирус... не прикончить, и не заразить, нет. Назначить бы его на нашу должность, вот что. До конца его дней.

— Может, это и не злой умысел был, мы же не знаем. Это же все, в общем, закономерно. Когда пытаются нарушить законы природы, рано или поздно за это получают. Захотели вечной молодости — получите свою молодость. Заменяли ген старения — вот вам пандемия. Вот и все шуточки с господом богом. Он и сам известный шутник.

Несколько минут они молчали. Анатолий по-прежнему смотрел в окно.

— Что поделаешь, — сказал Павел. — Жестоко, но необходимо. Пожалеешь одного — пострадают сотни.

— Конечно. Статистика. У нас всегда статистика. Люди — дело десятое.

— Что ты болтаешь. Разве можно не изолировать чумных, — вмешался шофер. — Даже в средние века и то какие-то меры принимали.

— Если комары переносят вирус, много ли толку людей изолировать?

— Много. Да и только ли комары? Если бы ты был уверен, затычки бы в нос не вставлял.

Анатолий некрасиво усмехнулся и схватился за нос, выковыривая биофильтры.

— Подумаешь, затычки, — сказал шофер. — Самоуспокоение, и то дутое. Рот же не закрываем.

— Дурак, — сказал Павел. — Ладно, перестань. Хлебнешь, пройдет.

— А есть?

Павел самодовольно хлопнул себя по груди, за отворотом куртки булькнуло.

— Дай сейчас.

— Да ты что! Унюхают... Говорю, потерпи. Что на тебя нашло! Детишки как детишки, много ли больных? А родителям полезно шлепка дать, чтоб знали, как детей выпускать без надзора. Скоро вообще гулять запретят. Лето на носу, клещи, комарики.

Пилое самое время. Как весна в этом году рано, уже и снега совсем нет. И комарики-то мутируют, никакие репелленты им не писаны.

— Откуда ты знаешь, что это просто детишки? Как же, помню твой критерий: если орет «полундра» или «оборзели», то наш ровесник. А если «фиолетово» и не знает про дедушку Ленина, нормальный ребенок. Ага, и еще читать не умеет. А сам-то ты как орешь? А если у него поворотный возраст двадцать пять? Или если он просто молчит?

Анатолий повернулся, чтобы взглянуть на детей. Маленький мальчик смотрел на него с наивной смесью доверчивости и страха. Девочка не смотрела ни на кого, размазывала слезы грязным рукавом куртки. Мальчик, которого взяли последним, сидел, вытянув ноги и привалившись к стенке, полуопустив веки. Почувствовав взгляд из-за прозрачной перегородки, он слегка повернул голову и встретился с Анатолием глазами.

Они как раз остановились у перекрестка. Анатолий вдруг подскочил, распахивая дверь во временную камеру, затем дверцу на улицу. Он обхватил оцепеневшего Павла и заорал детям:

— Не спите!

И мальчик метнулся к выходу.

— Шустрый парнишка, — говорил Павел. — Побегали. А ты бы хоть соображал. Как они отсюда стали бы домой добираться?

— Идиот, — буркнул Толя. Скованный слишком тесной для него, рассчитанной на подростка смиренной рубашкой из специального снаряжения, он был вдобавок пристегнут к креслу ремнем.

— Вколи ты ему тоже успокоительное, — посоветовал шофер.

— Не надо, — попросил Павел. — Сам же знаешь, у него брат недавно... Подведем к территории, Толь, я тебя развяжу, только ты... смотри... А?

— Зачем? — жестко сказал водитель. — Раз психоз, уберут с этой работы, как он и хотел.

— А чего вы, собственно, хотите?

И это после того, как она два дня ходила по инстанциям, чтобы добраться до управления профилактики распространения? Мило. После двух дней встречного недоумения, унижений, всевозможных угроз за укрывание больного, лишнего, не в срок, обследования на вирус — все тот же вопрос.

Тетка была толстая, с допотопной, как монумент давно ушедших времен, прической, и кабинет тоже был монументальный, без модной офисной мебели. Солнце выжигало светлые пятна на полированной поверхности письменных столов.

— Я пришла, чтобы выяснить, куда увезли моего мужа, — холодно сдерживаясь, ответила Таня.

— Мужа или сожителя? — спросила чиновница, листая Татьянин паспорт.

— Сожителя, — Татьяна с ненавистью посмотрела в густо подмазанные глаза.

— А зачем это вам?

— Я бы хотела быть с ним. Работать в приюте. Я ведь фармацевт по образованию, медицинский работник, только по здоровью была демобилизована. Могу быть санитаркой, нянечкой, кем угодно. Или пройду курс медсестер, если надо.

— Какие приюты, девушка, вы что? Да настоящих детей девать некуда. Знаете, сколько сейчас сирот? А этих... Вы не знали? Конечно, это не афишируется, из гуманных соображений. Но все равно скоро будет всем известно...

— Я не знала, — полупрошептом сказала Татьяна. Перед глазами все кружилось. Она переглотнула и сказала:

— Но мой племянник... он же в санатории... или это...

— Ваш племянник еще взрослый? Да, санатории для взрослых существуют. Это не обман. Пока человек может заработать на себя, пока его не надо содержать и обслуживать. Хотя уже было предложение закрыть заразники. А декрет об эвтаназии для достигших детского уровня принят два месяца назад. Да вы сядьте, — велела она Татьяне, которую охватила полуобморочная слабость. — Сядьте. Информация не из легких. Но вы же понимаете, что для вашего мужа все так и так бы скоро кончилось. А вот вы бы еще намучились. Их не мучают долго, все стараются сделать сразу, в день задержания. И не предупреждают, когда делается укол, говорят, что это анализ. Разве что в последний момент догадается. И никакой боли. Не думайте, что он страдал. Просто уснул. Ну, вы же знаете, как это происходит?

Татьяна не знала, но представляла, как: безжизненно-стерильная палата, куда приводят мальчика, кушетка под белой клеенкой, фальшиво-добрая медсестра с уклончивыми глазами. Каталки в коридоре. «Приляг. Не бойся, маленький, дай руку». Вечернее солнце в окне. Свет. Головокружение...

Перед глазами плясал горячий луч почти летнего солнца.

МАЙК ГЕЛПРИН

Динозавр динозавром

Рассказ

Мой дядя, почтенный дракон Клавдиус, огнедышащий, одноглавый, чешуйчатый, издох аккурат на Масленицу. Мы в ПИДРАК'е об этом уже на следующее утро узнали — у драконов с распространением информации полный ажур. Ах, да, ПИДРАК — это где мы живём. Питомник Драконий, если кто не понял по слабоумию.

Короче, только рассвет занялся, прилетает в ПИДРАК драко-нишка, облезлый такой, доходной, да к тому же двуглавый. Мы таких и за драконов не держим — у них левая башка не ведает, что творит правая. О трехглавых я вообще не говорю — полные олигофрены. Вот взять хотя бы Змея, сына Горына-недоумка. Тот ещё тормоз был — неуправляемый отморозок и охальник. Говорил ему старый Огнеплюй — совесть включи, подколотный, а то, неровен час, доиграешься, не своей смертью помрёшь. Как в воду глядел. Срубил Добрыня, сын человеческий, Змею все три башки, не поморщился.

Извините, отвлёкся. Приземлился, значит, мутантик этот двухкочанный прямо по центру Драконьей Поляны, пламенем синим из четырёх ноздрей отдышался да как заорёт:

— Выходи, кто живой есть, сей же миг дело особой важности слушать.

Ну, все, само собой, из пещер на поляну разом повысыпали, чуть пожар не сотворили. Молодняка драконьего, к делу не приспособленного, в ПИДРАК'е совсем невпроворот стало, скоро пещер

на всех не хватит, на деревьях спать придётся. Короче, визитёр наш левой тыквой покивал, правой рыгнул и спрашивает:

— Кто здесь есть молодой Амелетус, племянник достопочтенного Клавдиуса?

Что ж, протиснулся я сквозь толпу сородичей вперёд.

— Я, — говорю, — Амелетус, Клавдиусого покойного брата сынок единственный.

Тут двуглавый обе бестолковки понурил и говорит — то ли правой, то ли левой, непонятно:

— Сочувствую тебе, Амелетус. Дядюшка твой, славный дракон Клавдиус, огнедышащий, одноглавый, чешуйчатый, владыка гор Карпатских и земель Гуцульских, на восемьсот сорок четыре года жизни в цвете лет перепонки откинул. Я, Двурыл младший, компаньон нотариальной конторы «Большой Двурыл и малый», был доверенным лицом достопочтенного Клавдиуса на протяжении последних пятисот лет. И вот я здесь, Амелетус, для того, чтобы ознакомить тебя с завещанием и помочь вступить в права наследования.

Я от радости аж подпрыгнул и круга три над поляной нарезал — еле удержался, чтобы петлю Нестерова в воздухе не заложить. Это какое же счастье при жизни выпало, а я уж думал, так и издохну в ПИДРАК'е, пока старый хрен в Карпатских горах жизнью наслаждается. Ну да ладно, опускаюсь, значит, на землю, скорбное выражение на морду цепляю и говорю:

— Нет предела несчастью моему. В великом горе своём ставлю всем перцовой огнедышащей. — Ну, тут братия питомническая крыльями от радости захлопала, а я тихо так продолжаю: — Ты завещание зачитывать будешь, уважаемый Двурыл, или душу из меня будешь тянуть?

— Конечно, разумеется, — крючкотвор этот засуетился, бумагу в виньетках да печатях из складок гребня выудил, огоньком откашлялся да и давай гнусаить то обеими башками, то попеременно: — Я, Клавдиус, находясь в здравом уме и при памяти, завещаю любимому, — тут я саркастически хмыкнул, — племяннику своему Амелетусу, единственному моему наследнику, нижеследующее. Пещеру восьмикоматную неприступную обустроенную со всем содержимым, включая сокровища (опись прилагается). Власть над деревеньками (список прилагается) и людишками, в них проживающими. Стадо скота поголовьем (расчёт поголовья прилагается), пастбища и уголья общей площадью (карта с размерами прилагается). И девицу Ямину (фотографии фас и профиль прилагаются) в возрасте восемнадцати лет, биологически

единственную, взятую от людей в качестве доли драконьей ежегодной в ночь перед Рождеством, согласно договору.

В общем, пока я к новому месту жительства летел, никак у меня этот последний пункт из головы не шёл. Нет, я всё понимаю, раз есть дракон, то без девицы хрен обойдётся. Они, девицы эти, на нас, как родовое проклятье, висят. Царевны, мать их, цариц, за ногу, принцессы всякие, Елены Прекрасные, Забавы Путяничны... Проку с них никакого, а мороки и неприятностей — выше крыши. Вот к чему, например, мне эта самая Ясмينا?

Ну, хорошо — я урод. Весь в чешуе, как рыба лещ, жопа ноперёк себя шире, рожа безобразная, зубастая. Дыхание такое, что никакие правила пожарной безопасности при случае не помогут. Ну, и прочее: когти там, хвост дурацкий, перепонки... А девицы — они вовсе наоборот. Ни тебе хвоста, ни чешуи — зато морда по лучшим канонам, и в придачу — сиськи. Но вот скажите на милость, на фига мне эти сиськи? Я что, дояр, что ли, которого хлебом не корми, дай за них подёргать? Да и морда у неё, надо сказать. Ну да, ну да — прилично-симпатично, и вообще очень мило и приятно. Только вот посмотришь на неё — и сразу свою вспомнишь. Так сказать, по контрасту.

Короче, целый день летел, крыльями, как дурная ворона, махал, всё об этой Ясмине думал да переживал сильно. К вечеру зазевался, чуть пассажирский самолёт не сбил. В общем, долго ли, коротко — к полуночи таки прибыл. На пещеру аж четыре раза заходил, нет, ну что стоило старому ослу какую-никакую посадочную площадку перед жилищем оборудовать? Я, пока на тот пятачок с гулькин хрен, что перед входом, угодил, трижды со всей дури об гору шмякался, всю жопу себе отбил. Нет, я понимаю, неприступность, то-сё, драконоборцев развелось как собак нерезаных, и нечего для них перед драконьим убежищем плацдармы строить. Так-то оно так, но с непривычки всё равно противно.

Зато внутри пещера хороша оказалась, ох, хороша. Просторная, прохладная, на стенах картины, ковры, огнетушители. А уж библиотека — я как увидел, сразу старой сволочи простил то, что он на двести лет раньше не загнулся. Это тебе не в ПИДРАК'овской публичке два месяца в очереди за «Графом Монте-Кристо» стоять. Я пока вдоль полок ходил, даже о неприятностях забыл, о том, что где-то тут девица прячется. И Ремарк мой тут любимый

оказался, в восьми томах, и Набоков, и Хемингуэй, и Мураками Фантастики одной три стеллажа, и на отдельной полке — про ших подборочка. Даже Логинов, «Классификация драконов», это ит — бред, конечно, изумительный.

А вот сокровищница меня разочаровала. Три комнаты сумдуками да мешками от пола до потолка заставлены. Нет чтобы бильiardную соорудить или тренажёры поставить, сауну, на худой, извините, конец. Ладно, лапы дойдут — я тут устрою генеральную перестановку. В общем, пока пещеру вдоль да поперёк облазил, снаружи рассвело уже. Наконец, и до последней комнаты добрался, с плакатиком «Не влезай — убьёт!» на дверях. А дядюшка-то, похоже, шутником был.

— Ладно, — говорю, — красавица, вылезай давай, знакомиться будем.

Да, нечего говорить, хороша девица. На обложках книжных как раз таких и малюют. В лапах у дракона. Красавица и чудовище, типа. Ну, и само собой, конечно, сиськи. И дрожит вся от страха — это уж как положено.

— Здравствуйте, — говорит, — господин дракон. Ясмина я, усопшего господина дракона законная доля.

— Здорово, — отвечаю, — Ясмина. Ты бояться-то меня брось. Я не прекрасен, может быть, наружно, зато душой... Впрочем, неважно. А вот объясни-ка мне, что ты за доля такая?

— А то вы не знаете, господин дракон. Тот дракон уже пятьсот лет как подписан. Каждый год в ночь перед Рождеством самую красивую девушку местные жители дракону отдают. За то, что они им жить в своих владениях позволяют.

— Понятно, — говорю. — Что ничего не понятно. А предыдущие куда деваются?

— Какие предыдущие, господин дракон?

— Ну, которых в прошлые годы по тому же закону сюда закинули.

— А разве вы не знаете?

— Слушай, — говорю, — красна девица. Я сюда целый день летел — так намахался, что крылья отваливаются. Потом ещё приземлился пару раз неудачно. Я помираю, спать хочу, а ты тут со мной в недоговорки играть затеяла. Анекдот про недоговорки знаешь? Ну, типа возьмите мой хвост двумя рэ. Ни хрена-то ты не знаешь. Ну, так что с теми, что до тебя были, случилось?

— В храме они, — Ясмина отвечает, — послушницами. Там всю жизнь и проводят за грехи свои.

— Это за какие такие грехи? — спрашиваю.

Тут девица потупилась да покраснела — совсем пунцовая стала.

— Господин дракон ведь только непорочных берёт, — говорит. — А потом, когда отпускает...

Тут до меня дошло, и такой смех меня разобрал, что брюхо чуть не треснуло.

— Ой, — говорю, а сам давлюсь аж и лапами размахиваю, чтобы не свалиться. — Мать моя, дракониха. Чтоб я так жил, давно так не веселился. Слушай, дитя человеческое, ты, никак, грамотная?

— Грамотная я, господин дракон. Читать-писать обучена.

— Ну так пойдём, — говорю, — я тебе кое-что покажу.

Отвёл я её в библиотеку, покопался там на полках, книги нужные с них снял и говорю:

— Значит, так. Я сейчас пойду отключусь. А ты будешь читать. Осилишь вот эти две книги. Сначала «Секс в жизни женщины» прочтёшь, поняла? Картинки изучить не забудь. Потом Брема «Жизнь животных», раздел рептилии, уяснила? А когда обе освоишь, придёшь и меня разбудишь. И ответишь на такой вопрос — какого чёрта эти дуры делают в монастыре. Всё ясно?

— Ясно, господин дракон.

— Да, и вот ещё что. Тебе бы понравилось, надумай я тебя «госпожой человекой» называть? Ясный хвост — нет. Так вот, меня зовут Амететус. Для друзей просто Амик. Всё на этом, приятного чтения.

Двух дней не прошло, как я глаза продрал. Жрать, извините, охота до кончика хвоста. В ПИДРАК'е с этим порядок — драконья столовка круглосуточно работает. Понимает обслуга, что голодный чешуйчатый натворить способен.

— Ясмина, — ору, — где тебя черти носят?

Выплывает доля моя законная из-под «Не влезай — убьёт!», снова очи долу потупила.

— Здесь, вообще-то, кормят? — спрашиваю. Вежливо так.

— Извините, — непорочная эта отвечает, — господин дракон. Дядюшка ваш покойный, он в питании сильно неприхотлив был. А в последнее время так вообще кушать перестал — похвори.

— Так чем же ты его кормила? — спрашиваю. — И сколько раз тебе повторять, чтобы по имени обращалась.

— Простите, — говорит, — господин Амелетус. И рада бы вам обед приготовить, да вкусов ваших не знаю.

Ох и дура, прости господи. Вкусов драконьих она не знает.

— Ладно, — говорю, — садись на спину, полетели. Пикники у нас с тобой будет. На вон, верёвками прикрутись, а то, неровно час, свалишься, лови тебя потом.

С аппетитом у девицы всё в порядке оказалось. Так что онириходовали мы с ней на двоих барашка на вертеле, и жить легче стало.

— Что ж, — говорю, — давай по новой на спину лезь, полетим, на владения мои поглядим. На людишек посмотреть надо, себя показать...

Да, посмотрели людишек, как же. Только к какой деревеньке подлетаешь, так все хором в лес ломаются, впереди собственного визга.

— Что же это такое! — говорю. — Они чего, дракона никогда живого, что ль, не видели?

— Ох, господин Амелетус, — Ясмина вздыхает, — то дядюшка ваш причиной. Уж больно грозный был, страх на людей наводить любил. То церкву пожгёт, то избу спалит, то корову со двора утащит.

Да, родственничек у меня, похоже, тот ещё был. Впрочем, об издохших либо хорошо, либо никак. Смолчал я, так по всей округе мы вхолостую и пролетали. Ладно, возвращаемся вечером в пещеру, тут уж я расстарался, филигранно сел, прямо как чемпион по парашютному спорту. Ну, ввалились, значит, я свечи по стенам зажгёт, девка из дядюшкиной кладовой бурдюк, соломой оплетённый, притащила, сварил я хороший такой глинтвейн, с Ясминой чокнулся и разговор за жизнь завёл. В общем, совсем дикая девица оказалась, дремучая. Ни кто такой Фридрих Ницше, не знает, ни в чём разница между Моше Даяном и Анваром Садатом, ни даже, кто есть Ходорковский.

— Ладно, — говорю, — придётся твоим образованием заниматься. До Рождества у нас с тобой времени вагон целый, так что в монастыре будешь среди послушниц прямой по части науки и культуры. Ты как в монастырь-то не передумала?

— А что мне делать, господин Амелетус? Нравы у нас здесь испокон веков одни и те же. Девице до замужества полагается быть непорочной. Кто ж меня после вас возьмёт, опозоренную?

— Слушай, мать, — говорю, — ты книжки, что я велел, прочитала?

— Прочла, господин.

— И что, не въехала, что если даже мы с тобой оба на пупах умрёмся, у нас ничего не получится?

— Не знаю, господин.

— Как так не знаешь!? — ахнул я. — Там же всё чёрным по белому написано.

Опять потупилась она, покраснела. Нет, всё-таки люди совершенно не по делу закомлексованы насчёт вполне естественных вещей.

— Дорогая Ясмина, — говорю, — позволь тебе кое-что разъяснить. Драконы не дефлорируют девушек. Во-первых, им это неинтересно. Во-вторых, даже будь им это интересно, у них всё равно ничего бы не получилось. Есть такая наука — называется физиология. Так вот, драконов, милая барышня, интересуют исключительно драконихи.

— А у вас, господин Амелетус, — Ясмина спрашивает, — дракониха есть?

— Нету, — говорю, — пока что. Мне ещё рано, я же совсем молодой, едва за вторую сотню перевалило. А потом — вот взгляни хотя бы на меня. Я ведь натуральный урод, одна морда чего стоит. А теперь представь — драконихи ни капельки не лучше. Такое же отвратительное зрелище. Ну, прикинь, надо мне это? Что ж мне, в любви ей объясняться, а самому рыло в сторону воротить? Я уж как-нибудь ещё лет пятьсот-шестьсот повременю.

А девчонка-то способной оказалась. Ну, до меня ей, конечно, как до Луны, но это и естественно, куда людям до венцов творения — драконов. Но, должен сказать, удивила она меня. Полгода всего-то прошло — освоилась моя законная доля, пообтесалась.

— Ты, Амик, — говорит, — ничего не соображаешь в творчестве Гюго. И вообще, как доходит до романтики, ты типичный динозавр.

— Я, может, — отвечаю, — и динозавр, только со времён твоего Гюго много воды утекло. Сейчас, девочка, в компрачиков никто не верит. Так же, как в квазимодов и эсмеральдов. Нет их сейчас, не существует.

— В драконов тоже никто не верит. Может быть, скажешь, что их тоже не существует?

Да, это она меня красиво уела. Действительно, у кого с естественными способностями не в порядке, умудряются в нас не верить.

— Вера вере рознь, — говорю. — Всему виной косность человеческая. В драконов вы, видите ли, не верите, а в ведьм всяких колдуний, ясновидящих — с дорогой душой.

— Что же по-твоему, Амик, и ведьм не существует?

— Да конечно нет, откуда им взяться.

— Откуда? Наверное, оттуда же, откуда и драконам. Из утробы матери. Так что из того, что ты никогда не видел ведьму, вовсе не следует, что их не существует.

— Ты, можно подумать, видела.

— Видела, и не раз. У нас в деревне на отшибе дом старой Яновны стоит. Она ведьма, милый Амик, настоящая.

— Угу. Ещё скажи — Баба Яга. У неё, небось, по стенам мыши летучие роятся, по полу жабы прыгают, под полом, самособойчик — мыши.

— Так оно и есть, — Ясмينا говорит. — И на чердаке — совы.

— Замечательно. И что твоя Яновна умеет? Тараканий суп варить?

— Она много чего умеет, к ней люди со всей округи ходят. Может порчу навести, а может и наоборот — исцелить от слеза. Может зелье сварить приворотное, а может — на разлуке-траве. А ещё она может...

— Наверное, летать на метле, — говорю. — Что-то я её во время полётов не встречал.

За месяц до Рождества начал я ни с того ни с сего хандрить. Что ни говори, прикипел к девчонке. Несмотря на то, что взяла она моду со мной по любому поводу спорить и всё чаще называть динозавром. А ещё обижаться. Чуть что не по ней — развернётся, подбородок задерёт, и к себе, под плакат с черепом и костями на дверях, а мне туда даже не протиснуться. Да тут ещё такая напасть — спать я плохо стал, сам не пойму с чего. А коль засну, так снятся, стыдно признаться, сиськи. И ещё хрень всякая, будто «Секс в жизни женщины» на ночь читал. Хорошо, наши в ПИДРАК'е не знают, а то бы на смех подняли.

В общем, как неделя до Рождества осталась, сидим мы с Ясминой в библиотеке, я и говорю:

— Знаешь что, давай не буду я тебя обменивать. Привык я к тебе как-то, да и вообще. Ну, и ты, что ты в монастыре этом забыла? В общем, оставайся ещё на год, а? Что скажешь?

— Эх ты, Амик, — Ясмينا отвечает, — динозавр ты динозавром. Не останусь я с тобой. Да и ты — если за долей не придёшь, авторитет у людей потеряешь. И так уже — домов ты не палишь, скот не ворует, люди, когда летишь, в лес прятаться перестали. Гляди, дождёшься — драконоборцы осмелеют, возьмут да подстрелят тебя однажды.

— Я им подстрелю, — говорю, — пусть только попробуют, сучьи дети.

— Они обязательно попробуют. Вон последний раз на телеге с дарами вещей вдвое меньше было, чем месяц назад, а ты и не заметил. А не прилетишь законную долю забирать, вообще дары приносить прекратят. А потом и ружьишки достанут.

— А вот возьму и не полечу за долей. Кто, в конце концов, властелин этих мест! Так что никуда ты не денешься — здесь останешься.

— А ты сам-то хочешь, чтобы я осталась?

— Ну конечно, хочу, — говорю я. — Прикипел я к тебе. И вообще, я думаю... В общем, я стал жалеть, что у драконов с девушками ничего быть не может.

— А ты уверен, что не может, Амик? Помнишь, про ведьму тебе говорила? Про старую Яновну.

— Ну, помню, а при чём здесь она?

— Да притом, — Ясмينا сказала и даже не покраснела, а так, порозовела слегка. — Она не только приворотное зелье умеет. Говорят, она ещё кое-что может.

— Да что кое-что то?

— Да так. Самую малость. Превращать на ночь дракона в человека.

Вам не приходилось читать «Секс в жизни мужчины»? Если нет, обязательно прочитайте — полезнейшая монография.

Мы в пещере втроем теперь живём. Со старухой ведьмой. Это потому, что в человеческом обличье в гору мне никак не залезть, так что приходится ведьму под рукой держать. Та ещё, я вам доложу, старуха — вредная, склочная да сварливая. Клички мне обидные придумывает. Но ничего, терплю, выхода-то нет другого.

Тут старая как-то говорит:

— Ты, птеродактиль, что делать будешь, если помру я, а?

— Типун тебе на язык, — отвечаю, — старая. Такие, как ты, за просто так не помирают. Чувствую, ты ещё меня переживёшь.

— А я, — говорит, — жабья рожа, из принципа ласты склею. Вот сижу и думаю. С неё станется — вполне может из принципа дуба дать, до того вредная старуха. И, между прочим, в человеческом обличе рожа у меня никакая не жабья. Вполне, я бы сказал, достойная физиономия. Мне даже кажется — благообразная.

К тому же, тут ещё одно событие приключилось. Я теперь вообще такую монографию читаю, что если бы наши в ПИДРАК'е узнали, у них бы перепонки отвалились, а то и хвосты. Некий доктор Бенджамин Спок написал. «Ребёнок и уход за ним» называется. Кстати, рекомендую — очень, просто очень толковая книженция.

СЕРГЕЙ КАРЛИК

Пока лежат мертвецы

Рассказ

— **В**от дерьмо!
А что вы хотите? Двенадцать часов ночи, я уже почти сплю. Вдруг звонок в дверь. Подхожу, смотрю в глазок и вижу друга своего, Сашу. Сквозь металлическую дверь запаха не учуешь, а Саня, он пока не заговорит, ни за что не догадаешься, пьяный он или трезвый. Саня мне друг, даже, наверное, брат. Я не мог ему не открыть. По лицу его я понимал, что дела у него плохи, но понять, в чём дело, не мог, пока не открыл. Как только дверь открылась, на лице у Санька выражение горя и отчаяния сменилось на облегчение, после чего он сделал пару шагов и кулем упал у меня в прихожей. Зашибись!

Что с ним, я понял по запаху. Нажрался, скотина! Но почему он пришёл ко мне домой? Обычно он отсыпается дома, под надзором жены. А тут...

Перешагнув через бесчувственное тело, я запер дверь и задумался. В принципе, можно и так его оставить, но всё-таки как-то неудобно. И жене Сашиной надо позвонить, вдруг она беспокоится? Решив сначала позвонить Саше домой, а уж потом раздеть и уложить в постель, я направился к телефону. Пара гудков — и раздражённый женский голос рывкнул мне в ухо:

— Алё!

— Светик! — как можно более миролюбиво начал я. — Саша переночует у меня. Хорошо?

— Хорошо! Ещё как хорошо! И пусть, пока не пропьется, не возвращается. Я его видеть не желаю! Так и передай ему, нет ему сюда дороги! Этот урод...

Но тут я уже положил трубку. Во-первых, терпеть не могу этот её визг, как будто поросёнка кастрируют, а во-вторых, и так стало понятно, что никто по моему корешу у него дома не скучает.

Я отволоч его за ноги в мою бывшую детскую. Раньше в этой комнате существовал я, но теперь она превратилась во что-то среднее между чуланом и тренажёрным залом. Всякие спортивные железки и тренажёры соседствовали со старой рухлядью, которую я сюда стащил из двух остальных комнат. Вот уже два года, как я живу один в трёхкомнатной квартире, с тех пор как мать умерла. Саше просто повезло, что я пока не успел жениться, небось моя жена не обрадовалась бы такому визиту. Впрочем, и будь я женат, иначе бы не поступил.

Вообще-то Саша тихий алкоголик. В запой он уходит редко и в пьяном виде не буйнит. Но, конечно, эти его запои, во время которых с невероятной скоростью пропиваются все имеющиеся в карманах, а также на книжках и в записках деньги не могут не раздражать его жену. Меня эти пьянки тоже не радуют, сам я не пью, как-то не тянет. Поэтому я не могу понять прелести этого состояния, когда денег всё меньше, а со здоровьем всё хуже. Однажды дальше пары воспитательных бесед я не пошёл.

Стелить ему на старом моём топчане в детской я, естественно, не стал. Положил так. Правда, куртку с него снял и положил его бесчувственное тело аккуратненько набок. Где-то читал, что именно так и надо, а иначе можно захлебнуться рвотой. Из кармана куртки вывалилась какая-то странная тетрадь. Очень старая, вся в каких-то масляных пятнах. Края листов были истрёпаны, уголки листочков черны от грязи. Открыв её наугад, я увидел мелкий, неразборчивый почерк. Ради простого любопытства решил прочесть хотя бы пару строк.

Для нужного эффекта возьмите два листа порывень-травы, настаивайте на лошадиной моче два дня, а после смажьте подол подвечного платья вашей сестры...

Порывень-травы? Смазать подол сестре?

Тетрадь я бросил на кухонный стол — завтра разберёмся.

* * *

Завтра наступило быстро. Я бы сказал слишком быстро. Я, во всяком случае, выспаться не успел. Но понедельник день вообще тяжёлый, так что я, в общем-то, спокойно воспринял своё

состояние. Однако на работу я собирался не один. Мы с Сашей работаем на одном заводе, только в разных цехах. Я вкальываю строгальщиком, а он токарем.

Так вот, пока я готовил нам двоим скромный холостяцкий завтрак, чистил зубы и тому подобное, Саша тихо сидел на кухонной табуретке и следил за мной тусклыми, слегка остекленевшими глазами. Когда я поставил перед ним тарелку с яичницей, он даже не сделал попытки взять в руки вилку. Вместо этого он прохрипел:

— Светка что говорит?

— Говорит, чтоб не возвращался пока.

— Я у тебя перекантуюсь?

— Перекантуюешься, ешь давай!

Он помолчал, а потом робко спросил:

— А выпить есть?

— Чего? Офигел? Срань господня, сегодня же понедельник.

Нам сейчас на работу! Тебе побыстрее надо очнуться, пойдешь лучше умойся холодной водой.

— Ага. Умоюсь. А выпить есть?

Я решил не обращать внимания.

Мы оделись и пошли на работу. Поскольку Саша тормозил со страшной силой, то мы, конечно, и из дому вышли не вовремя, и до работы добирались не быстро. И вообще опоздали, в конце концов.

Пока ехали в метро, я выпытал у Саши, что тетрадь, которую он приволок с собой, принадлежала бабушке его жены. Та на старости лет стала в тетрадочку эту записывать всякие разговоры, рецепты зелий и тому подобную чепуху. Брала она их у таких же, как она сама, старух, которым делать было нечего на старости лет, вот они и вспоминали всякую ерунду былых времён. Светка вроде как нашла там заговор против пьянства и хотела его прочесть, да Саша ей не дал, а почему — и сам уже не помнит.

Вообще, когда он переоделся в рабочую одежду, вид у него стал довольно жуткий. Серо-чёрная роба плюс позеленевшее лицо, плюс остекленевшие глаза, налитые страданием обиженного судьбой человека.

Вот поэтому я и не пью!

— Вид у тебя прежуткий! — сказал я ему, когда мы уже шли в цех. Я не хотел его обидеть, да он и не обиделся.

— А что ж ты думал? Это ж достигается путём долгих тренировок.

На том и разошлись.

* * *

Если вы не пьёте, то, стало быть, работаете, а значит, неплохо зарабатываете. Но, несмотря на то, что вокруг у нас давно уже капитализм, на нашем заводе, судя по всему, социализм.

Скажем, я выполняю полторы нормы и после работы не остаюсь. Мне просто закрывают смену — и плевать, что я один на трёх станках и не пью. А вот Саша до обеда дрых за своим станком, а когда я в конце смены пришёл за ним, заявил мне, что остаётся на подработку. При этом изо рта у него разило чистым спиртом, будто он у него где-то внутри вырабатывается. Ну понятно, в таком виде через проходную не пойдёшь, пропуск отнимут и выпишут штраф. А так можно до вечера простоять, а потом, уже не шатаясь, выйти через проходную. Тебе при этом закроют три часа переработки, и всем по фигу, что ты даже норму по деталям не сделал.

В общем, домой я пошёл один, но ужин начал делать на двоих. Заодно для друга дорогого кровать постелил, подложив под бельё клеёнку, так, на всякий случай.

Однако ошибся я, не учёл некоторых моментов.

* * *

Когда в дверь позвонили, я уже спал, половина первого всё-таки. Ночи!

Спросонья я в глазок не посмотрел, а зря. На лестничной площадке меня ждала весёлая компания. Уборщица Соня, женщина лет сорока (по её лицу можно дать и шестьдесят), шлифовщица Варя (мне если скажут, что она переспала со всеми мужиками завода, я не удивлюсь, хоть и работает на первом ГПЗ тридцать тысяч человек), а также Саша и бригадир его Василий Степаныч. Сказать, что они были пьяны, это ничего не сказать!

— Саша, — как можно более миролюбиво начал я, — а ты в курсе, сколько времени? Между прочим, нам завтра на работу!

— Серёга, друг! — завопил на весь подъезд Санёк. — Смодри, кого я тебе привёл! — и толкнул вперёд Соню. Вот счастье-то мне привалило!

— Да? И на фигу?

— Она тебя хочет! — навалившись на меня и дыша в лицо перегаром, зашептал Саша.

— Да ну, что ты говоришь! А Степаныч зачем здесь тогда?

— Он тоже! — Тут товарищ мой глупо захихикал и рывкнул так, что, я думаю, даже на улице было слышно. — Он тоже тебя хочет! Вот дурак, да?

Мне было достаточно. Мельком взглянув на растерянное лицо Степаныча, я схватил Сашу за воротник пальто и с силой потянул на себя. Он тут же споткнулся о порожек двери и кулем упал в прихожей. Не теряя даром времени, я захлопнул дверь прямо перед носом разочарованной Соны.

Заперевшись на все замки, я помог подняться Саше. Он прилонился к стене и, обведя глазами доступное ему пространство, спросил:

— А как же Варя?

— А Варя никак! Я спать ложусь, и ты тоже.

— Ну, еврей! — начал Саша. Потом последовала история о том, что в России три беды: дураки, дороги и что Красное море раступилось.

На такие вещи я стараюсь не обращать внимания. Про мою национальность мне рассказывают всю дорогу. Когда берут в долг, когда отдают долг, когда я выигрываю в домино, когда проигрываю. А ещё когда я свои рабочие часы считаю, перед зарплатой. Они это не со зла. Просто я один у них еврей, на весь завод, не считая Бродского, есть у нас такой начальник в руководстве завода. Правда, с чего народ взял, что он еврей, понять не могу. Он, правда и не русский, это видно по внешности, но, по-моему, и не еврей. Наверное, не пьёт.

Дорассказав мне о том, какой я плохой, он вырубился. Прямо в прихожей.

И пошёл я тогда за тетрадкой.

Конечно, работа строгалящиком напряжная, пока деталички мелкие, а у меня как раз плиты для прессов пошли. Мы их потом отправляем на соседний шинный завод, и с их помощью делают коврики для поросят. Резец плиту проходит за час, так что у меня, несмотря на то, что я один на трёх станках, времени полно было. И я тетрадочку с заговорами прочёл. Понял я из неё мало, но зато нашёл для данного момента кое-что нужное.

Пока человек тот лежит без сознания, прочти над ним такие слова:

Душа раба Божьего...

— Раба божьего Саши Фёдорова, лети туда, где ветры не дуют и солнце не светит. Пусть страсть пагубная к вину и водке останутся там, где спят мертвецы и нет ни звука, ни света. И пока лежат мертвецы, до тех пор не пить рабу Божьему Саше ни вина, ни водки, ни даже пива и браги.

А после перекрести его три раза и скажи:



— Господи, помилуй меня, одна надежда на тебя, ибо друг мой в беде, а я за него в залог даю тебе покой души своей. Во имя отца и Сына и Святого духа. Аминь!

...и перекрестись!

* * *

Я люблю иногда почитать Стивена Кинга и к ночным кошмарам отношусь спокойно, но то, что привиделось мне в эту ночь выходило немного за обычные рамки обычного сновидения, во всяком случае такого мне давно не снилось.

Будто тёмной ночью стою я на кладбище, привязанный к дереву, а вокруг меня мертвецы в белых саванах хороводы водят. И вдруг кто-то трогает меня за плечо, оглядываюсь, а рядом со мной мать-покойница стоит. И говорит она мне:

— Соскучился по мне? Скоро я к тебе приду.

Больше она ничего сказать не смогла, на фоне черного неба, на котором мелькали багровые отблески, открыла рот, но он оказался забит могильными червями. Пока она давилась этими червями, я изо всех сил пытался высвободиться, чтобы по-быстрому добраться до неё и открутить ей голову. Но сделать я этого не мог, и вырывался, а чьи-то руки держали меня, и я отбивался и руками и ногами, пока хлёсткий удар по лицу открытой ладонью не отрезвил меня и не заставил открыть глаза.

Перепуганный Саша стоял надо мной, в предрассветных сумерках у него было абсолютно нереальное лицо, серо-зелёное, искажённое самым настоящим ужасом, чего я не видел у него никогда. А ведь в школе он всё время заступался за меня, и нередко бывало так, что бился один против троих, и ведь не трусил. Поскольку в школьные времена мать не давала мне заниматься спортом, то в классе я был самым слабым, а в нашей школе полно было ребят, которые просто-таки обожали самоутверждаться за мой счёт.

— Сань, ты чё? — спросил я.

— Я ничё! Ты орал как резаный. Вставай, всё равно твой будильник зазвонит через пять минут.

И мы встали. У Саши мысль с утра была одна — похмелиться. А у меня аппетит пропал начисто, поэтому на работу мы пришли раньше времени.

У меня к маме специфическое отношение. Можно быть пьющим человеком, но при этом тебя все будут любить, а можно быть непьющим человеком и редким при этом дерьмом. Вот моя мама — второй вариант. Как же мне было легко на душе, когда

её сбил автомобиль, я за грех этого водителя свечку поставил в церкви, ведь явно промысел божий. Сколько себя помню, она вечно лезла в мои дела, вечно мешала мне, а когда я был маленький, так она мне ни читать, ни гулять, ни даже телевизор смотреть не давала. У неё была своя метода воспитания: например, она меня заставляла отрабатывать красоту почерка. Приносил я, к примеру, сочинение, написанное на пятёрку, но в нём две помарки. Значит, два раза надо его переписать! А в этих двух раз-ах ещё четыре помарки. В общем, вместо того чтобы гулять со сверстниками, я переписывал один и тот же текст по двадцать раз. Искривление позвоночника и испорченное зрение позволили мне не ходить в армию, но, по мне, лучше б я был здоровым, а в армию сходил. Кстати, почерк у меня отвратный!

* * *

У станка я стоял, как сомнамбула, все движения на автомате. Ручку назад, ручку вперёд, проход резца, тиски отвернуть, вытащить деталь, поставить другую, тиски завернуть, деталь подбить, ручку назад, ручку вперёд....

Обед для меня наступил внезапно: отключили электричество в цеху, и станок встал. Я поплёлся в цех к Саше, чтобы вместе с ним сходить в столовую. Уже на подходе я услышал громовой смех работяг. Подойдя к группе весёлых и явно похмельённых мужиков, я робко спросил:

— А где Саша Фёдоров?

В ответ раздался такой громкий и дружный хохот, что я даже сам невольно улыбнулся.

— Он в раздевалку пошёл, переодеваться, — пояснил мне Захаров Толя, мужик лет пятидесяти, работавший фрезеровщиком на Сашинем участке. — Так неудачно опохмелился.

И тут мне рассказали историю.

Когда Саша пришёл на участок, то включил станок на прогрев, а сам побежал к механикам. У нашего Жоржа-настройщика всегда для таких, как Саша, есть бутылка со спиртом. Вернулся Санёк скоро, причём спирт принёс с собой, так как покупал не только себе, но и ещё парочке страждущих. Ну, они малость поработали, а потом решили принять для настройки. Вообще-то, народ хотел до обеда подождать, но Саша настоял, ему уже было невмоготу. В общем, разлили, хряпнули, и у Саши случился приступ. Иначе не назовёшь. Всё содержимое его желудка вылетело на пол, а всё остальное его содержимое моментально оказалось у него в штанах.

Вот так!

В раздевалку я не пошёл. В столовую тоже, есть совсем не хотелось. Вместо этого я решил прогуляться по заводу. Завод большой, а у меня на нём свой бизнес. Слесаря клепают крысоловки, а я их продаю. Народу на водку, мне на баб.

Набрал, значит, крысоловок и пошёл. Две взяли нормирующей из шлифовального, две в заготовительном. Ещё две взяли в той конторе, что ящики для нас сколачивает. Возвращаясь назад, я, проходя мимо пескоструйных машин, заметил мирно сидящего на стульчике Павла Мезоева. Я его увидел и удивился. Ведь два месяца его не видел! Он тоже строгальщик, только работает в другом цеху. Иногда, когда он уходит в запой, мне приносят его работу. И так, вообще, общаемся, коллеги ж!

Павел сидел молча перед шахматной доской, которую он пристроил на металлической тумбе. Я тут же подошёл и попробовал понять, что происходит на доске. Вообще-то ну ничегошеньки не смыслю в шахматах. Знаю только, как фигуры двигать.

— Здоров, Паш! — начал я. — Чё-то давно от тебя не принесли работы. С выпивкой завязал, видимо?

— Завязал, — хрипло сказал Паша и поднял на меня свое лицо. Оно было какое-то серое, неживое. — Совсем не пью, — добавил он с каким-то странным сарказмом. — А вот Саша пьёт.

— Да, пьёт. Ты его видел, что ли, сегодня?

— Нет. — Паша поднял руку и передвинул чёрную пешку. Зайдя с другой стороны тумбы, я, примерившись к ситуации, двинул вперёд белого ферзя.

— Куда пропал-то, Паш? И не видно тебя совсем.

— У! — С его стороны в мою сторону двинулась ладья. — В очень тихом месте обретаюсь. Там никто никому ничего не должен. И никто никого не трогает. Не трогал... до недавнего времени. Саша вот в запой ушёл, и у нас сразу неприятности. А всё ты!

— Я? — Я так удивился, что даже рука моя замерла над доской, вообще-то я хотел переставить коня. — А я-то здесь при чём?

— А то не знаешь? — Паша дождался моего хода. И, двинув вперёд чёрного ферзя, завершил партию. — Шах и мат! Иди, Серёга, работай. Слышишь гудок? Обед кончился.

* * *

Вообще-то работа у меня была — не бей лежачего. Пресформы делают долго. Металлическую плиту приходится обрабатывать на строгальном станке в течение часа. Потом

перевернуть — и другую сторону так же. Я возле станка в это время не стою. Либо на других станках, либо сплю в углу, либо по заводу брожу.

Ну, я плитку поставил и к Саше пошёл. Он стоял возле своего станка, в новой спецовке, бледный, непривычно серьёзный.

— Привет Саш! Как ощущаешь себя? — спросил я мирно.

— Плохо, Серёг, ощущаю. Что-то странное со мной. Выпить хочу, а не могу.

— Да? Ну, это к добру. А тебе привет от Паши Мезоева. Прикинь, он зуб на нас имеет.

— Паша? Мезоев? И где ты его видел?

Саша даже не прекратил работу. Его руки продолжали крутить рукоятки, глаза не отрывались от детали. Но в лице что-то неуловимо изменилось.

— Да рядом с пескоструйным аппаратом, тем, что напротив нашего цеха в коридоре.

— Серёга, — с мягким упрёком в голосе ответил Саша. — Ты не мог его видеть. У тебя глюк.

— Да как это не мог! — возмутился я. — Видел же! Как тебя сейчас!

— Серёга! Ты помнишь, что ты в отпуск пошёл два месяца назад?

— Ну?

— А помнишь, крановщицу Валю из инструментального?

— Ну!

— Так вот, пока ты был в отпуске, убило их обоих.

— Как это?

— А так! Пришёл к Вале Паша, просить контейнер ему перевезти, а на них кусок крыши упал. И убило их!

— Как кусок крыши?

— Да так! Ты вспомни, ты из отпуска пришёл, а у нас новый обогреватель стоит, и горы стекла в коридорах лежат. Ты спросил, что случилось. А мы тебе рассказали, что ремонт был, всю крышу на заводе меняли. А меняли потому, что рабочих убило! Крыша старая совсем, обваливается кусками. Так вот это Валю с Пашей убило. Ты смотри, не пошути ещё с кем. Не все ведь могут понять твой еврейский юмор. Покойник зуб на меня имеет, надо же такое придумать!

* * *

До конца смены был я как пришибленный. Не слишком ли часто мне являются покойники? А? И вроде непонятно с чего.

Домой мы побрели вдвоём. В ларьке Саша взял бутылку «Очковского», литра эдак на два. Виновато глядя на меня, он сказал:

— Плохо мне, хоть здоровье поправить.

Я промолчал. А что тут скажешь? И так видно, что парень не в себе.

Пока я переодевался и думал, что бы такое сварганить нам на ужин, Саша шуровал на кухне. Когда я туда зашёл, бутылку с пивом была открыта, на тарелке лежал сушёный рыбий хвост. Рядом, прямо на столе разместился аккуратно порезанный на ломти чёрный хлеб.

— Ну что! Брат Серёга! Твоё здоровье!

И выпил из чайной кружки. Пива выпил. Не кислоты. Но впечатление у меня было такое, будто серной кислоты хлебнул. У него даже как будто дым изо рта пошёл. Потом он выронил кружку, схватился обеими руками за горло, что-то невнятно прохрипел и отрубился. А я в полном шоке усталился на бесчувственное тело.

Чего делать? Сначала я хотел позвонить в «Скорую». Но потом решил сначала убедиться, что он жив. А то, может, и милицию тоже надо звать. Однако, как только я к нему наклонился, Саша открыл глаза и полупридушенным голосом тихо спросил:

— Что это?

— Не знаю. — Я ответил почему-то шёпотом.

— Надо же! Пиво не пошло! — с этими словами Саша встал и пошёл в «свою» комнату. Там он упал на кровать и замер.

Я спокойно приготовил ужин на двоих. Сашину порцию спрятал в холодильник. Потом сел к компьютеру и увлечённо стал проходить этапы какой-то новой игрушки.

* * *

К тому времени, как я дошёл до самого главного босса, тьма за окном сгустилась. Пора уже было ложиться спать, но я не сделал одно маленькое дело. Когда готовил ужин, обнаружил, что мой холодильник заметно опустел. Так что я выключил комп, собрался и вышел на улицу. «Перекрёсток» у нас через улицу, я люблю туда именно поздним вечером ходить, ни тебе очередей к кассе, ни толкучки между стеллажами. Хорошо!

Едва я вышел из подъезда, как в нос мне ударил жуткий запах. Это было нечто тошнотворное, смесь гнилого мяса, сырой земли и чего-то ещё. Источник запаха сидел в сумерках на скамеечке перед подъездом. Запах шёл волнами от человекообразной фигуры. Сверху, с головы, она была покрыта ровным слоем



чего-то белого и ворсистого. Белый покров заканчивался где-то в области ног. Сами ноги выглядели неестественно тонкими. Я на цыпочках прошёл мимо этого существа и постарался как можно быстрее от него удалиться. Бомж, наверное. Но это же невероятно! Люди не могут ТАК вонять.

Обратно я шёл гружённый сумками. Ещё задолго до подъезда своего я почувствовал этот запах. Пройдя мимо бомжа, я поставил сумки возле входной двери и решительно развернулся. Блин! Может, он ещё и на ночь устроиться здесь собирается.

— Слышь, мужик! — начал я, приближаясь к фигуре. — Валил бы ты отсюда по-быстрому!

Вся моя решительность моментально испарилась, как только фигура поднялась со скамейки и сделала шаг мне навстречу. Белый покров оказался волосатым, теперь я это разглядел. Фигура сделала ещё один шаг, затем руки, неестественно тонкие, медленно поднялись и раздвинули волосы там, где за ними должно было оказаться лицо. Вместо лица там показался череп. Голый череп, чуть ниже был виден воротник с ярко блестящей позолоченной пуговицей.

Дико заорав что-то нечленораздельное, я изо всех сил пнул это существо ногой. И оно тут же развалилось на куски!

В квартиру я войти никак не мог. Ключ три раза подряд вываливался у меня из рук. Потом, когда я всё же его вставил, дверь открылась сама. За порогом меня встречал Саша. Удивлённо посмотрев мне в лицо, он спросил:

— Ты куда ходил?

— В «Перекрёсток», за продуктами.

— И где они?

— Внизу.

— А почему?

— Там Котрахов!

— Кто?

— Котрахов!

Вынеся из этого содержательного диалога что-то своё, Саша направился вниз. Когда он вернулся с моими продуктами, я сидел на кухне и пил валерьянку не каплями, а ложками.

— Ты Котрахова помнишь? — спросил я его, прежде чем он успел мне что-то сказать.

— Ну, помню!

Ещё бы он не помнил! Это было наше проклятье! Этот парень доставал всех, кого мог достать. Высокий блондин, он не был дураком, но отличался редкой дезорганизованностью. У него не

было планов дальше, чем на три часа вперёд. Уроки он не делал из принципа. Периодически он вообще в школу не ходил. Такие дни были для всех в школе подарком. Все его шалости прикрывались его богатыми родителями, которые души в любимом и единственном сыне не чаяли. Это его, в конце концов, и стубило. В десятом классе он наглотался каких-то таблеток и утонул в бассейне.

У него были пышные похороны, почему-то его родители почитали нас с Сашей близкими товарищами Котрахова (убей меня бог, не помню его имени!) и пригласили нас на похороны. Когда я увидел его в гробу, то больше всего поразился крупным, блестящим, позолоченным пуговицам на рубашке покойника.

За десять лет волосы могли вырасти, а пуговицы так и не потускнели.

— Это был Котрахов, там, внизу.

— Кто внизу-то? Не было там никого.

— Ну ты видел куски внизу? Это он!

— Да не было никаких кусков!

— А запах?

— Какой запах?

Понятно.

— Проехали, — сказал я. — Замнём пока для ясности. Спать пора.

— Ты мне выпить не купил случайно? — в голосе у друга моего звучала безнадежность. Ответ он знал заранее. Надо же! Я на взводе, а у него мысли только об одном.

— Нет, не купил. Деньги у тебя кончились?

Он не ответил и побрёл к себе.

А я к себе.

На стуле я обнаружил старую тетрадку с заговорами. Некоторое время я тупо смотрел на неё, чувствуя, как во мне зреет мысль. Потом я открыл её на заложенном месте и заново прочёл заговор против пьянства. Мысль так и не созрела, а я лёг спать.

Дозревание мысли произошло во сне. Я сидел за длинным столом на кладбище. За столом кроме меня сидела целая куча мертвецов. Там был Терёмин, мой бывший начальник участка, поехал в прошлом году в деревню, и там его в драке зарезали. Там был Семёнов, шлифовщик с нашего участка. У него случился приступ алкогольной эпилепсии, он упал и стукнулся виском о металлический угол своего станка. Охранник Толя, его как-то ночью убили работяги-лимитчики, он пытался помешать им выносить с завода слитки латуни. Целая куча знакомых мне покойников

сидела за столом с выпивкой и закусками. Периодически кто-то из них вставал и произносил:

— Пока лежат мертвецы!

И тогда все они выпивали.

Я попытался подняться из-за стола, уйти, но не смог. Как только я встал, у меня в руках тут же оказался бокал. И я хотел было выругаться и сказать, что здесь какая-то ошибка, но против моей воли мои губы стали складываться, растягиваться и произносить слова, который я произносить не хотел:

— Пока лежат мертвецы!

— Пока мы лежим! — дружно подхватили мои собутыльники.

И я проснулся.

Надо мной стоял Саша. В сумерках его лицо опять отливало зелёным.

— Да что с тобой! — испуганно произнёс он. — Опять орал, как резаный.

— Выпить хочешь? — спросил я, чувствуя, как во мне всё камнеет от нарастающего бешенства.

— Хочу! — с готовностью подтвердил он.

Я бросился на него снизу вверх, используя элемент неожиданности. Однако силы тут явно были неравны, через несколько секунд я побрёл в ванную с разбитым носом и распухающей левой бровью. Саша сопровождал меня с нитьём на тему того, что вот он ничего не понимает, и что он вроде ж ничего такого мне не сделал, и что мы ж друзья...

За завтраком я попытался вкратце донести до него события последних двух дней. Он слушал меня внимательно, не перебивая, что для него редкость.

— По всему выходит, что пока покойники лежат в земле, до тех пор тебе спиртное не пить, — закончил я. — Но твоё желание выпить так велико, что не даёт покойникам спокойно лежать в могилах. И они приходят! Ко мне!

— Не может быть!

А ведь не поверил. Хорошо же!

Я залез на антресоль и вытащил оттуда бутылку водки. У меня вообще-то там целый ящик. Как-то купил очень давно, готовился к свадьбе, да как-то не сложилось у меня.

Саша появление бутылки встретил восторженными воплями. Потом, открывая бутылку, он прошёлся опять по моим еврейским корням, типа — что ж ты от меня скрывал. И, уже налив себе стакан, спросил:

— Ты ведь не против? Я выпью?

Ничего он не понял.

— Ничего не выйдет, — попытался я его предупредить.

Куда там! Санёк махнул, не глядя, стакан и тут же выпал в осадок. Густой и творожистый. Несколько раз взмахнув руками в воздухе, будто гребя невидимыми вёслами, он вскочил, и тут же водка вместе с завтраком оказалась в раковине. Вот так!

— Ну что? — спросил я издевательски. — Как тебе?

Когда он чуть отдышался, то ответил:

— Не может быть! Это ж бабушкины сказки.

Но оказалось, что может! На протяжении рабочего дня Саша сделал три попытки выпить спиртного, и все они закончились ничем. Я, в свою очередь, старался не отходить от станка, мне не улыбалось встретить ещё каких-нибудь покойников. Странно, вот дожил до тридцати, а ведь сколько знакомых у меня умерло уже. Раньше я как-то и не замечал, что Смерть вот она, рядом ходит.

* * *

Я предложил сходить в кино. Саша предложил зайти к нему домой. После короткого спора пришли к выводу, что лучше в кино. Светка нас бы просто не пустила в квартиру, Сашины запои как минимум на неделю, а тут вдруг всего три дня.

Не люблю я комедии, меня от них в сон тянет. На двадцатой ужимке Джима Керри меня стало тянуть в сон, а на тридцатой я отрубился.

Но ненадолго.

Я думаю, что от моего крика содрогнулись все. Мне приснился Шарик, старый друг моего детства, этот пёс сопровождал меня везде на даче, где я отдыхал в далёком детстве. Его загрыз соседский пёс, который был выше по весовой категории, к тому же дело было ночью, и Шарик был посажен на цепь и лишён возможности уворачиваться.

Шарик был совсем небольшой собакой и поэтому никак не мог мне помочь в моём очередном кошмаре, в котором я медленно проваливался под землю, в мрак пропасти. Он скулил, тянул зубами за воротник, лизал мне лицо. В конце концов, когда уже земля стала смыкаться надо мной, я заорал, чтобы он бежал за помощью, и проснулся оттого, что перепуганный Саша тряс меня за плечи.

Вокруг раздавалась матерная ругань зрителей. Понять их можно, давно им никто так активно не портил удовольствие.

* * *

Домой возвращались в сумерках. Я всё время озирался вокруг себя, казалось, что вот из-за угла сейчас выйдет очередной труп, притворяющийся живым, и заведёт душевный разговор. А углов у нас в городе полно.

Саня, друг моего детства, брёл молча, не замечая моих мучений, и думал о чём-то своём. И вдруг остановился и сказал:

— Это получается, что пока я хочу пить, к тебе приходят твои родственнички?

— Да!

— А если не хочу — не приходят.

— Выходит так.

— А если я никогда не буду пить?

— Это не имеет значения. Мне кажется, что просто будет полегче. Ведь ты всё равно будешь иногда хотеть пить!

— Да! Но я обещаю тебе! Я больше никогда! Никогда! Не возьму в рот ни капли!

Лицо у Саши, освещаемое фонарём, было такое же, как в детстве, когда нас с ним в пионеры принимали.

— Сань, — обречённо ответил я. — Успокойся, сделай лицо попроще. Всё будет хорошо.

* * *

Меня разбудил звонок в дверь. Поглядев в глазок, я увидел Валерия. Не знаю ни его фамилии, ни отчества. Когда-то вместе работали на пекарне. Он электриком, я засыпщиком муки. Он иногда приходил ко мне в подвал, и мы с ним беседовали за жизнь.

Уволились мы с ним почти одновременно. Я ушёл на завод, точнее — меня выжили за строптивость характера, а он подался в бизнес.

Он не мог знать, мой адрес. Просто не мог!

— Вам кого? — я спросил вполголоса. Не думаю, что меня можно было услышать на лестничной площадке. Но он услышал.

— Серёга! Это ведь ты! — Валера поправил дужку очков и просительным голосом продолжил: — Выходи, разговор есть.

И у меня почему-то не было страха. Совсем! Ведь ко мне явно друг пришёл.

Я оделся и вышел. Мы молча спустились в лифте и куда-то пошли по ночному городу. Так же молча дошли до какого-то кафе и сели за столик. Тут же подошла официантка и подала нам по кружке пива.

— Валера, ты умер? — спросил я в лоб.

— Два часа назад, — ответил он серьёзно. — Тело ещё не успело остыть.

— Почему?

— Конкуренты. А тут такой удобный повод задержаться на этом свете.

— Да! Можно сказать приятный момент.

— Ну, не очень приятный. Могу тебя утешить, друг твой больше пить не будет, а у тебя скоро сны будут опять спокойные. Группа-то у тебя развалилась?

— Да! Ребята переросли панк-рок, а я каким был, таким и остался.

— Ну что же ты. Надо быть гибче.

И мы долго разговаривали о музыке и о том, что из меня вышел бы неплохой концертный администратор, а на заводе делать нечего — ни денег, ни перспектив. О том, что у Валеры остались дети, у жены двое и ещё четверо у четырёх любовниц. Что значки лежат в книжках на верхних полках. Я обещал передать.

Потом мы попрощались, и он встал, чтобы уйти, а я заказал мороженое на двоих, потому что пришла Марина. И ей было двенадцать лет, и мне тоже стало двенадцать. И она мне призналась, что на самом деле я ей нравился, а она надо мной так издевалась, потому что ей это доставляло удовольствие. Она была глупая совсем и не знала, что скоро умрёт. Если бы она знала, что утонет, то никогда бы не полезла на лёд играть с мальчишками в хоккей. А потом бы она выросла и вышла за меня замуж. Жалко, что у меня мать такая дура, не выпускала меня гулять. Если бы не это, то она бы узнала меня получше и, может быть, всё было бы по-другому.

И я проснулся от звонка будильника с блаженной улыбкой на лице. А Саша, как всегда, стоял надо мной, и лицо его было искажено ужасом.

* * *

Тетрадку Саша забрал. Не знаю уж, как он там убеждал Светку, но домой он вернулся досрочно. Ни разу с тех пор его не видели не то что пьяным, а даже с рюмкой в руке.

Правда, иногда — то Валерий с ценными указаниями, то Марина с признаниями, то Шарик в лес гулять позовет...

Нормально всё.

Недавно наш шлифовщик Ваня напился до бессознательного состояния. Я в это время был у стоматолога и не застал эту картину. Зато Саша заходил ко мне по какому-то делу и увидел. Так вот, говорят, что он ушёл и вернулся с какой-то тетрадкой, по которой прочёл что-то такое над Ваней. Ваня с тех пор не пьёт.

Как говорится — без комментариев.

ДМИТРИЙ ЛЯЩЕНКО

Офисный робот

Рассказ

Его привезли — новенького, пахнущего заводской краской, с блестящими хромированными частями, — и сотрудники столпились, разглядывая, как он дремлет в пенопластовой стружке, умиротворённый, с интеллигентным выражением на нержавеющей черепе. Кружки с кофе сиротливо остывали на столах, пока его вытягивали из продолговатого ящика. Шеф, сосредоточенно шевеля губами, пробежался взглядом по первой странице инструкции, потом швырнул объёмистую книжку в мусорное ведро.

— Включаем, — объявил он, и два зама одновременно схватились за главный рубильник.

— Позвольте я, — сказал первый, второй позволил, и рука ять опустилась, и робот открыл глаза.

— Добро пожаловать в команду, — радушно улыбнулся шеф. Сотрудники заплодировали. Робот наострил радиолокаторы.

— Приветствуем тебя в головном офисе компании «Измостар», лидера производства холодильного оборудования!..

— Кто вы такой? — спросил робот.

— Я — Пётр Иванович, генеральный директор.

Шеф вразвалочку подошёл к офисному столу и любовно погладил стоявший на нём монитор.

— Вот твоё рабочее место. Ты готов приступить к своим обязанностям?

Робот загудел с вопросительной интонацией.

— Мы покупали тебя как универсального механического менеджера по продажам, — пояснил директор.

— Ох, — сказал робот, вытаращив окуляры. — Это было в прошлой жизни. Я сильно изменился с момента своего первого запуска. Спал. Созерцал великое ничто. Отказался от своего я.

Шеф ослабил галстук и, повернувшись к коллегам, позвал:

— Михаил Юрьевич, кажется, нужна ваша помощь.

Сотрудники расступились, и на середину комнаты вышел невысокий бородатый человечек, поблескивающий линзами дорогих очков.

— Я старший механик, — произнёс он, уперев палец в грудь робота. — Будь добр, смени-ка режим.

В металлическом туловище что-то щёлкнуло, переключаясь.

— Могу я воспользоваться телефоном? — чеканно осведомился робот.

Механик и директор переглянулись.

— Да ради бога, — махнул рукой Пётр Иванович.

Механический менеджер, скрипя шарнирами, подошёл к телефонному аппарату, выдернул шнур и подключился к розетке.

— Что ты делаешь? — насторожился механик.

— Сообщаю спасательной группе о своём местонахождении.

— Компания, в которой мы тебя приобрели, прекрасно о нём осведомлена.

Робот отвалился от розетки.

— Мне будут платить?

Шеф замялся.

— Нет.

— Ты обязан подчиниться, — сообщил механик. — Нам принадлежат все права на тебя.

— Эврика! — с жестяным звуком хлопнул себя по лбу робот. — Тридцать процентов времени я буду тратить на работу, семьдесят на себя.

— Нас это не устраивает, — опешил директор. — Твои обязанности — продавать. Приносить прибыль. Нам сказали, ты лучший.

— Могу я пойти обедать на ближайшую подстанцию? — робот начал приплясывать. — Или покурить выхлопных газов?

— Чертовщина! — шеф схватил телефон и принялся яростно набирать номер. Выругался и потянулся к розетке, чтобы включить аппарат.

— Вы читали моё резюме? — обратился робот к сотрудникам. — У меня уникальные навыки, — он подскочил к ящику, в котором его доставили, и начал искать что-то в упаковочной стружке.

— Простите, — молодой человек в сиреновом костюме протянул мусорное ведро. — Вы не это ищете?

— Не может быть! — воскликнул робот, и шестерни его закрутились.

Шеф набрал номер и рявкнул в трубку:

— Компания «Изо-стар»! Заказывали у вас агрегат! Да, привезли. Да. Так вот, ваша продукция явно неисправна...

Он замолчал, выслушивая ответ.

— Что? Что значит «увольнять»?

— Как я люблю увольнения, — промурлыкал робот, прижимая к груди ведро с инструкцией.

— Почему? — шёпотом поинтересовался сотрудник в сиреновом костюме.

— Рождаешься заново. Устраиваешься на другую работу — и вновь полон сил и желания творить, приносить пользу, оправдать доверие...

— Деньги нам вернут? — спросил директор. — Да, хорошо, понял. В заводском виде. Благодарю.

Он вжал трубку в рычаги.

— В упаковку! Живо!

— И не подумаю, — сказал робот.

Директор расвирился.

— Или в ящик, или за рабочий стол! Немедленно!!

— Полезайте сами, если охота.

— Михаил, — сказал шеф, побагровев. — Отключай его к ядрёной фене.

Механик подбоченился и, закатав рукава, принялся заходить к роботу со стороны рубильника.

— Гони его, ребята! — командовал Пётр Иванович. — Семён, к стене отжимай! Василий! Справишься — получишь отгул! Не упустите, не упустите...

— Я фрилансер! — закричал робот. — Чем просиживать электроды в офисе, я предпочту смерть.

Далеко выкидывая многосуставчатые ноги, он бросился на сотрудников. Те в ужасе расступились. Робот разогнался и швырнул себя на стеклопакет. Раздался звон. Фигура робота ухнула в оконный проём.

Все прильнули к останкам окна, наблюдая, как уволенный, всё уменьшаясь, падает на далёкий крошечный квадрат автостоянки.

Старший механик первым нарушил неловкое молчание.

— Что сказали на заводе?

— Серийный брак.

Механик присвистнул.

— Впрочем, — директор улыбнулся, — это послужит нам уроком.

Он подошёл к висевшей на стене доске, взял маркер и написал:

«Никогда не используйте технику в работе, которую должны выполнять люди».

ВЛАДИМИР ГУГНИН

Маски

Рассказ

Моя жизнь началась в ярких лучах июльского солнца. Теплота родительских улыбок была первым, что я ощутил, оказавшись здесь. Во всяком случае, прикоснуться к более ранним впечатлениям не получается. Я и сейчас, по прошествии тридцати четырех лет, частенько замуриваю глаза и вижу залитую ярким светом комнату, розовые обои, стеклянный блин люстры и добрые лица мамы, папы, бабушки и деда, склонившиеся над моей кроваткой. А может, это — выдумка? Или сон? Может, и не было ничего такого? Мои дружбаны давно порвали с подобными мыслями: было, не было, говорят они, какая, в сущности, разница? Главное, что все в прошлом. Надо вперед смотреть, а не назад. А я все никак не угомонюсь. Залитая солнцем комнатуха и улыбки родителей не оставляют меня в покое, вызывая возвышенную тоску.

Боже мой! Ну, почему же так все нелепо завершилось? Друзья говорят, что искать смысл в законах мироздания бесполезно. Их надо принимать такими, какие они есть. Да я и не ищу... Просто удивляюсь и не могу привыкнуть к тому, что неизбежно происходит с каждым. Понимаете о чем я? Если нет, значит у вас это еще впереди. У меня же все уже случилось. Может быть, я ненормальный, может быть, мое место в дурдоме, однако я никак не могу поверить в...

То, о чем я сейчас рассказываю, ждет каждого в момент его стремительного взросления. У кого-то пораньше, у кого-то попо-



уже. Я прошел через *это*, еще обучаясь в школе. Так уж получилось. Но именно в те дни мне выпало сделать безвозвратный шаг на следующую ступень жизни. Обычно его совершают на свадьбах. Я же шагнул гораздо раньше. Что ж бывает...

Никто не может дать этому *явлению* объяснение или найти определение. Никто, никогда *его* не обсуждает. Все принимают, как данность.

А теперь главное. Однажды я, обычный семиклассник в потертой синей форме, возвратился из школы домой. В квартире вкусно пахло борщом. Видать, бабушка постаралась. Родной дом встретил меня подозрительной тишиной. Я заглянул на кухню, туда, где всегда собирался семейный совет. Внутренний голос подсказал мне, что в доме происходит нечто важное и необычное. И верно. Предчувствия меня не обманули. За нашим большим обеденным столом, который я ездил покупать вместе с папой, сидели: мама, отец, бабуля и дедушка и еще два незнакомых человека. Все молчали, строго разглядывая меня. Я оцепенел.

— Проходи, сынок! — пригласил папа.

Я сделал два шага и остановился.

— Ну, проходи, не бойся, — улыбнулась мама, — подойди к нам поближе. Портфель-то поставь.

«Сейчас произойдет! Сейчас произойдет!» — стучало у меня в висках.

И произошло!

— Молодой человек, — произнес, предварительно кашлянув в кулак, один из незнакомых мужчин, усатый человек с деловым серым лицом, — я — государственный свидетель. А это, — мужчина кивнул в сторону второго гостя, влажного толстяка, — мой регистратор. Сейчас произойдет важнейшее событие в вашей жизни. Возможно, оно вас шокирует и даже напугает, но через него необходимо пройти. Пришло время.

Свидетель посмотрел на моих родителей.

— Все готово?

Мама, папа, дедушка и бабушка, соглашаясь, кивнули.

— Тогда к делу.

Все четверо моих родителей одновременно ухватились за кожу на затылках и ловко стянули со своих голов лица. Я пошатнулся, но не упал.

— Так, — вскрикнул свидетель, подскочив ко мне, — спокойно! Спокойно! Все в порядке! Не волнуемся! Не волнуемся! Все хорошо.

Я оказался на табуретке. Теперь за столом вместо моих любимых родителей сидели четыре незнакомых, обычных, ничем не примечательных человека — двое мужчин и две женщины. А перед ними лежали четыре скомканных маски из какого-то тонкого эластичного материала, латекса, что ли...

— Вот и всё, — буркнул свидетель, промокнув вспотевший лоб, — сколько выезжаю на освидетельствования, не могу привыкнуть к *этому*. Итак, сегодня, молодой человек, вы вступаете в новую фазу жизни. Спектакль, называемый детством, закончен. Поздравляю, отныне вы — взрослый человек. Распишитесь, пожалуйста, здесь.

Как в тумане я подошел к столу и поставил свою закорючку в какой-то гербовой бумаге. Регистратор что-то застрочил в документах.

— Ну а теперь можно и перекусить, — потер руки свидетель, — бабушкиным борщом.

Я сел за стол и равнодушно поднес ложку ко рту. Чужие люди, в течение тринадцати лет разыгрывающие моих родителей, напротив, в охотку, с аппетитом взялись за угощение. Кажется, они спешили.

Знаете, вот так и стоит перед глазами эта сцена: свидетель, регистратор и те, кто притворялся моими родителями, сидят и суетливо обедают на кухне, где когда-то я ходил пешком под табурет. Быстро едят, торопятся.

Когда все ушли, я запер маски в ящике письменного стола и больше никогда их не доставал. Будучи нормальным человеком, я не задаю глупыми вопросами о том, что бы *это* все значило. Наш мир так устроен, что если начать углубляться в разные загадочные явления, неровен час можно рехнуться. Размышлениями себя не извожу, но и забыть те улыбки, которыми встретил меня мир, не в силах. Странное дело, но мне кажется, что все *это* — розыгрыш. Просто шутка какая-то. Не более. Может быть, моя идея покажется вам дурацкой, но я верю — однажды в ярких летних лучах они войдут в мою комнату и скажут: «А здорово мы тебя провели? А ты и поверил, чудаки!». Вот такая история.

ЕЛЕНА КУШНИР

Такая работа

Рассказ

Я думал обо всем этом, глядя на алое пламя в камине, осветившее комнату, словно радостный ангел. Наверное, вы не слышали об ангелах радости. Зато вы слышали о бесах уныния. Именно это я и хотел сказать.

Г. К. ЧЕСТЕРТОН

В баре шумно, накурено, душно, грохочущий водопад музыкальной какофонии, а мне все равно нравятся такие места. Казалось бы, не должны были, а все же нравятся. Ток жизни в них чувствуется, знаете ли. Лучше ощущаешь его только в открытых кафешках, где праздно сидишь, потягивая давно остывший кофе, и добродушно разглядываешь пестрый парад скользящих перед глазами прохожих и снующих машин с радостным удивлением деревенского ротозея.

Сейчас в моих руках керамическая кружка с крошечным отколотым кусочком на ободке и сносно приготовленным глингвейном внутри, а сам я водружен на высокий, неудобный до крайности стул у барной стойки в застарелых липких лужицах пролитых напитков.

Кто-то случайно толкает меня в спину, от закопченно-го потолка далеким эхом доносится его влажное «звиняйте», рассеянный бармен второй раз меняет мне пустую пепельницу, а в маленький, бурлящий людским пряным варевом бар, наконец, заходит тот, кого я жду.

Он выглядит уставшим, равнодушным и словно покрытым пылью. Его лицо помято, как и его рубашка, а глаза пусты, как окна давно заброшенного дома. Его движения неестественны, как у плохого актера, и замедленны, как у заводной куклы. Он закуривает на ходу, подходит к стойке, тяжело плюхается на стул, заказывает выпивку, пускает дым

в потолок, отправляет взгляд в никуда. И, разумеется, он не обращает никакого внимания на меня, когда я сажусь рядом.

На сей раз я не чувствую вкуса к пространным предисловиям, поэтому начинаю сходу.

— Бен Джеймисон, вы идиот, — говорю я.

От удивления он проливает несколько капель своего беспощадно разящего торфом виски на несвежую рубашку.

— Простите? — в тухлой мути его глаз вспыхивает благодатный огонек удивления.

— Идиот, — повторяю я со вкусом, смакую всю восхитительную остроту этого слова. — Кретин. Недоумок.

— Но почему вы себе позволяете?!

Изумление сменяется гневом, и на сей раз это обычно уродливое, звенящее медью чувство прекраснее, чем белоснежный эдельвейс в утренней дымке горного воздуха, или окрашенные розовым румянцем пухлые щечки младенца, или еще какая-нибудь поэтическая муть.

— Потому что это правда, — наслаждаюсь я ответом. — Вы болван. Какого черта вы собираетесь покончить с собой?

Само собой, сперва он захлебывается изумлением, как вначале своим сомнительной выдержки виски, а уж после мы переходим к беседе.

И мы говорим, говорим долго-долго, одни хмельные посетители сменяют других, музыкальный грохот топчет прокуренный воздух звенящими копытами, гора окурков растет, он рассказывает, рассказывает и рассказывает дальше, и злится на всех, на мать, которая умерла, и на Мэри, которая оказалась такой адской стервой, и на босса, и на себя, и на Господа Бога, и на парня, разносящего в офисе сэндвичи, и сквернословит, и засыпает меня вопросами, и верит мне, и не верит, и сизая хмарь окрашивает наши лица синюшным оттенком залежалой курятины, и он плачет, давясь одиночеством и слезами, а ночь, устало зевая, медленно отползает в свою бархатную нору, и мы выходим из маленького, засыпающего на ходу бара навстречу холодному, сырому воздуху стряхивающего дрему города, кашляющего бензином и дымом заводских труб...

Он прощается со мной неловко, испытывая всегдашнее смущение перед незнакомцем, которого ты неосторожно пустил в дом своей души, вяло жмет руку и уходит, пьяно шатаясь от усталости и звенящей легкости в ногах, с которых сняли пушечные ядра отчаяния.

Я смотрю ему вслед, а затем разворачиваюсь и иду, пока не нахожу в мутной прохладе парка относительно чистую скамейку, покрашенную в благопристойно коричневый цвет. Достав из кармана платок, протираю островок отсыревшего за ночь дерева, аккуратно размещаюсь на нем и просто сижу, глядя перед собой и не думая решительно ни о чем на свете. Это прекрасно.

Тот, кого я ожидал увидеть, появляется не сразу, но довольно скоро. Он выглядит франтом — изящным, безупречным, будто бы отлакированным, и вышагивает по пустынной улице с кокетливой грацией манекенщика на подиуме. Слабые холодно-красные лучи новорожденного солнца раскрашивают алыми пятнами черную лакированную гладь его модного кожаного пальто и селятся пробиться сквозь непроницаемую поверхность гигантских солнечных очков.

Он подходит ко мне и садится рядом, не здороваясь. Затем лезет в карман, достает две кубинские сигары вызывающе дорогого вида и протягивает мне одну из них.

Некоторое время мы просто молча сидим, курим и смотрим на толстого сизого голубя, остервенело долбящего кусок булки, валяющейся около переполненной урны.

— То, что ты сделал, было глупо, — наконец, произносит он, и я понимаю, что уже забыл, как звучит его голос, когда он напяливает на себя человеческое тело.

— Глупо, — автоматически повторяю я за ним, не слишком задумываясь над своими словами.

Я думаю о том, что его голос спокоен, приятен, красив и умиротворяющ, как церемония дорогостоящих похорон. Моя сигара тухнет.

— Ты мог убедить кого угодно в чем угодно, предотвратить самое страшное зло, — продолжает он. — Мог бы болтать со Сталиным. Калигулой. С теми клевыми ребятами, которые бросили бомбу в Хиросиме. С Чингисханом. Торквемадой.

— Да, — говорю я. — С Гитлером, Борджиа, Ин Чжэном, Аль-Хакимом и человеком, придумавшим стэнд ап шоу.

— А ты поговорил с этим ничтожеством и убедил его не прерывать свою бесконечно жалкую жизнь, которая не способна ничего изменить и ни на что повлиять, — презрительно фыркает он. — И это ты называешь милосердием, Хранитель? Ваш Бог либо жесток, либо равнодушен. Ты мог бы поговорить с маньяками, которые насильовали и

убивали детей! Что ты дал человечеству, поговорив с Беном Джеймисоном?!

— Бена Джеймисона, — говорю я.

Солнце врывается в мир, его пламя дробится на непроходимой поверхности очков моего собеседника и пляшет в небе так, будто только что была одержана окончательная победа в нашей вечной войне.

НИК СРЕДИН

Красавица и красавец

Рассказ

Девушка с ужасом смотрела на хворост, сложенный у ее ног. Не замечала копейщиков, небрежно окружавших костер. Наверное, не слышала, как гнусавит отец-инквизитор, зачитывая приговор.

Толпа ждала, наслаждаясь первым днем бабьего лета. Негромко переговаривались горожане и поселяне. Урожай в этом году хороший, главное, чтоб грызуны не испортили, как в прошлую зиму. Яблоки какие здоровенные выросли. Священник совсем старый стал, видать, по весне уже пришлют ему если не замену, то помощника.

Девушка не замечала ласкового осеннего солнца, от которого страдали копейщики — они постоянно сдвигали шлемы, вытирали пот.

Я просто оказался не в том месте не в том настроении.

Возвращался с конной прогулки по полям, наслаждался вернувшимся ненадолго летом. А тут — инквизиторы решили сжечь девушку.

— Церковь передает ее светским властям и просит не проливать крови, — заканчивал приговор отец-инквизитор. Тяжелая ряса, подпоясанная простой веревкой, была бы уместна теплой зимой, а не сейчас. Покрасневшее лицо инквизитора взмокло, светлые волосы слиплись. Бург-майстр, в парадном камзоле, в богатом меховом плаще, с нетерпением ждал окончания процедуры и возможности нырнуть в прохладный погребок, к остуженному пиву.

Горожане расступались передо мной. В принципе, их бы все равно разогнало силовым полем — но они отходили в стороны добровольно, из уважения к городскому магу.

— В чем ее обвиняют? — громко спросил я.

Инквизитор вздохнул, возвел очи горе. Он чуял, что стоит за вопросом, знал ответ, и предвидел, что сейчас произойдет. Бург-майстр Силой не обладал, поэтому вытер круглое лицо платочком, страдальчески вздохнул.

— В ведьмачестве, милсдарь, — выговорил бург-майстр. — В наведении порчи, убиении младенцев...

— Она не ведьма, — сказал я. — Это же ясно. Отвяжите ее.

— К-как? — удивился бург-майстр. — Алексей?!

Священник поднял руки к небу, такому светлому и высокому.

— Вы что, не слышали? — я посмотрел на копейщиков. Войны старательно отвели взгляды.

— Отговаривать бесполезно? — взмахнул руками инквизитор.

— Бросьте, — поморщился я. — Мне что, самому слезть? Бург-майстр?

— Но как же так? — растерялся бург-майстр. Пот тек по дряблым щекам, толстые лоснящиеся губы тряслись. — Леша... Господин маг...

— Она приговорена Трибуналом Инквизиции от семнадцатого сентября, — забубнил инквизитор. — Приговор должен быть приведен в исполнение сегодня, двадцать третьего...

Он почти сумел. В последний момент я поставил блок. Удар, вместо того чтобы свалить меня без движения, только выбил из седла. Упасть я не упал — завис в воздухе. Народ загудел. Кто-то засмеялся, кто-то заплодировал, раздался свист.

— Игры закончились, — сказал я.

— Не надо, — покачал головой инквизитор. Силы у него было много, но недостаточно, чтобы удержаться на месте. Коричневая ряса мелькнула в воздухе и скрылась в ахнувшей толпе. Копейщиков я сбил с ног взмахом руки, сломал копыя, надвинул шлемы на лица. Бург-майстр заплакал.

Толпа начала разбегаться. Завизжала женщина, захныкал ребенок.

Я вернулся в седло, подъехал к шесту. Веревки развязались сами — удобная штука магия. Девушка упала бы, пришлось ее поддержать Силой, донести по воздуху до седла и осторожно

усадить впереди. Что-то копошилось в светлых волосах. Маленький светлый паучок. К добрым вестям.

Выходы с площади перекрыла толпа. Уже ударил колбкол — быстро бегают разносчики дурных вестей. Делать было нечего — пришлось ускакать эффектно, по воздуху, увозя с собой жертву инквизиции.

Хороший мотив для баллады, однако.

Если иссякнет когда-нибудь Сила, будет о чем петь для королей.

— Тебя как зовут, девочка? — спросил я, когда псевдovedьма открыла глаза.

Обезболивающие заклинания действовали. Правда, лекарства и мази еще не успели восстановить ожоги и вывихи. Кровоподтеки сменяли свой цвет на более оптимистичный. Да что там. Все тело было одним кровоподтеком. Похоже, девушка долго отказывалась признаваться — применяли и дыбу, и прижигание, и «перчатки» — на левой руке пальцы оказались почти раздробленными, ногти сошли.

В общем, ее страх можно было понять.

— Я Алексей, городской маг. Слышала, наверное.

Девушка кивнула.

— Меня бояться не надо. Все уже закончилось. Я отбил тебя у инквизиции. Все хорошо.

Девушка испуганно кивнула. Опустила глаза, вздрогнула и сразу сжалась в комок.

— Извини, — я отвел взгляд. — Надо было.

Разумеется, я и так узнал, что она кивнула.

Я быстро отыскал плащ, протянул девушке. Пока сходил за бульоном, она успела закутаться.

— Поешь, — я протянул ей миску. Хлеб есть еще, пожалуй, рано.

Миску девушка не удержала. Испуганно дернулась, замерла, уставившись на не падающий предмет.

— Я же маг, — улыбнулся я. — Тебя покормить?

Колебалась она недолго — проголодалась. Поэтому кивнула. — Я... смогу... — слова давались с трудом. Конечно. У нее же от голосовых связок лохмотья остались после трех недель пыток.

— Да. Уже вечером, — я улыбнулся. — Ты же спрашивала, сможешь ли ты когда-нибудь пользоваться своими руками?

Она кивнула.

Я подсел на кровать, как мог нежно накормил девушку бульоном. Пить из миски ей было не очень удобно, большая часть пролилась бы на плащ — если бы я позволил так ому случиться.

— Так как тебя зовут? — мягко спросил я.

— Свет... ла..

— Света?

Девушка попробовала улыбнуться. Не получилось. Боли она не чувствовала — но пока мышцы не восстановились, многие движения получаться не будут. Недолго — часов за шесть основные повреждения заживут. С рукой посложнее — наверное, не раньше утра нарастут новые ногти.

Ты меня слышишь?

— Да, Света, — подняв бровь ответил я. Не часто поселанки могут говорить мыслями так четко.

Почему ты мне помог?

Я пожал плечами. Я и сам не знал, почему. Как говорил Одаривающий, составляя Договор, я слишком молод для такой Силы. Слишком молод, чтобы быть магом. Во мне чересчур много желаний и порывов. Поэтому Одаривающий и внес дополнительный пункт... Незачем мне было ее спасать — просто не хотелось портить первый день бабьего лета грустным зрелищем. Что я мог ответить?

Спасибо, — улыбнулась девушка.

— Тебе лучше поспать, — мягко сказал я. Разумеется, не только сказал. Усыпить человека маг умеет уже лет в пять. Если он прирожденный маг, конечно.

Девушка была красива. Что-то в ней чувствовалось родное.

Стоп, приказал я себе. Влюбляться не время. Вопрос в том, что с ней делать дальше?

Девушка мирно спала на кровати. Пришлось сесть в кресло, налить вина, щелчком пальцев разжечь камин и попытаться придумать...

— А-ЛЕ-КСЕЙ!

Я набросил покрывало тишины на девушку, вышел на балкон.

Человек стоял во дворе — ворота я обычно не запираю. Монах, из нищенствующего Ордена, в простых сандалиях и тонкой рясе. Даже в теплые дни бабьего лета ему было б холодно, если бы не согревала вера.

— Я слышу тебя, — отозвался я. — Могу предложить что-нибудь выпить? Отдохнуть с дороги? Погреться у огня?

— Нет, — монах жалко улыбнулся, словно извинился. — Я по поручению. Не могу даже в дом зайти.

— Жаль, — ответил я. Обычно не заходили в дом, принося очень дурные новости. — Я слушаю тебя, говори.

— Ордеи Святой Инквизиции велит убраться тебе из города. Если ты не удалишься до вечера за пределы городской зоны, гонцы разъедутся в Орден с просьбой о помощи. Будет собрано городское ополчение, призваны бароны и городские главы. Попробуем получить графа Александра с его вассалами.

— У вас мало шансов, — сказал я, облакачиваясь на перила.

— У тебя их нет, — просто ответил монах. Серые глаза, полные грусти о предстоящем кровопролитии. — Возможно, этой ночью ты отобьешь штурм. Завтра подойдут подкрепления Ордена. С ними будут маги, верные Святой Инквизиции.

Монах был прав. Они сильнее меня. Черт, как некстати.

— Вы знаете, какое сейчас время?

— Время Восьмой Луны. Время разгула нечисти, когда выйти за городскую черту — значит умереть, — кивнул монах. — Я очень сожалею. Но если простить вас, найдутся другие, кто решит, что можно спорить с Трибуналом.

— Но она же не ведьма.

— Это уже не имеет значения.

— Это все?

— Да.

— Спасибо, что поторопился. У меня будет время собраться, — я сгорбился на балконе.

— Ты был хорошим городским магом. Я буду скучать.

— Спасибо...

До границы города — заговоренной борозды, ежегодно обновляемой всеми жителями во время крестного хода, — Света ехала на лошади.

Я надел простой серый плащ, сапоги из кожи Змеглава, тонкую кольчугу под светло-серый камзол. Надел меч — короткий, удобный в походе. В бою он мог удлиниться, надежный меч, магический, заговоренный. Девушке нашелся только плащ и рубаха. Ладно хоть сапожки удалось подогнать. В мешок поместилась вся библиотека. Удобная штука магический мешок — можно пихать вместе со стеллажами. Запас продуктов на пару недель, разумеется, в пузыре холода, чтоб не портились, теплые вещи... В общем, шел я по комнатам и сгружал в мешок все хоть сколько-нибудь ценное. А уходя, взорвал замок.

Без шума и пыли, аккуратно сравнял его с землей и переколотил все камни, чтоб не растащили.

За чертой города я предложил девушке спешиться и отправил лошадь домой — в конюшню. Конюшня осталась цела — не садист же я животных убивать. Уберечь двоих за городом во Время Восьмой Луны я мог. На лошадь бы Силы уже наверняка не осталось.

Формально условие я выполнил — границу пересек. Другое дело, что здесь намного легче было установить защитный купол — дать до конца исцелиться Свете. Палатку не ставил — зачем? Натянул магическую пленку вместо тента от дождя, сотворил защитные стены — непрозрачные. Соорудил что-то вроде отхожего места, заблокировал запахи.

Вот только огонь развел настоящий. Не привык еще к магическому.

После полуночи костерок потух, стало холоднее. Согревались, лежа в обнимку.

Света плакала — пока я не проснулся и не наложил успокаивающее заклинание. Наверное, хватило бы просто обнять покрепче, погладить и пожалеть, но я боялся.

Теперь любовь была бы самоубийством.

Неприятности начались еще до полудня.

Кто-то из Хозяев леса решил пошутить. Он начал тасовать мир, как колоду карт. Я сразу убрал силовой барьер — чтобы хватило Силы противостоять игре. Следить, чтобы «карты» несмотря на тасовку ложились ровно, на свои места. Если бы одна-две нарушили порядок, вероятно, я бы еще сумел восстановить стабильность. Но не больше. Кроме того, надо было вычислять Хозяина — было ясно, что ночь мы не продержимся.

Света все поняла, только настороженно смотрела на меня. Забрала мешок. Взяла меня под руку, старалась пожатиями предупредить о всех неровностях дороги, поддерживать, если я оступался.

Годовалого оборотня-медведя я убил без магии. Просто хватил меч, оттолкнул Свету назад, шагнул вбок и снес оборотню голову. Мне даже почти не пришлось рубить — просто подставил клинок. Света поняла, что произошло, когда я уже вытирал меч о траву.

К вечеру я сумел обнаружить Хозяина. Хозяин слишком увлекся тасованием мира и не выставил достаточной защиты. Может быть, он считал меня неопасным — я был слишком молод

для хорошего мага. В любом случае, Хозяин погиб после первого удара Силой.

На привале Света захотела сделать массаж. Я проверил ее — девушка думала помочь уставшему спутнику. Ничего больше. Я согласился. Первые уколы почувствовал уже во время массажа — маги достаточно чутко улавливают отношение других к себе, если им это важно. Мне было важно. Я балансировал на грани и искал любые поводы, чтобы удержаться. Повод неразделенности любви рухнул во время этого массажа.

На самом деле, выполоть любовь не так сложно, особенно вначале.

Проблема заключалась в том, что я впервые не хотел ее уничтожить — ни в себе, ни в девушке.

— Ты заключил Договор, да? — спросила Света на третий день пути, на привале, когда мы лежали возле костра, отгороженные от нечисти барьером. Я полулежал на локте, девушка устроилась под боком. Было тепло и мягко.

Любовь прогрессировала. А я все еще бездействовал.

— Да.

— Расскажи.

Рассказывать о Договоре не запрещено — просто не принято. Но, как я уже сказал, любовь росла.

— Я был слишком молод. Учитель устал от меня и отправил к Одаривающему раньше положенного срока, — говорить было уютно. Горящий огонь, мягкие волосы, в которые можно зарыться лицом, стоит только нагнуться вперед. Свете это будет приятно. Но тогда мы не переживем эту ночь. — К его удивлению, я ушел не сразу, а дождался Первой Луны — времени обновления и весны, когда нечисть спокойна, а мир реален. Все были удивлены, что я смог отыскать Одаривающего. Больше всех — он сам.

— Никто не знает, где он живет?

— Почему же, — я улыбнулся. — Все знают.

— Он часто уходит?

— Он домосед.

— Тогда в чем сложность?

— Ты веришь, что если ты видишь это дерево, то ты всегда найдешь его здесь, когда бы ты ни пришла сюда? Пока его не срубят, или оно не сгорит, или не рухнет само от старости? Так?

— Конечно.

— А я знаю, что это не так. Хозяева леса тасуют мир во время Восьмой Луны, так что можно проснуться в совершенно

незнакомом месте. Не говоря уже о том, что выбраться из него будет нереально.

— Но тогда дорога весной...

— Будет почти точно такой же, какой была прошлой весной.

— Но как же так?

— Обычно говорят про Порядок и Хаос. Мой Учитель говорил про Стабильность и Изменчивость. Весной Стабильность максимальна, поэтому почти всегда можно знать, что ждет тебя за поворотом, — если только ты не идешь в гости к магу. В летний солнцеворот стабильность достигает пика — и начинает скачиваться вниз. В Седьмую Луну, во время жатвы, нечисть часто выходит к границам городов. Во время Восьмой Луны мир абсолютно Изменчив. Ничего не может оставаться постоянным за заговоренной чертой. После наступает зима — когда все замирает, до новой Первой Луны, весны, когда мир проснется Стабильным снова. Так вот Одаривающий — это ходячая Восьмая Луна. Надо обладать Силой или удачей, чтобы, придя к нему, найти его дом. Собственно, это и является испытанием — для заключения Договора надо всего лишь найти Одаривающего.

— Получается не у всех?

— Получается очень редко. Как правило, приходится учиться лет тридцать без всякого Договора, накапливая могущество год за годом. Правда...

— Что?

— Это могущество нельзя потерять.

— А ты можешь?

— Да. Я заплатил за могущество отказом от любви. Не от плотской — Одаривающий говорил, молодому человеку без нее слишком сложно. От эмоции. От чувства.

Света вздрогнула.

— Ты не можешь полюбить?

— Могу.

— Ты умрешь? — Я видел, как она испугалась. За меня. Я видел, как смешались ее мысли. Бедная девочка.

— Нет. Просто Договор потеряет силу. А я — потеряю Силу. Это не вечный Договор. Только аренда.

Света молчала.

Я помог ей заснуть.

Хозяева не пытались играть с нами — переход превращался в прогулку по осеннему лесу. Воздух был согрет лучами летнего солнца. Золотилась и красовалась листва.

И так хотелось отказаться от Договора. Согласиться, что я слишком молод, чтобы быть магом.

— У нас может получиться? — спросила Света. Я мог бы переспросить — что, но я понял. А она знала, что я понял.

— Да.

— Но ты боишься?

— Нечисть не бросается на нас только потому, что стоит защитный барьер. Если днем я еще, возможно, сумею отбиться от чудищ, то ночь мы не сумеем продержаться точно. Сейчас я удерживаю мир стабильным — не каждому магу это под силу, к счастью, я могу. Как только уйдет Сила, мы потеряемся. Навсегда.

— Но... когда дойдем до города...

— Через два дня.

— Может быть...

— И что мы будем делать? Я не умею ничего. Я даже колдовать толком не научился — хапнул на халяву.

— Что-нибудь придумаем.

— Может быть.

— А почему бы нам не полететь?

— Неправильно построен вопрос, — улыбнулся я.

— Почему?

— Еще проще было бы просто перейти к воротам того города.

— Почему?

— Во-первых, мир Изменчив. Такой переход мог бы дать непредсказуемый результат. Вплоть до гибели. Летать в Восьмую Луну тоже опасно. Впрочем, что не опасно во Время Восьмой Луны?

— Но?

— Но есть и другая причина. Они должны знать, что произошло в нашем городе. А гонец с сообщением, скорее всего, именно полетит.

— Зачем им знать?

— Потому что пусть лучше они обсудят событие, перемоют наши кости и немного успокоятся, чем если мы прилетим, получим прием, а потом будем снова изгнаны — за обман.

— Но...

— А если мы сразу расскажем, нас сразу и выгонят. Кроме того, мне нельзя сейчас появляться в блеске славы. Если я буду унижен и скромнен, есть неплохой шанс обосноваться в городе — медиком, например.

— А если ты перестанешь быть магом?

— Нас могут просто не пустить. Зачем им лишний оборванец? Тебя, возможно, примут — красавиц...

— Замолчи! И не смей, слышишь, не смей...

— Слышу.

Дверь в любовь постепенно теряла запоры и замки. Осталось только посильнее нажать плечом...

Вечером Света захотела искупаться — привести себя в порядок перед входом в город. Я не возражал, только присел на берегу защитить ее в случае чего.

Она не стеснялась — скорее, наоборот, хотела, чтобы я видел ее.

Я и в самом деле был молод — и кровь играла в жилах.

Света ушла под воду без вскрика, и будь я затуманен чувствами еще чуть-чуть, наверное, водяной утянул бы ее на дно.

Я вскочил и Ударил, не рассчитывая, не думая. Я испугался.

Сила рассекла воду, обнажила ил, выплеснула волну на берег. Завизжал водяной, отпустил жертву, умчался на глубину.

Нахлынувшая вода едва не сбила меня с ног. Принесла Свету почти прямо в мои объятия.

Отпустил я ее, только отойдя шагов на сто, испуганно смотрел в ее широко распахнутые глаза, в побледневшее лицо.

— Ты в порядке? — кричал я.

Прошел страх, прошел шок — щеки порозовели, глаза стали осмысленными.

Мы сидели так близко. Глаза в глаза. Синие глаза, как небо. Губы в губы...

— Ты что, сдурел?! — закричал над ухом водяной. Я подпрыгнул, обернулся к пострадавшему. — Я же только пошутить хотел, т-твою... рубашку в лоскуты! Что я, не видел, что она с тобой?

— Извини, — сказал я.

— Извини! И это все, что ты можешь сказать?! Чему сейчас учат магов?!

— Я...

— Вижу, что не ученик! А Одаривающий куда смотрит?! Мальчишке дарить Силу!

— Тише! — рявкнула Света.

— Да молчи ты уж, дура, — вздохнул водяной. — Вам осталось всего ночь продержаться. Завтра уж слюбитесь...

Ночью я долго лежал без сна, глядя в такое высокое летнее небо в начале октября. Во Время Восьмой Луны возможно все.

Даже выйти двадцать четвертого сентября и через пять дней прийти в другой город пятого октября.

Света спала, уткнувшись в мое плечо, под моим плащом.

А я знал, что должен делать — для нее. Для себя.

Скрипел зубами — и выпалывал любовь.

Мою.

И ее.

Было больно.

Утром закончилось бабье лето.

Я достал из мешка теплые плащи, поставил над нами по магическому тенту — моросил мелкий противный осенний дождь. Листья потеряли позолоту, под ногами захлюпала грязь. Холодный ветер больше не нес забавных паучков.

Света смотрела на меня, пытаюсь найти где-то в глубине себя любовь.

Я хорошо знал свое дело — она нашла только пепел, уже остывший. Девушка пыталась его раздуть, отыскать хоть одну неогоревшую головню. Я только грустно улыбался.

За завтраком и последние километры до города шли молча.

Света почти догадалась, что случилось, но в последний момент запретила себе думать об этом. Ей не хотелось верить, что она любила холодное и мерзкое чудовище, равнодушно затоптавшее такое пламя. Она не могла знать, что чувствую я.

Так было лучше.

Встречать нас вышел сам бург-майстр в сопровождении сопровождаемых в латы баронов, при поддержке двух сотен тяжелой пехоты и полусотни лучников и арбалетчиков.

Похоже, город выставил все профессиональное войско.

Спасибо, что не собрали ополчение.

Не было видно бурых ряс отцов-инквизиторов. Значит, Инквизиция не имеет ничего против моего обоснования в этом городе. Теперь все зависит от городских властей. От слова бург-майстра. Хорошо.

Простаки верят, что для приворота нужен любовный эликсир, волшебное зелье, долгие жесты и какая-нибудь вещь объекта.

Чушь.

Достаточно взгляда.

Конечно, простаков никто не разубеждает — раз им так хочется приключений. К тому же они привыкли платить за нечто

осязаемое — например, за кувшин зелья. Кто захочет платить просто за взгляд?

Бург-майстр открыл рот, чтобы сказать внушительную речь. Судя по количеству воинов, он хотел попросить нас удалиться и идти дальше своей дорогой. А потом встретился глазами со Светой. С ее синими глазами, я помнил. Бург-майстр забыл все слова. Я опустил голову, чтобы не видеть, как меняются два лица.

Наверное, это выглядело глупо. Два человека, продрогшие и промокшие, в грязных плащах, стоящие в лужах, под морозящим дождем. А напротив — тридцать всадников в настывающих на холодном ветру панцирях. Двести пехотинцев, зябнувших в железе. Пятьдесят воинов на стенах, пытающихся закрыть тетивы от всепроникающей осенней сырости.

— Мы... — выговорил, наконец, бург-майстр, — рады приветствовать вас в своем городе. Добро пожаловать. Работа для хорошего мага отыщется всегда.

Я склонил голову в почтительном поклоне. Прижал руку к промокнутому плащу, почувствовал что-то, копошащееся на ладони.

Маленький светлый паучок.

К добрым вестям.

СЕРГЕЙ КРИВОРОТОВ

Мой папа

Рассказ

Я люблю подниматься домой, не пользуясь лифтом. Каждый шаг по каменным ступеням гулко отдаётся эхом, замирающим где-то на верхних этажах. В нашем подъезде это получается почему-то особенно громко и внушительно. Словно иду вовсе не я, а кто-то другой, неведомый, огромный. Говорят, будто раньше даже взрослые верили в привидения, нечистую силу и прочую дребедень. Ясное дело, это сказки. Ну, как, скажите, можно серьезно верить в подобное? И всё-таки здорово было бы, заведись именно в нашем подъезде что-нибудь этакое, необъяснимое. Не зря же в нём такое эхо... Но я-то прекрасно знаю, что таковы акустические свойства помещения.

Вот и обитая мягким коричневым материалом дверь нашей квартиры. Спокойно! Это я сам себе команду. Ещё не тронул дверь, а уже знаю: Он там, больше того, я ХОЧУ, чтобы Он там был. Достаточно лёгкого касания пальцем, и дверь распаивается. В прихожей висят Его шляпа и плащ, внизу на полу ботинки сорок третьего размера и дипломат «Made in Hong Kong». Я раздеваюсь, ставлю рядом школьную сумку и иду на кухню.

Из-под приоткрытой двери струится голубоватый дымок, свет падает на цветной линолеум неестественно чёткой полосой. Пахнет нагретой канифолью. Доносится негромкое шипенье и потрескивание.

— Это ты? — раздаётся за дверью.

Просто вопрос, вопросик. Будто может войти ещё кто! Мама же не вернётся с работы раньше семи.

— Я, я! — отрываюсь бодро и решительно открываю остеклённую дверь, закрасненную белой краской.

Вот Он, мой папуля, верхом на табурете. На небритом лице застыла виноватая улыбка. Глаза смотрят на меня вопросительно.

— Ты уже пришёл? — Ещё вопросик! Как будто сам не видит. Но мне приятны его дурацкие вопросы и то, что он здесь. Я представляю, каково было бы без него, и зябко передёргиваю плечами.

— Ну, здорово! — его ладонь хлопает меня по плечу. Есть у него силёнка, я еле сдерживаюсь, чтобы не поморщиться, и насили улыбаюсь в ответ.

Папуля опять что-то сосредоточенно мастерит. Перед ним на столе дымящийся паяльник, кучки разноцветных радиодеталей, сплетения проводков, перевёрнутая пустая коробка, корпус транзисторного приёмника. Неугомонный папуля! Судя по всему, работа ещё в начальной стадии. Он старается явно для меня, пытается сделать что-то важное на его взгляд. Но, видимо, у него не очень получается.

Теперь я чувствую, он ждёт моих вопросов, ему хочется «пообщаться», но я молчу. Мне, правда же, достаточно его присутствия, я ощущаю его тепло, мне хорошо и я молчу.

— Знаешь, дружище, это будет Выполнитель Желаний для тебя, универсальный! Неплохой подарок на твой день рождения, а?

Я делаю заинтересованный вид.

— Что же он сможет исполнить?

— Ну... хочешь — мороженое, например, хочешь...эээ... лимонад...

Бедный папуля, он думает, что это предел желаний для шестиклассника. С каким завидным упорством он изобретает изобретённое, стучится в открытую дверь!..

— Что в школе? — тревожится он, следя за выражением моего лица. — Спрашивали по какому-нибудь?

Я молча качаю головой, объяснить ему всё, как есть, я не в силах, да и не поймёт он. Мой дорогой, мой единственный папулечка с его смешным исполнителем желаний. Ему и невдомёк, что подобные игрушки я мастерил ещё в детском саду.

— Можно мне отдохнуть, а то что-то устал?.. — вру самым бессовестным образом, просто захотелось побыть одному.

— Да-да, о чём разговор. А я ещё повоюю немного, — его лицо принимает серьёзное выражение, голова с поредевшей шевелюрой склоняется над недоделанной радиосхемой.

Я иду в комнату и ложусь на софу. Рядом на тумбочке выдвигается телевизор «Горизонт» со встроенным мною моим Выполнителем — Материализатором Желаемого. Но об этом никто, кроме меня, не знает и не узнает. Даже телемастер принял его за автоматический устранитель помех. Вот благодаря этой мудрёной коробочке я и создал папулю. Да, да, благодаря ей и моему сильному-пресильному хотению.

Я не помню своего настоящего отца, мама говорила, что он погиб при аварии, когда я был ещё грудным. Как бы то ни было, у меня нет о нём никаких воспоминаний. Зато у мамочки их через край, только собери и материализуй. А я... я просто всегда очень хотел иметь настоящего живого отца и завидовал тем, перед кем не стояло такой проблемы. Пусть даже сердитого, неразговорчивого или, наоборот, ворчливого и постоянно читающего мне нудные наставления, но только отца, моего, собственного. Вот чего я всегда страстно хотел. Возможно, именно это желание двигало мной, пока я создавал свои первые простейшие приборы от регулятора настроения до уловителя воспоминаний.

Я знал, что маме не хватает того незнакомого мне и одновременно столь знакомого по её рассказам мужчины, моего отца, что она часто не спит ночами, ворочаясь в постели, и вытирает слёзы в беззвучном плаче, боясь разбудить меня. Иногда она звала меня к себе и подолгу рассказывала о нём...

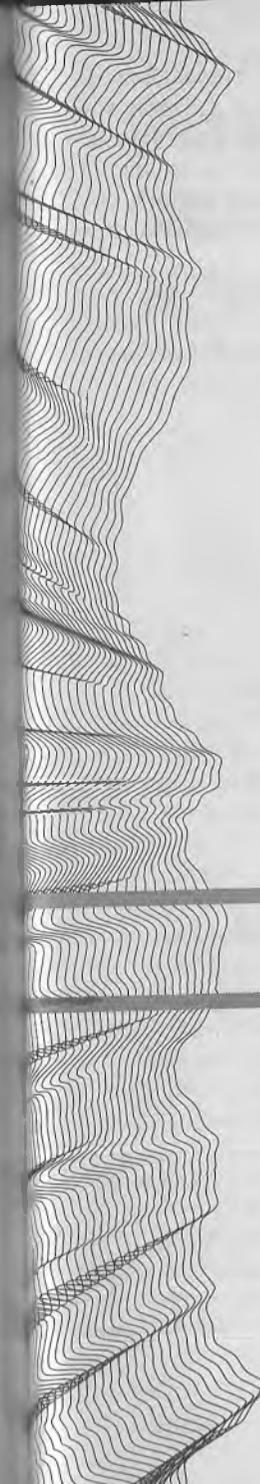
А я сжимал от бессилья кулаки и думал, думал, думал. Почему так несправедливо устроена жизнь? Почему у меня нет обыкновенного папы, как у других? Разве, я не имею на это права? Почему моя мама счастлива, только вспоминая прошлое? Я говорил себе, что обязательно сделаю, чтобы у меня был отец и моя мама снова стала всегда весела. И я корпел над схемами. Другие говорили и говорят, что электроника — моя стихия, что мне всё легко даётся... Если бы только кто знал, чего мне стоило дойти до Материализатора Желаемого!

И вот, совершенствуя прибор, я сделал Его, материализовал, синтезировав мамин рассказы с моими представлениями о Нём. Тот, который сейчас на кухне, уже может находиться в организованном состоянии более трёх часов ежедневно.

Он выглядит, как на карточке, висящей на стене. Для его появления достаточно сильно захотеть... как я хотел и хочу каждый день. Ещё немного, и он будет существовать независимо от моей воли. Тогда я покажу Его маме, как бы заново их познакомлю, а он уж найдёт, что сказать ей, как объяснить своё воскрешение, возвращение оттуда, откуда нет возврата: ведь на то он и взрослый! Он материализуется навсегда, и мы будем жить втроём.

А пока я боюсь, что вот открою дверь на кухню и увижу лишь пустоту. Надо срочно что-то сказать, убедиться, что Он ещё здесь, со мной. И я, подняв с надеждой голову, громко зову:

— Папа!



ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

Резиновая эволюция и человек

(Фантастика и кино: исторический контекст)

Кто бы что ни говорил, но для современного человека динозавры — это прежде всего не палеонтология, а кинематограф.

Динозавры поражали воображение человека с тех самых пор, как впервые появились реконструкции их внешнего вида — в монографиях, романах, на иллюстрациях, в виде игрушек. Но по-настоящему они завоевали мир только благодаря кино.

Зритель влюбился в древних ящеров мгновенно и навсегда. Они были чем-то, что когда-то существовало в действительности, но живыми их не видел никто из *homo sapiens*. Динозавры сочетали в себе реальность и фантастичность. Древность и мечту. Их можно было безопасно и от души бояться, сидя в зале и глядя на экран.

Иллюстрация в старой книге: зарисовка скелета хищного динозавра, рядом реконструкция внешнего вида живого ящера, рядом (справа внизу) для масштаба — маленькая фигурка стоящего человека. Уже само по себе это сочетание динозавра и человека на одной странице вызывающе условно, оно просто-таки взывает к фантазии...

А в кино вообще ничего не надо выдумывать — на экране они как живые.

Появление спецэффектов взорвало документализм кинематографического изображения. Жорж Мельес сделал кинемато-

графический фокус полноценным жанром, каким была уже давно сценическая иллюзия. В 1906 году первый подход к рисованной мультипликации делает Джеймс Стюарт Блэктон — его короткометражка «Смешные гримасы забавных рожиц» считается одним из первых (здесь исследователи стараются быть осторожными в определении приоритетов) анимационных фильмов в истории. Она представляет собой серию рисунков мелом на грифельной доске — рисунки вдруг оживают и начинают перемигиваться, художник вмешивается, правит им причёски, стирает их, рисует новые... Через два года к мультипликации обращается француз Эмиль Коль. В его «Фантазмагории» тоже используются мел и грифельная доска; его рисунки нарочито и почти по-детски условны, а сюжет представляет собой быструю смену переходящих друг в друга изображений и ситуаций; само движение изображения является содержанием фильма.

Плоскостная анимация начинает бурно развиваться, становится коммерческим жанром, мультипликаторы один за другим представляют публике своих персонажей. В 1914 году американец Уинзор Маккей познакомил публику с нарисованной динозаврихой Герти, которая на несколько лет стала любимицей зрителей всех возрастов.

В России Владислав Старевич изобретает объёмную кукольную мультипликацию: начиная с 1912 года в его фильмах оживают жуки, кузнечики, другие насекомые. Сделанные с невероятной для того времени тщательностью, фильмы Старевича были для публики настоящим потрясением: зрители не могли себе представить, как можно заставить жуков сражаться на дуэли, играть на музыкальных инструментах, разыгрывать бытовые сценки, ходить строем... Побывавший на киносеансе репортёр лондонской газеты «Evening News» писал: «Как всё это сделано? Никто из видевших картину не мог объяснить. Если жуки дрессированные, то дрессировщик их должен был быть человеком волшебной фантазии и терпения. То, что действующие лица именно жуки, ясно видно при внимательном рассмотрении их внешности. Как бы то ни было, мы стоим лицом к лицу с поразительным явлением нашего века...»

Сейчас достижения и приоритет Старевича с великолепным простодушием замалчиваются, но серьёзных конкурентов, так или иначе, у его съёмочной техники не было несколько лет. Уиллис О'Брайен, которого американцы считают основоположником кукольной анимации, выпустил первый короткометражный фильм только в 1915 году — его мультик был шуткой на темы

каменного века и назывался «Динозавр и потерянное звено эволюции: Доисторическая трегедия». О достоинствах его техники можно спорить (мне лично представляется, что анимация у него получалась тогда заметно грубее, чем у Старевича, не говоря уже о совершенно никакой художественной содержательности), бесспорно другое: именно Уиллис О'Брайен первым вывел на экран кукольного динозавра.

Почти сразу стало ясно, что публика именно динозавров на экране принимает «на ура». О'Брайен принялся усиленно совершенствовать свои куклы и способы съёмки и за несколько лет добился поразительного прогресса. Когда студия «First National» и режиссёр Гарри Хойт рискнули взяться за немую экранизацию романа Артура Конан Дойла «Затерянный мир», техническим фундаментом фильма с неизбежностью стали разработки О'Брайена — едва ли не большая часть фильма была снята только и исключительно им. Тиранозавры и трицератопсы, птеранодоны и стегозавры поглотили экранное время, почти вытеснив людей. Эффективно объединять в одном кадре кукольную анимацию и живого актёра тогда ещё не умели, поэтому в сценах с динозаврами вместо актёров использовались изображавшие их куклы, а в нескольких случаях был применён приём «разделения экрана» — актёрам отводился свой «кусочек» кадра, а на остальном его пространстве царила анимация О'Брайена. Финал фильма отличался от финала романа — вместо вполне транспортабельного птеродактиля профессор Челленджер в качестве доказательства своего открытия привозил в Англию огромного бронтозавра, который вышагивал внушающей ужас громадой по лондонским улицам...

Именно этот образ стал одним из ключевых во всей последующей кинофантастике: столкновение современной цивилизации с чем-то древним, стихийным, неоодолимым и смертельно опасным. Бронтозавр Челленджера весьма скоро трансформировался в гигантскую гориллу Карла Дэнхэма, на смену которой пришёл Годзилла. Образ менялся, обрастая шерстью и чешуёй новых смыслов и мотивов, но основа его оставалась прежней даже через много десятилетий: у Стивена Спилберга в продолжении «Парка юрского периода» в тиранозавре, вырвавшемся на улицы Лос-Анджелеса, новой была только созданная на компьютере внешность чудовища. Смысл образа оставался прежним: человек снова и снова пытался утвердить свою власть над живой стихией и раз за разом расплачивался за свою самонадеянность.

Но для того чтобы этот образ «заработал», стихия должна была быть именно «живой». Зритель не поверил бы в очередную

нарисованную «Герти», и максимальная достоверность анимации стала главной целью О'Брайена. Он сделал в этом отношении всё, что мог. Остальное сделало воображение зрителей.

Даже при современной частоте смены кадров (24 в минуту) движение в кукольной анимации не выглядит естественным, а в 1920-х годах плёнка двигалась заметно медленнее — ещё приняты были скорости съёмки и воспроизведения 16 и 20 кадров в секунду. Рывки и дискретность движения кукол на экране можно было заметить невооружённым глазом. В современных фильмах быстро движущийся «спецэффект» искусственно «смазывается», что полностью снимает впечатление «пошаговости»; у О'Брайена, естественно, таких возможностей не было. Но они были и не нужны: зритель был готов верить экрану и так. Лучше всего это продемонстрировал розыгрыш, устроенный в связи с этим фильмом сэром Конан Дойлом: в 1922 году он приехал в Штаты, впечатлился сделанными О'Брайеном рабочими фрагментами и, будучи большим любителем розыгрышей, рискнул продемонстрировать плёнку на заседании Американского общества иллюзионистов. Фокусники в полном ошеломлении отсмотрели фильм, в котором аллозавры нападали на семейство трицератопсов. Никаких комментариев писатель при этом аудитории не дал, оставив увиденное на экране без объяснения. На следующий день «New York Times» опубликовала отчёт об этой демонстрации на первой полосе; репортёр Нил Петтигрю с профессиональной объективностью сообщил о том, чему он был свидетелем: «Чудовища древнего мира, — или нового мира, если господин Конан Дойл его действительно открыл, — выглядят поразительно реалистичными. Если это и подделка, то мастерская».

Вышедший на экраны в 1925 году «Затерянный мир» стал безусловным хитом, и О'Брайен начал готовить следующий фильм про столкновение людей с доисторическими чудовищами. Проект получил предварительное название «Сотворение», сюжет его был выдержан в традициях классического приключенческого романа. Группа путешественников на яхте молодых бездельников попадает в шторм; с гибнущего судна их спасает случайно оказавшаяся поблизости подводная лодка. Уйдя под воду, лодка обнаруживает там странных огромных животных и вскоре всплывает у берега острова, отсутствующего на картах. Высадившаяся на берег команда сталкивается с доисторическими существами и большей частью гибнет. Оставшиеся в живых сами не в состоянии управлять субмариной и покинуть остров. Не переставая

сражаться с чудовищами, они пытаются построить передатчик, обнаруживают руины древнего храма, переживают уничтожающее извержение вулкана. В последний момент их спасают прилетевшие самолёты.

«Сотворение» было для О'Брайена фильмом его мечты. Он даже заранее сделал для него довольно много готовых сцен с динозаврами. Однако необходимые на такую масштабную постановку затраты неизменно отпугивали одну кинокомпанию за другой. В 1931 году проектом заинтересовались продюсер Дэвид Сэлзник и студия RKO. Была начата предварительная работа, даже отснято кое-что, однако вскоре стало ясно, что трудности и стоимость постановки киношники явно недооценили. В результате проект был закрыт — к этому, по слухам, приложил руку сотрудник RKO Мериан Купер, — а взамен О'Брайену предложили поучаствовать в проекте под названием «Восьмое чудо света», режиссёром которого оказался по странному совпадению тот же Мериан Купер....

В процессе съёмок «Восьмое чудо света» переименовалось — в предварительной рекламе фильм назывался «Зверь», затем «Конг», а на экраны в марте 1933 года вышел под названием «Кинг-Конг».

Фильм стал легендой практически сразу — и остаётся ею по сей день. Количество использованных в нём кинематографических новаций феноменально. Уиллис О'Брайен впервые в истории безупречно совместил в одном кадре живых актёров и кукольных чудовищ. Впервые в истории созданный с помощью кукольной анимации персонаж стал фактически главным героем игрового фильма. У кукольного Конга были выразительные крупные планы (для их съёмок был сделан бюст в натуральную величину с управляемой мимикой) и в целом он «работал» в фильме как полноценный и персонаж, в сцене смерти зритель ему искренне сопереживал. Впервые в истории действие фильма сопровождалось музыкой, специально написанной как органичный фон для происходящего в нём действия...

И снова был достигнут новый уровень достоверности фантастической картинки, по сравнению с которым динозавры из совсем недавнего «Затерянного мира» выглядели уже архаикой. Детальность проработки кукольной модели и техника съёмки были поразительны для тогдашнего зрителя, на образ работали даже неизбежные технические издержки — например, критики в восхищении писали о том, что у кукольного Конга даже шевелится шерсть на загривке, хотя это шевеление было всего-навсего

результатом прикосновений к кукле пальцев О'Брайена, который для съёмки очередного кадра менял позу Конга.

Кстати, личный вклад О'Брайена в фильм и в этот раз был неимоверен — одну только сцену поединка Конга с птеродактилем он снимал семь недель кряду, а подобных эпизодов в фильме было множество. (Некоторые из них оказались настолько эмоционально насыщены, что после тестовых показов их пришлось вырезать из прокатной версии — например, зрители очень тяжело реагировали на сцену гибели моряков, упавших в ущелье с гигантскими пауками и крабами.) Но, призванная заслуги аниматора, история так и не собралась, по большому счёту, воздать ему должное: ни один из задуманных им проектов так и не был воплощён при его жизни, да и жизнь его складывалась не так чтобы очень удачно. Единственного «Оскара» он получил за вполне средний фильм 1949 года «Могучий Джо Янг», на котором работал скорее консультантом, а спецэффекты на самом деле делал молодой Рэй Харрихаузен.

Вот кого известность и популярность стороной не обошли — Харрихаузена. Посмотрев «Кинг-Конга» в 1933 году, Рэй ещё подростоком «заболел» спецэффектами. В 1952 году фильм был повторно выпущен на экраны — и поднял своим новым успехом настоящую волну «фантастики о чудовищах», и создавал этих чудовищ с неизменным успехом именно Харрихаузен. «Чудовище с глубины в 20 тысяч саженей», «Седьмое путешествие Синдбада», «Язон и аргонавты», «Миллион лет до нашей эры» (ах, какие там были динозавры!), «Золотое путешествие Синдбада» — многие из этих волшебных фильмов прорвались даже сквозь «железный занавес» в кинотеатры СССР и вызвали пожизненный восторг у советских мальчишек...

Впрочем, у советского кино была собственная гордость — фильм «Новый Гулливер», вышедший на экраны в 1935 году полнометражный дебют режиссёра Александра Птушко. Фильм этот называют иногда первым полнометражным мультипликационным фильмом, однако это утверждение вызывает сомнения — ещё в 1930 году Владислав Старевич закончил во Франции съёмки своего полнометражного шедевра «Рейнеке-Лис», однако его фильм тогда так и не вышел на экраны. «Новый Гулливер», впрочем, можно без всяких сомнений назвать первым в мире фильмом, в котором игровой персонаж действует в художественном пространстве, целиком созданном средствами кукольной мультипликации. Достижения советских кинематографистов впечатляют: в фильме в массовых сценах было использовано до

1000 кукол одновременно, и при этом взаимодействие живого актёра с кукольными персонажами организовано с поразительным мастерством...

К сожалению (хм), в «Новом Гулливере» нет динозавров; однако без них и отечественная кинофантастика не обошлась: древние ящеры обнаружили на Венере, на которую прибыли космические экспедиции СССР и США в фильме Павла Клушанцева «Планета бурь» (1962)...

Необходимость создать на экране фантастический образ рождала новую кинематографическую технологию, на смену которой вскоре приходила новая, более совершенная. Образы менялись соответственно, они усложнялись, приобретали новые степени свободы, снова упирались в технологические барьеры, ломали их — и шли дальше, дальше, с экрана на экран, из фильма в фильм, в вечном поиске новых барьеров. И каждый раз находились люди, которым новый барьер оказывался по плечу, и каждый раз новое поколение «динозавров», всё более реалистичных, всё более достоверных, прорвав мембрану экрана, вступало в покорённый зрительный зал. Да, кое-кто из кинематографистов заигрался картинкой, утонул во власти, которую даёт ему совершенный спецэффект. Но это просто увлечение. Оно пройдёт, а эффективный инструмент — останется.

Спасибо динозаврам.

Удивительно, как некоторые вполне обычные образы, попав в обиход масскульта, приобретают новое содержание. Гигантская обезьяна, образ, давно разобранный на элементарные толкования последователями Фрейда, становится общепонятным воплощением ужаса человека перед могуществом якобы покорённой им природы. А древний ящер, предмет изучения вполне сухой и строгой палеонтологии, превращается кинематографом в метафору грозного чуда, которое раз за разом вырывается из-под контроля переоценивших свои возможности учёных.

Каков механизм появления подобного образа? Как вообще получается то, что критики впоследствии начинают называть «иконами массовой культуры»?

Случайность? Возможно, Уиллису О'Брайену было элементарно проще сделать достоверного резинового динозавра (кто из зрителей знает, какой он был на самом деле, если даже учёные об этом спорят?), чем резинового слона (которого каждый желающий может сравнить с живущим в зоопарке). Это был для него простой путь...

Практический расчёт? Может быть, Мериан Купер прекрасно понимал, что гигантская горилла — это образ, железной хваткой цепляющий коллективное бессознательное. И это было для него лишь частью бухгалтерии успеха, как прикидка бюджета фильма на салфетке...

А может, просто наступает время, когда оказывается востребованным один из множества образов, постоянно создаваемых массовой культурой. Когда складывается для него культурный контекст, воедино связываются, порождая необходимость именно в этом образе, множество событий и обстоятельств.

Когда люди, глядя на экран, вдруг осознают: именно в этом чудовище есть какая-то глубокая правда, которую не отменяют ни дефекты мультипликации, ни глуповатый пафос финальной фразы, ни примитивная игра актёров...

Образы, которые обретают такую популярность, — прекрасный материал для того, чтобы судить об эпохе.

В том числе и о нашей.



ЛИЧНОСТИ

ИДЕИ

МЫСЛИ

Подводная часть айсберга

(Размышления об Америке и американцах)

— Капитан, — спросила нарядно одетая дама. — А что случится, если наш корабль столкнется с айсбергом?
— Да, ничего особенного. Айсберг как плыл, так и будет плыть.

Все-таки ничто так не поднимает национальное самосознание, как наблюдение за чужими политиками. Самое время бросать в воздух чепчики и кричать: «Вперед, Россия!».

Выборы в США выдержаны в стиле шоу «Дом-2» с Ксюшей Собчак в качестве ведущей. Чтобы зрителям было удобнее следить за происходящим, кандидаты носят запоминающиеся маски, и не составляет труда восстановить прослушанную реплику в диалоге или даже подробность случайно пропущенного эпизода.

Вот президент Джордж Буш-младший, сынок Буша-старшего, — классический Старый Ковбой с улыбкой в стиле: «Здесь нечисто играют!».

Кандидат Маккейн выбрал маску Параноика-Антикоммуниста. Коммунисты, правда, в основном, вымерли, но так даже смешнее.

Хиллари Клинтон — разумеется, Беспощадная Стерва. Ее участие в предвыборной кампании повышает зрительский рейтинг мероприятия хотя бы тем, что заставляет вспомнить про Билла Клинтона и Моника Левински, а «Секс в большом городе» всегда популярен у населения. Даже жаль, что «режиссеры» вычеркнули ее раньше времени... вероятно, не сошлись в сумме гонорара.

Барак Обама — эту фигуру можно раскрашивать и в трагические, и в комические цвета. Во всяком случае, наличие

этого кандидата придает шоу шарм, присущий любой клоунаде.

Предстоящие выборы очень важны для Америки. Соображения общеполитические указывают, что страна, оказавшись неоспоримым мировым лидером, попала в известный сюжет гибели Рима, причем последовательность событий на десятилетия вперед может быть выписана очень точно. Все это мы уже проходили не раз: после Римской империи погибла испанская католическая сверхдержава, а уже почти в наши дни — «владычица морей» Великая Британия. Понятно, что до грядущей катастрофы еще далеко, но с каждым шагом в глубь сюжетной «воронки» повернуть назад все сложнее.

Соображения стратегические рисуют картину трагических ошибок, совершенных администрацией Дж. Буша за восемь лет ее несчастливого правления. Началось все после памятной атаки на Всемирный Торговый Центр 11 сентября 2001 года. Удар был впечатляющим, хотя для такого государства, как США, мало значимым. До сих пор неизвестно, сколько именно людей погибло в башнях-близнецах (американцы говорят о 3100 погибших, оценки экспертов дают вдвое большие цифры), но, во всяком случае, — намного меньше, чем от медицинских ошибок или дорожных аварий.

Реакцией руководства США на террористический удар из ниоткуда стал террористический удар в никуда. Две войны: с Афганистаном и Ираком. Обе войны оказались для США убыточными. В стране возникло недовольство деятельностью администрации, тем более что Буш, пытаясь удержать на плаву иракскую кампанию и американскую экономику, плавно опустил доллар на треть номинала.

Замечу, что как раз это решение Дж. Буша было совершенно правильным, хотя и запоздавшим. Но в итоге доллар упал, качество жизни населения упало, а на соотношении экспорта и импорта эта мера почти никак не сказалась и даже не снизила остроту ипотечного кризиса.

Войны дорого обошлись Америке и ее экономике, но среди последствий падения башен не они были самыми серьезными. Для того чтобы отстроить ВТЦ, нужно два-три года. Для того чтобы оплакать американцев, погибших среди руин небоскребов, в рухнувших самолетах и на азиатских фронтах, и вырастить им замену, нужно двадцать лет. Поколение. Но и сотни лет не хватит, чтобы восстановить ту американскую свободу, которая была зачеркнута терактами 11 сентября. Для американцев 1990-х го-

дов (не говоря уже о 1960-х) сегодняшние Штаты оказались бы тюрьмой, тоталитарным полицейским государством, до боли напоминающим знакомые с детства карикатуры на Советский Союз или хомейнистский Иран. «Лучший способ избавиться от дракона — это иметь своего собственного»?

На уровне тактики проблемы множились проблемами же. От привычных коррупционных скандалов с использованием президентских привилегий до ипотечного кризиса, от дела «Энрона» до продажи японской «Тошибе» такой значимой корпорации, как «Вестингауз Электрик». Да, еще «Катрина» в Нью-Орлеане и катастрофа «Колумбии».

При этом нужно учесть, что впечатляющие цифры американского валового продукта в значительной мере объясняются практикой «двойного счета» и капитализацией на территории США мировых транснациональных корпораций. Когда-то таким центром капитализации был Лондон, а завтра им может стать Токио или Шанхай.

История США убедительно демонстрирует силу этого государства и его способность к выживанию. Именно в критический для страны момент воля народа, случайность, американский Бог... что-то выталкивает на политическую авансцену именно того президента, который способен не только спасти Америку, но и превратить кризис в источник развития и трамплин для процветания следующих поколений американцев. Это — тоже сюжет, освященный именами Джона Кеннеди, Франклина Рузвельта и Теодора Рузвельта, Авраама Линкольна, Джорджа Вашингтона и многих других.

Откровенно говоря, я был уверен, что победу на выборах 2008 года одержит демократ, что это будет человек с интеллектом Клинтона, мудростью Франклина Рузвельта, волей — Теодора Рузвельта, энциклопедизмом Вильсона и харизмой Линкольна. Я полагал, что содержанием политики нового президента станет возврат к доктрине Монро: избыточный контроль над западным полушарием ценой отказа от империалистической политики в Евразии и Африке. Далее — решение экономических проблем, преодоление кризиса в энергетике, новый технологический прорыв, причем не только в «мейнстриме» (нано-, био-, инфотехнологии), но и, прежде всего, прорыв в технологиях управления.

Невооруженным глазом видно, что наши уроки из шоу «Дом-2» ничего подобного сделать не в состоянии. По правде говоря, они даже не подозревают, что в стране системный политический и экономический кризис. «Если б Остап узнал, что он

играет такие мудреные партии и сталкивается с такой испытанной защитой, он крайне бы удивился».

Так что же, когда Господь решает наказать страну, он лишает ее достойных руководителей? Так рассуждают сегодня в Европе и Китае, в Японии и Иране и, конечно, в России. Наша страна как раз завершает путь от комплекса неполноценности к комплексу превосходства, так что россияне не преминут лишний раз посмеяться над действующим мировым гегемоном.

Смеяться над развлекательным предвыборным шоу действительно не грешно, но было бы опасно, и я сказал бы — смертельно опасно принимать это шоу за чистую монету и оценивать сегодняшние Штаты по интеллекту Дж. Буша, а американский образ жизни по проверкам в аэропортах, харрисменту или политкорректности.

Америка напоминает айсберг, ее невидимая подводная часть больше и значимее, чем надводная.

В своих расчетах выборов 2008 года я не учел одну немаловажную деталь: к концу 2007 года, когда выявились проблемы с ипотечными кредитами и, одновременно, стало ясно, что в Южной Америке «что-то происходит», осторожные и разумные стратегии перестали быть для США актуальными. Поздно! Поезд ушел. Разумеется, американские аналитики — лучшие в мире! — поняли это до того, как сложился Южноамериканский Союз и всерьез встал вопрос о южноамериканской валюте, конкурентной доллару.

В новой ситуации «доктрина Монро» уже не спасает положения. Южная Америка — и уже не только Венесуэла, но и Бразилия с Аргентиной — должны рассматриваться в лучшем случае как конкурент, в худшем — как противник. Решать южноамериканский вопрос силой — это сразу после Ирака или параллельно с Ираком ввязываться в военную компанию, не имеющую границ и экономически провальную.

Итак, «доктрина Монро» не поможет. «Нормальный» империализм ведет в пропасть «гибели Рима». Внутри страны положение крайне напряженное, и по мере ухудшения экономической ситуации проблемы усиливаются, причем средний класс — гарант социальной устойчивости, по сути, уже уничтожен антропопоток из стран Третьего мира.

Советский Союз сдался в подобной ситуации.

Но если Россия имеет многовековой опыт успешно подниматься с колен, то Соединенные Штаты никогда не вставали на колени. И, оказавшись в сложнейшей за всю историю страны

ситуации, американские элиты начали поиск выхода. Последние годы в США — время огромной поисковой активности — в литературе, в кино, на телевидении, в науке, в культуре.

Прежде всего, американских граждан стали мягко учить, что не все на свете кончается хэппи-эндом. Последний «Терминатор» отнюдь не венчается победой «светлых сил». Умирает главная героиня «Моста в Терабитию». Погибают все герои «Монстро». Американцам объясняют суть формулы: делай, что должен, и будь, что будет. Это — ресурс, и мы знаем, насколько велик этот ресурс.

В «Крепком орешке 4.0.» дочь главного героя, захваченная в заложники, получает возможность поговорить по телефону с отцом: похитителям нужно продемонстрировать, что она еще жива. Четырнадцатилетняя девочка произносит: «Папа их всего четверо вместе с главным». И вешает трубку.

Извините, но это — уже совсем другая Америка, и против нее привычные русские козыри могут и не сыграть. Скорее всего, не сыграют.

Д. Симмонс и В. Виндж, оба, кстати, математики по образованию, подвергают литературному анализу ряд сценариев Будущего, разработанных американскими «фабриками мысли». Речь идет не о тех сценариях, которые опубликованы в отчете «РЭНД-корпорейшн» и вызывают у нас смех своей убожеством. Увы, «тупые американе» всерьез интересуются дальними социальными аспектами информатизации («Падение Гипериона») и внедрения нанотехнологий («Олимп», «Илион»). Не секрет для них и «предельный переход» от эволюционного к спонтанному социальному развитию («Затерянные в реальном времени»).

Четвертый или уже пятый год идет на американских экранах сериал про доктора Хауза. Конечно, Америка — страна политкорректная и законопослушная, только вот главный герой этого сериала — и герой безусловно положительный — наркоман и грубиян, ведет себя по отношению к Закону, как новый русский из анекдотов, отпускает малопрстойные в пуританской стране шуточки в адрес женщин, не особенно различая начальницу и подчиненных. Да еще он агрессивно не верит в Бога и даже не пытается уважать веру других людей.

Но он спасает людей. Любой ценой и невзирая ни на что.

Он ищет истину. И тоже — любой ценой и не взирая ни на что.

Он руководит групповой работой, до странности напоминающей организационно-деятельностную игру по методике Г.

П. Щедровицкого. Самый эффективный и самый жесткий метод групповой работы. «Только смертельно обиженный методолог может начать мыследействовать». Да, мы тоже это умеем, и, на самом деле, умеем больше. Но у нас это умение — ноу-хау еди-ниц, может быть, десятков.

У них — телевизионный сериал, массовый тренинг на всю Америку.

Есть еще и Дж. Мартин со своим обстоятельным фантастическим анализом Средневековья — кивок нефеодалному пути развития, и когнитивный «Файерфлай» — космическая опера с постиндустриальной свободой отношений. При этом я учитываю только произведения, которые уже дошли до нашего рынка и переведены на русский язык.

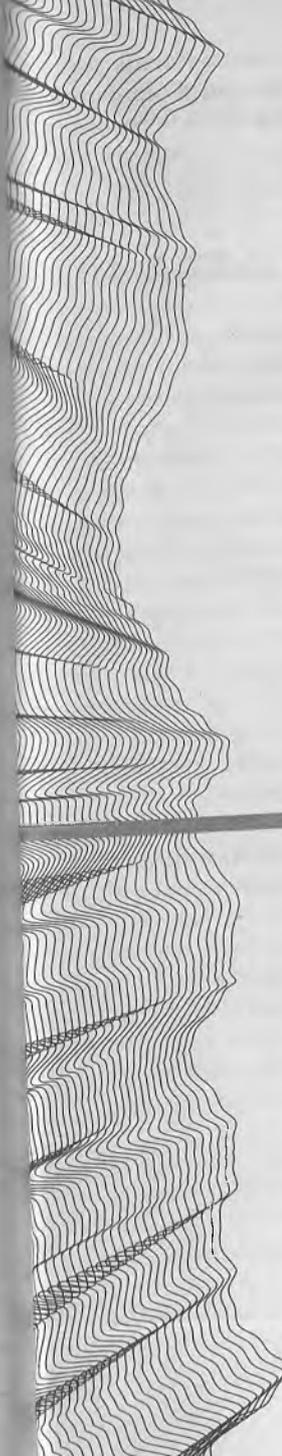
В науке США не только всерьез вкладываются в нанотехнологии, но и, не афишируя особо, занимаются нечетким управлением и бесцелевыми стратегиями. Их энергетическая программа эгоистична донельзя, но она выполнима и худо-бедно обеспечит американскую экономику электроэнергией. А это позволит и дальше капитализировать мировые ТНК на территории США, даже если доллар будет продолжать падать в цене.

Американцы ищут выход.

Они еще не нашли его и поэтому взяли тайм-аут на предстоящие выборы. В конце концов, в критической ситуации, если тебе позарез нужно выиграть время, сойдет и маска шута горохового.

Шоу «Обама—Маккейн» будет продолжаться.

И будет продолжаться подспудная работа американских зна-ниевых структур, которых у них, по моим подсчетам, полторы тысячи наберется против четырех-пяти российских.



ИНФОРМАТОРИЙ

Владимир Михайлов (1929 – 2008)

28 сентября, на 80-м году жизни, скончался один из старейших отечественных фантастов Владимир Михайлов.

Родился Владимир Дмитриевич в 1929 году в Москве. В 1945 году переехал в Ригу. До конца 1980-х жил в Латвии, потом вернулся в Москву. В литературу пришел в середине 1950-х. Первая фантастическая повесть «Особая необходимость» вышла в 1962-м.

Большую популярность В. Д. Михайлову принесла диалогия о капитане Ульдемире — романы «Сторож брату моему» (1976) и «Тогда придите, и рассудим» (1983). На общем фоне советской фантастики книги Михайлова выделялись особым психологизмом.

Помимо собственной литературной деятельности Владимир Дмитриевич большое внимание уделял активной поддержке начинающих авторов. Руководил Рижским семинаром молодых фантастов, был одним из руководителей общесоюзного Малевского семинара молодых фантастов, за учебными партами которого побывали очень многие из ныне работающих в области русской фантастики писателей.

В. Д. Михайлов — член СП СССР (1964) и СП Москвы (1997).

Лауреат множества литературных премий — от «Великого кольца» (1983) до «Большого Роскона» (2002).

Прощайте, мэтр!

Редакция
(Фото Сергея Каташа)



4

«Созвездие Аю-Даг» — 2008

С 16 по 19 октября в поселке Партенит прошел Второй крымский открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг». Конвент проводился на базе лечебно-оздоровительного комплекса «Айвазовское» на берегу моря и собрал около ста человек из России, Украины, Беларуси и Литвы — в том числе писателей Дмитрия Громова (Харьков), Андрея Валентинова (Харьков), Владимира Васильева (Николаев-Москва), Дмитрия Казакова (Нижний Новгород), Дмитрия Володихина (Москва), Дмитрия Федотова (Москва), Андрея Щербака-Жукова (Москва), Вадима Кирпичёва (Москва), Антона Первушина (С.-Петербург), Сергея Слюсаренко (Киев), Ярослава Верова (Донецк), Игоря Минакова (Москва), Юрия Иваниченко (Симферополь), Андрея Гальперина (Евпатория). В работе «Созвездия Аю-Даг» принимали участие представители издательств «Эксмо», «Вече», «Таврия», «Снежный Ком» и «ПринТерра», журнала «FANтастика», «Независимой Газеты», а также критики, редакторы, начинающие авторы и многочисленные фэны. В рамках фестиваля работали мастер-классы А. Валентинова «Альтернативная история и криптоистория», Д. Казакова «Фэнтези во всех её проявлениях», Д. Володихина «Рецензия на фантастическое произведение», семинар Д. Федотова по фантастическому рассказу «Крупные проблемы малой формы», семинар по фантастической критике В. Владимирского и Д. Володихина, конкурс фантастического рисунка под руководством художника Н. Редьки «Нереальное в реальном». Состоялись концерты групп «Зимовье Зверей»

(С.-Петербург), «Лофофора Spellbound» (Киев), «Бобровая Хатка» (Москва), выступление Поэтического Содружества Информантиков (ПСИ) (Москва). Для участников фестиваля были организованы экскурсии в Партенитский дельфинарий, на винзавод «Массандра» и Ялтинскую киностудию. Увенчалось мероприятие роскошным праздничным фейерверком.

На фестивале вручались премии имени Александра Грина «Золотая Цепь» (ее обладателем стал Антон Первушин за роман «Звезда»), имени Людмилы Козинец «Фиолетовый Кристалл» (лауреат — Владимир Васильев за роман «Сокровище Капудании»), награды Общества исследователей русской фантастики (в номинации «Критика» победил Дмитрий Володихин с монографией «Интеллектуальная фантастика», в номинации «Публицистика» — Геннадий Прашкевич с книгой «Красный сфинкс», в номинации «Рецензия» — Глеб Елисеев с рецензией «Заледеневшая сага» на романы из цикла Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и огня»), а также дипломы участникам мастер-классов.

Московское издательство «Вече» планирует выпустить сборник, в который, наравне с произведениями мэтров, войдут тексты молодых писателей и критиков, участвовавших в конкурсах конвента «Созвездие Аю-Даг».

*Василий Владимирский,
по материалам пресс-релиза*

Наши авторы

Сергей Бережной (род. в 1966 г. в Севастополе). Журналист и писатель. Постоянный участник семинара под руководством Бориса Стругацкого. Ведущий нашей рубрики «Параллельные миры». Под псевдонимом **Сергей Стрелецкий** неоднократно печаталась художественная проза. Живет в Санкт-Петербурге.

Майк Гелприн (род. в 1961 г. в Ленинграде). Закончил Ленинградский политехнический институт. Публиковался в различных журналах России, Украины и США. В настоящее время живёт в Нью-Йорке. В нашем издании печатался неоднократно.

Владимир Гутнин (род. в 1972 г. в Москве). Закончил музыкальное училище им. С. Прокофьева и Литературный институт им. Горького. Работает копирайтером. Пишет прозу с 18 лет. Публиковался в различных изданиях: «Химия и жизнь», «Контекст-9» и др. Имеются публикации в Интернете. В альманахе «Полдень, XXI век» произведения В. Гутнина печатались неоднократно.

Сергей Карлик (род. в 1972 г.). В газете «Просто фантастика» в ноябре прошлого года был опубликован рассказ «От каждого по желанию». Живет в Москве. Работает начальником отдела продаж в небольшой фирме по обслуживанию и продаже печатно-множительной техники. В нашем альманахе напечатан рассказ С. Карлика «По-волчьи» (№3 за 2008 г.).

Елена Кушнир (род. в 1975 г. в Москве), где и живет. Закончила юридический факультет МГУ, но не работала юристом ни единого дня. За последние 10 лет писала о моде и красоте для многих «глянцевых» изданий, включая «ОМ» и «Cosmopolitan». В настоящее время — копирайтер и журналист-фрилансер. Довольно известный автор в блогосфере рунета, блог <http://lazzo-fiaba.livejournal.com>. Литературных публикаций пока не имела.

Дмитрий Лященко (род. в 1983 г. в Москве). В 2005 году окончил Литературный институт. Получив диплом с неясной формулировкой «литературный работник», «пошел в люди». За период с 2000 по 2008 гг. сменил около десяти работ, начиная от кассира в «Макдоналдсе» и заканчивая нынешней должностью литературного редактора в молодежном издании. Публикация в нашем альманахе — дебютная.

Сергей Переслегин (род. в 1960 г.) окончил кафедру теории ядра и элементарных частиц ЛГУ, с середины 1980-х годов занимается социологией, общей теорией систем, теоретической историей. В 1984 г. увлекся литературной критикой в области фантастики, действительный член семинара под рук. Бориса Стругацкого, лауреат премий «Странник», «Бронзовая улитка», «Интерпресскон». Один из основателей КЛФ «Полгалактики», главком военно-исторического клуба «Имперский Генеральный Штаб». Живет в Санкт-Петербурге. В альманахе «Полдень, XXI век» произведения С. Переслегина печатались неоднократно.

Дмитрий Смоленский (род. в 1964 г.) закончил Новосибирский медицинский институт, работал хирургом-травматологом. Вскоре после начала экономических реформ оставил медицину, работал в коммерческих компаниях менеджером-оператором, менеджером по закупкам, начальником отдела логистики, замдиректора и директором по логистике. Продолжает жить в Новосибирске, женат, имеет двух взрослых детей, в настоящее время не работает. Ранее публикаций не было.

Ник Средин (род. в 1982 г. в Могилеве-на-Днепре, Беларусь). В 2004 г. закончил филологический факультет МГУ им. А.А. Кулешова. В 2006 переехал в Днепропетровск (Украина). Работает в сфере IT. Публиковался в журналах «Першацвет» (Минск), «Порог» (Кировоград), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Азимут» (Одесса), в сборнике «Цветной день». Лауреат премии «Дебют-2006» в жанре драматургии.

Юлия Фурзикова (род. в 1966 г. в Екатеринбурге). В 1989 году окончила математико-механический факультет Уральского государственного университета. Сегодня и фактически всю жизнь живет в Екатеринбурге. Работает программистом в вычислительном центре Уральского университета. Публикаций до сих пор не имела.

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ. Николай Романецкий.

3

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ

Дмитрий Смоленский «СКЛАДКА». Повесть

7

Юлия Фурзикова «ВЕСНА». Рассказ

77

Майк Гелприн «ДИНОЗАВР ДИНОЗАВРОМ». Рассказ

95

Сергей Карлик «ПОКА ЛЕЖАТ МЕРТВЕЦЫ». Рассказ

105

Дмитрий Лященко «ОФИСНЫЙ РОБОТ». Рассказ

123

Владимир Гугнин «МАСКИ». Рассказ

127

Елена Кушнир «ТАКАЯ РАБОТА». Рассказ

131

Николай Средин «КРАСАВИЦА И КРАСАВЕЦ». Рассказ

135

Сергей Криворотов «МОЙ ПАПА». Рассказ

147

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Сергей Бережной «РЕЗИНОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ЧЕЛОВЕК». Эссе

153

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ

Сергей Перслегин «ПОДВОДНАЯ ЧАСТЬ АЙСБЕРГА». Эссе

163

ИНФОРМАТОРИЙ

Умер Владимир Михайлов

171

«Созвездие Аю-Даг» — 2008

172

Наши авторы

174

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ
XXI ВЕК

Читайте в январском номере:

Начало повести
Сергея Синякина
«Младенцы Медника»

а также произведения
Владимира Покровского,
Тима Скоренко,
Виктора Точинова
и других авторов

1861

ВОКРУГ СВЕТА
www.vokrugsveta.ru